

ГЛАВА 1

— Небо укроет нас плащом. Звёздные старцы дадут нам знак... — стройно протянули шесть учениц в чёрных сутанах, сидевшие за дубовыми партами в зале Воспоминаний.

— И тогда взойдёт Солнце... — продолжил за них наставник.

— И тогда взойдёт Солнце, и каждый поведёт Зверя, и Зверь поведёт нас.

— Достаточно, — наставник захлопнул книгу и обвел учениц взглядом. — Кассандра и Донна могут идти. Вплоть до дня Посвящения вы свободны.

Донна, шустрая девчушка с золотыми кудрями, вскочила из-за парты и торопливо скинула талмуд с Писанием в вещевой мешок.

Учитель шикнул на неё, но Донна, как обычно, ничего не заметила.

Кассандра двигалась медленно, чинно. Прежде чем спрятать священную книгу, она осенила её знаком стоголавой звезды. Затем приложила руку к груди, склонилась в церемониальном поклоне...

— Кассандра! — рявкнул учитель, и тут же в него впился взгляд необычных даже для уроженцев Ангары золотистых глаз с прожилками цвета аквамарина.

— Я соблюдаю церемониал, учитель...

Магистр Мирдек скрипнул зубами.

— Иди, — приказал он.

Кассандра ещё раз осенила книгу священным знаком....

— Кассандра! — рявкнул магистр уже громче.

Кассандра посмотрела на него осуждающе, молча затолкала книгу в сумку и вместе с Донной двинулась к выходу из класса.

— Ну, ты даёшь, — прошипела подруга, едва они оказались в коридоре. — Даже я не могу так его довести.

— Я не пытаюсь никого доводить, — Кассандра открыла мешок и всё-таки произвела над закрытой уже книгой необходимый ритуал. — Я не могу позволить себе таких вольностей, как ты, Донна. Я хочу остаться в монастыре навсегда.

Донна фыркнула.

— Так тебе и позволят. Жених-то в курсе твоих идей?

Кассандра скептически фыркнула и ни слова больше не сказала. О женихе вспоминать она не любила. Юрген Лабберт Розенкрейцер, наследник дома Розенкрейцеров и будущий владелец сети горнодобывающих предприятий по всему сектору, не вызывал у неё никаких эмоций, кроме страха, в котором Кассандра признаваться не желала никому — даже себе.

Она вообще не любила признавать свой страх. Куда проще делать вид, что ей просто ничего не нужно — ни мира за стенами монастыря, ни любви, о которой так мечтали все вокруг.

Её судьба решилась давным-давно, и, хотя договорные браки не были редкостью, Кассандра плохо представляла себе, как сможет весь остаток жизни провести в одном доме с человеком, который был ей абсолютно чужим.

— Я могла бы просто вступить в фиктивный брак и остаться здесь... — произнесла она задумчиво.

Урок учителя, в котором тот рассказывал о предназначении юных леди, порядком её напугал.

«Если Звезды сделали джентльменов могучими, как они сами, — говорил тот, — и несет их живой звездный дождь семя новой жизни в наш мир, то леди они обошли стороной. С самого сотворения мира обитает в них межзвёздная тьма, в которой гаснут летящие звезды. Но иногда она просыпается, пробуждает глубинные инстинкты, и тогда леди могут думать только об одном — как завести детей. Как в великом космосе рождается новая звезда, так леди создает новую жизнь».

После этих слов Кесси представила себе метеоритные дожди, в чью честь проводились торжественные службы во время Праздников Созидания. Черное небо в такие ночи мерцало и переливалось загадочными цветами, а по нему, озаряя своим сиянием и землю, и души

восхищенных людей, летели падающие огни.

Порой ей казалось, что придет срок, по небу понесутся звезды, выстроятся в ряд — и тогда сама она будет подобна Великой Звезде. Однако, однажды, копаясь в библиотеке на дальних полках, она наткнулась на книгу, в которой было написано то же самое, но гораздо более простыми словами.

«Мужчины способны подарить свое семя в любой момент, и это семя может способствовать производству на свет ребенка. Но женщины мудрой природой устроены так, что период зачатия у них наступает всего несколько раз в год, когда либидо их повышается до такой степени, что они не способны даже управлять своим разумом и хотят оставаться в постели со своим избранником как можно дольше. Этот период называется Зовом Семнадцати Звезд, история коего наименования уходит во тьму веков. Периодичность подобных желаний строго индивидуальна. Либидо женщин достигает максимального значения в эти дни, и рождение ребенка становится вершиной сего знаменательного события».

Кесси не хотела детей от слова совсем. И никогда её не мучил какой-то там зов, который, как говорил учитель, «настигал каждую леди, когда на небе в ряд выстраивались семнадцать звёзд». «Когда плодородные воды оросят её лоно, — добавлял он, — что случается раз в год». Кесси кривилась. Ей не хотелось быть лоном для плодородных вод.

Давным-давно, сидя в очередной раз в библиотеке, нашла она еще одну потрёпанную книжку, в которой рассказывалось о том, что звёзды разделили всех джентльменов. И делятся они на альф, бет, гамм, дельт, эпсилон и омега*. Согласно её классификации, учитель представлял собой типичного омегу, которого судьба выбросила на обочину жизни — и оттого он отыгрывался на тех, кто ещё слабее его. Впрочем, Кесси всё равно уважала мистера Мирдека, потому что он был учителем — а она уважала всех учителей.

Донна закатила глаза.

— Пошли, дурочка. Кстати... — Донна хитро посмотрела на неё. — Как насчёт того, чтобы прикрыть меня ещё разок?

— Донна...

— В последний раз! Аурэль ждёт меня ночью в саду, ну, Кес-си-и...

Кассандра вздохнула. Здесь, в семинарии для благородных юных леди, Донна была её единственной подругой — и то лишь потому, что сама попала к ним всего год назад, когда все компании давно уже сложились, и никто не горел желанием принимать к себе новенькую.

Донна не походила на Кассандру ни в чём, и, сложись судьба чуточку иначе, вряд ли они когда-нибудь взглянули бы друг на друга. Точнее, вряд ли Донна бы на неё взглянула. Она, как и большинство девочек здесь, представляла себе пребывание в монастыре как заключение, выбраться из которого — её святой долг. И в этом благородном деле не чуралась никаких методов, — а прежде всего, не чуралась использовать Кассандру.

— Мне надо готовиться к инициации, — произнесла Кассандра голосом, которым обычно пела в церковном хоре, и если бы рядом была не Донна, а кто-то другой, она, скорее всего, решила бы, что Кассандра валяет дурака.

Донна, впрочем, к причудам соседки по комнате давно уже привыкла. Кассандра была не от мира сего, — но её довольно легко удалось развести на то, чтобы она делала домашнюю работу за двоих и подсказывала ей на семинарах. Как результат, только их двоих освободили от зубрёжки, которой занимались остальные в преддверии выпуска.

— Кес-си... — позвала Донна и дёрнула подругу за кончик широкого рукава.

Кассандра явно не слышала вопроса, взгляд её был устремлён куда-то вдаль и, проследив за ним, Донна поняла, что заставило подругу замереть.

— О, да... — протянула она, внимательно разглядывая высокого черноволосого джентльмена, которого не видела, да и не могла видеть здесь раньше, никогда.

— О, нет! — протянула Кассандра в тон ей, выронила сумку, тут же подхватила её и со всех ног понеслась по коридору прочь.

— Юрген, какую выберешь? — Эрика в последний раз перетасовала карты и ловким движением кинула их веером на стол.

Юрген был мрачен с самого утра, когда отец призвал его к себе в кабинет и сообщил о предстоящей женитьбе. Он был мрачен настолько, что перед вылетом даже забыл расчесать свои волосы, уже слишком длинные для того, чтобы просто прочёсывать их по утрам рукой, но всё ещё слишком короткие для того, чтобы собираться в косу.

Мрачен настолько, что вместо любимого одеколона с сандалом побрызгался какой-то дрянью, от которой у Эрики всю дорогу чесался чувствительный курносый нос.

Мрачен настолько, что в этом нехитром пасьянсе, выбирая карту, постоянно тыкал не в ту, хотя Эрика и не пыталась скрывать от него, где прячется его любимый червонный туз.

— Опять проиграл, — провозгласила Эрика. — Сто кредитов на стол.

— Надоело, — бросил Юрген и шлёпнул стопку купюр рядом с колодой.

Встал и подошёл к иллюминатору.

Эрика подниматься не стала. Так и сидела, наблюдая за ним со своего места в пилотском кресле новенькой яхты, подаренной Юргену на третье совершеннолетие.

— Почему девочки взрослеют раньше нас? — спросил он мрачно, но Эрика лишь надломила бровь. Её этот вопрос несколько не волновал, потому что замуж она не собиралась ни в этом, ни в следующем году.

— Если бы мы выросли так же, как вы, отец просто подобрал бы тебе наречённую постарше.

Юрген скрипнул зубами.

— Почему я должен...

— Потому что ты старший сын, Юрген! — пропела Эрика, всё-таки поднимаясь и пристраиваясь к нему со спины. — Ты должен вступить в брак, но никто не требует от тебя любви к ней. И... — Эрика положила подбородок Юргену на плечо и легко цепанула его зубами за краешек уха. — У тебя всё равно остаюсь я!

Юрген поморщился. Он не был настроен ни на ласки, ни на любовь.

— Может, она окажется хотя бы красивой? — спросил он скорее у себя самого, чем у Эрики, стоящей за спиной.

— Всё может быть, — Эрика чуть надула губки, не скрывая разочарования. — Но это не повод пускать её к себе в постель.

Юрген прищурился и бросил на неё жёсткий взгляд.

— Это ты решила за меня?

— Нет, — буркнула Эрика, поняв, что его окончательно занесло не туда. — Смотри. Космопорт уже виден. Пора брать управление на себя.

Если что-то Юрген Розенкрейцер и умел делать хорошо — то это летать.

Он отстучал каблуками по мостовой Аметистовой Академии три года и ещё два провёл в высшем лётном училище, причём и тут и там сумел доучиться до конца только по двум причинам — он хорошо летал и хорошо играл в страйкенбол.

Если первое позволило ему сдать самостоятельно хоть один зачёт, то второе стало причиной получения всех остальных — потому что игроков в страйкенбол всегда ценили высоко, даже выше, чем хороших пилотов, которых, в сущности, находилась парочка на каждой параллели.

Страйкенбол сам Юрген оценивал как личную путёвку в жизнь — статус нападающего позволил ему вступить в братство, статус отличного нападающего позволил ему выбирать по своему вкусу девочек из самых лучших семей.

Но ни статус нападающего, ни лётное мастерство не освобождали его от того единственного, для чего, как считал отец, он был рождён — объединить две могущественные корпорации и стать наследником величайшей финансовой империи со времён Майкрософта.

Юрген аккуратно заложил вираж, по дуге заходя на световую линию, указывающую ему место для парковки у самых стен Сайликского монастыря — одной из трёх лучших школ для девочек в обозримой галактике.

— Йо-хей-хо... — пропел он негромко первые звуки боевого гимна космолота и перевернул корабль, вызвав недовольное шипение из кресла второго пилота. — Причёску испортил? — поинтересовался он.

— А то! Глупый ты всё-таки, Юрген! Мне ещё за документами с тобой идти!

Юрген фыркнул и, перевернув корабль обратно, уже спокойно выпустил шасси и опустил яхту на асфальт.

Сайликский монастырь встретил гостей тишиной коридоров и изредка мелькавшими по углам силуэтами учениц в чёрных сутанах.

— Обетом воздержания пахнет, — сообщил Юрген мрачно. — И куда здесь идти?

— Дурак, это же монастырь! Смотри, вон какие-то послушницы идут. Или ученицы. Может, у них спросить?

Юрген оглянулся и увидел перед собой двух учениц. Различие между ними тут же бросилось ему в глаза, и он вспомнил старые стереофильмы, где главный герой спрашивал у монашки будто шутя: «Дай посмотреть, что ты носишь под сутаной?»

Ему и самому захотелось задать подобный вопрос, когда он увидел белокурую хрупкую послушницу в слишком большой для неё чёрной сутане. Мягкие воланы бархатистой ткани ниспадали вдоль хрупких рук, а вырез был настолько широким, что едва прикрывал тонкие ключицы, от вида которых у Юргена стремительно свело в паху.

Юрген отвернулся — как делал это всегда, чтобы заставить девчонку тревожиться и ловить его взгляд — и наткнулся на её спутницу. Эта была всего на пару сантиметров выше блондинки, но наглухо застёгнутый ворот сутаны и волосы, туго стянутые в косу за спиной, делали её на вид более высокой и худой. На носу ученицы красовались очки в чуть погнутой металлической оправе, но лицо при этом казалось таким глупым, будто они служили ей только для украшения.

— Йо-хей-хо... — пропел Юрген задумчиво вполголоса. Кого-то эта ученица ему напоминала, но он никак не мог вспомнить кого. Впрочем, в следующую секунду необходимость в этом отпала, потому что странная послушница развернулась и драпанула по коридору со всех ног.

Златокудрая поколебалась пару секунд, переводя взгляд с заезжего мужчины на свою ненормальную подружку, а потом бросилась следом за ней.

— Эй, кудряшка, погоди! — крикнул Юрген, заметив, что из кармана девчонки выпал какой-то белый прямоугольник. Но та лишь наградила его коротким хихиканьем, махнула рукой, пытаясь подать какой-то сигнал, и снова бросилась наутёк.

Юрген подошёл к тому месту, где только что стояли две воспитанницы, и поднял лежавший на полу кусок пластика:

— Донна Зальм, — прочитал задумчиво он. Затем поднял глаза на Эрику. — Думаешь, они тут все такие дурные?

— Наверняка, — Эрика отобрала у него визитку и двинулась следом за беглянками. — Пошли. Сами дирекцию найдём.

*Кассандра откопала в библиотеке книжку по социологии групп. Если кто не знаком с этой теорией, то вкратце:

Альфа — вождь, ведущий всех за собой, и стоит на вершине иерархии.

Бета — с одной стороны, первый помощник альфы, с другой — использует любую возможность

занять его место.

Гаммы и дельты — окружение вожака, отличаются тем, что гаммы, стараясь удержаться в стае и не попасть под опалу, подхалимничают. Они же с удовольствием будут пинать своих, если те попадут в немилость. Дельты — не стремятся выделиться и скорее равнодушны к продвижению вверх, но и не занимаются подхалимажем.

Эпсилон — почти то же самое, что гаммы и дельты, но совсем индифферентны к конкурентной борьбе. По умственным способностям порой превосходят альф и бет, но просто всегда обходятся только собственными силами, оставаясь в стороне от коллектива.

Омеги — изгои, находятся под постоянной атакой гамм.

ГЛАВА 2

Кассандра захлопнула за собой дверь спальни и трижды глубоко вдохнула.

Юргена Розенкрейцера, своего наречённого, она узнала сразу же, как только увидела перед собой.

Кассандра видела Юргена десятки, сотни раз — на газетных вырезках, в криминальных хрониках и даже в альбоме с сотней лучших страйкболистов три тысячи сорок седьмого года с начала эры Освоения. Она никому не признавалась — впрочем, ей и некому было в этом признаться — в том, что следила за судьбой Юргена с тех самых пор, как её отец, Пауль Кинстон, принял решение о создании корпорации из «Maiden Swan» и «Дастиш Зонг» — двух крупнейших компаний, обеспечивающих судостроение в освоенном секторе.

«Создание корпорации» было хорошим термином, который Кассандра частенько перекачивала на языке, пытаясь понять, почему воплощением этого создания корпорации стала она сама. Ведь сколько она помнила себя в начальной школе, а затем и в монастырской, её учили, что средоточие могущества человека — в его воле. Что нельзя принудить к неволе и нельзя заставить любить. Впрочем, эти уроки не имели ничего общего с реальностью, когда дело касалось больших денег.

Когда дело касалось таких акул межзвёздного бизнеса, как Пауль Кинстон и Рабан Розенкрейцер.

Пауль Кинстон сам, кажется, никогда не любил. Сколько Кассандра помнила своего отца, она попросту не могла представить его в обществе женщины — даже в обществе Орэль Кинстон, наследницы давно уже поглощённой Кинстонами судостроительной империи «Rise». Пауль и Орэль соприкасались руками только на публике, и даже в эти недолгие секунды они казались двумя каменными столбами, холодными и закрытыми ото всех. Такими же они оставались и с дочерью, которая большую часть своей жизни провела в закрытых школах, в руках умелых и строгих наставников и в обществе чужих, мало знакомых учениц.

Может быть, поэтому с другими девочками у Кассандры не ладилось никогда. Она не понимала их озорного нрава. Не понимала их любви к блестящим побрякушкам, драгоценным камешкам, заколкам для волос и прочей чепухе. Она сама не стриглась под горшок только потому, что родители никогда не давали ей денег на посещение цирюльника, а её единственный опыт взять ножницы в собственные руки закончился тяжелым ранением уха.

Заколок Кассандра тоже не носила, предпочитая одну надёжную синюю резинку для волос, которая служила ей талисманом с десяти лет. Она представить себе не могла, что случится, если эта резинка порвётся, потому что без неё ощущала себя как без рук.

Примерно того же возраста были её очки, которые Кассандра одела ещё во втором классе младшей школы и с тех пор не снимала, потому как часто засыпала за книгой — или, вернее, с книгой в обнимку. Однажды, когда она ещё училась в школе со смешанным обучением, двое мальчишек поймали её в коридоре после занятий и долго тискали, пытаясь что-то нащупать под серым ученическим кителем, одинаковым для мальчиков и для девочек. Кассандра отбивалась так яростно, что прокусила одному из них палец, но очки тогда слетели с её лица, и Кассандра перепугалась до смерти, решив, что ослепла — она чувствовала себя абсолютно беспомощной, когда не могла видеть чего-то из происходящего вокруг.

Точно так же было и с одеждой — Кассандра попросту не могла представить себе, что покажет окружающим что-то из своего тела — запястья, которые другие девочки украшали завитками хны и тоненькими плетёными браслетами, шею, которую Донна всегда разглядывала по утрам, тщательно примеряя к ней воротник сутаны, или даже щиколотки — некоторые послушницы подрезали рясы, чтобы при ходьбе иногда мелькали в складках одежды едва прикрытые тонкими ремешками сандалий ступни.

Кассандра не то чтобы считала эти части тела не такими красивыми, как у других — нет, когда она была обнажена, то могла так же увлеченно, как и Донна, разглядывать своё подтянутое, стройное тело. Наедине с собой она не стеснялась ничего. Но окружающий мир казался ей сплошным переплетением колючего кустарника, а тонкая преграда сутаны — единственной защитой от опасностей, которые подстерегали на пути из кельи в аудитории для занятий.

Кассандра прекрасно видела, как ведут себя и одеваются другие, но то, что сама она выглядит как-то иначе, никогда не бросалось ей в глаза. И потому она не могла понять — ни тогда, в школе, когда её тискали в углу, ни потом, в монастыре, когда другие ученицы хихикали ей вслед — что именно с ней не так.

Когда Кассандре было шестнадцать, она запиралась и чуть не плакала от непонимания того, что с ней не так. А потом ей попалась книжка по психологии, брошенная кем-то на ученической скамье — сама она такие не читала, считая бесполезной тратой времени. В этой книжке Кассандра прочитала о том, как двигается по телу молодой женщины таинственная сексуальная сила, и о том,

как различаются между собой люди разных возрастов. И ещё о том, что в шестнадцать каждая, без исключения, задаётся теми же вопросами, что и она сама.

Кассандра два дня наблюдала за другими ученицами, ходившими по коридорам монастыря, и пыталась представить, что в их смеющихся головках в нимбах из кудрей вертятся те же мысли, что и в её собственной голове, — но поверить в это так и не смогла.

Впрочем, книга всё же произвела на неё какое-то волшебное воздействие, и задавать себе глупые вопросы Кассандра перестала, раз и навсегда, решив, что ей просто не быть такой, как они.

Она исключила из своей жизни и без того нечастые попытки завести друзей и полностью сосредоточилась на учёбе, а главной мечтой её стало — остаться при монастыре насовсем. Больше ничто не могло поколебать её спокойствия — по крайней мере внешне, потому что раз в несколько недель сердце всё равно сводило от тоски и смутного осознания собственной неполноценности. Единственной отрадой её стал дневник, страницам которого она доверяла иногда свои мысли — не очень часто, только в моменты, когда чувствовала, что нуждается в успокоении. Тогда её словно отпускала грусть, ей казалось, что сам факт того, что мысли выражены в словах, а слова записаны, означает, что её проблемы каким-то образом решены.

Гибель родителей она восприняла так же равнодушно, как воспринимала и всё остальное, творившееся кругом. Они никогда не были ей близки, и она никогда не могла понять той радости, которая появлялась на лицах одноклассников, когда впереди появлялась перспектива вернуться домой.

Кассандра замкнулась ещё больше и теперь и вовсе ни с кем не говорила — никто, впрочем, и не пытался заговорить с ней, кроме разве что школьного психолога, который с умным видом задал ей по бумажке два десятка вопросов и больше к себе не вызывал — видимо, тоже решил, что всё происходящее с девочкой укладывается в рамки стандартной психологии переходного возраста.

Так продолжалось и тогда, когда появилась Донна, которая хоть и сделала её холодный мир немного ярче, но так и не смогла пробиться сквозь преграду изо льда, которую Кассандра воздвигла вокруг себя. И только сейчас, когда Кассандра увидела перед собой Юргена — такого знакомого и в то же время такого другого, не похожего на плоские фотографии и угловатые стереограммы, Кассандра ощутила, что её лёд треснул.

— Классный, правда?

— Да... — ответила Кассандра, не сразу поняв, откуда слышит голос Донны, и Донна ли говорит с ней вообще.

Только обнаружив, что произнесла это слово вслух, Кассандра заставила себя собраться с мыслями и наконец-то увидела, что Донна каким-то чудом успела проскочить в захлопнувшуюся за ними дверь.

— То есть нет, — поправилась Кассандра. — Ничего классного я не вижу в нём. Обычный напыщенный страйкенболист, каких полно по ту сторону наших стен.

— А откуда ты знаешь, что он любит страйкенбол? — поинтересовалась Донна тут же, и в глазах её появилась какая-то нездоровая искра.

— Оттуда, — буркнула Кассандра. Подошла к кровати, опустила на неё мешок, но сама так и не решилась лечь. Что-то внушало ей беспокойство в возбуждённом поведении Донны, и на всякий случай она всё же решилась сказать: — Донна, это мой жених.

Кассандра повернулась к соседке и обнаружила, как с лица той сползает всякое подобие радости.

— Правда? — спросила Донна.

— Да.

— Я тебя ненавижу, Кассандра, ты увела у меня самого шикарного мужчину на сто парсеков вокруг.

— Что... — Кассандра почувствовала, как кровь приливает к лицу, но тут же взяла себя в руки. — Не мели чепухи. Я не виновата, что родители заключили с Розенкрейцерами договор.

— Я никогда тебя не прощу! — отрезала Донна и вопреки своим словам тут же прислонилась к плечу подруги. — Если только ты не прикроешь меня перед наставницами, пока я буду говорить с Аурэлем.

Кассандра застонала.

— Донна, уйди!

— Уже ушла! — Донна подскочила к окну, подняла жалюзи, свистнула в темноту и, выждав пару секунд, пока из сада не раздастся ответ, спрыгнула с подоконника вниз.

Оставшись в одиночестве, Кассандра принялась было раскладывать по полкам содержимое сумки. Затем снова бросила её на кровать, коснулась броши, скрепившей ворот сутаны, намереваясь расстегнуть её и отправиться в душ, когда в дверь постучали.

— Да, — откликнулась она.

Дверь открылась, в образовавшейся щели показалась голова старшей по курсу.

— Кассандра! К директору! — услышала она.

Кассандра сморщила нос, вознесла беззвучную молитву звёздам и, снова застегнув воротник, направилась к выходу.

Эрика сидела, перебирая одной рукой растрепанные после перелёта пряди волос и пытаясь уложить их в прежнюю аккуратную причёску. Взгляд её был нацелен на Юргена, сидевшего в соседнем кресле. Юрген хоть и выглядел тоже немного уставшим, но в целом казался таким же неотразимым, как и всегда: Эрика вообще давно уже заметила, что все неприятности стекали с Юргена как с гуся вода. Даже шрам, который он получил во время очередной своей дурацкой выходки на занятиях по лётному делу не только ничему его не научил, но и красил лицо, которое до того было, пожалуй, слишком уж правильным для мужчины.

Юрген, впрочем, на неё не смотрел. Он перебирал ласковым взглядом учениц, снующих мимо открытой двери в приёмную директора — как будто пересчитывал разбросанные по полу карандаши.

— Куда ты уставишься, Юрген, — Эрика поднялась с кресла и, подобравшись к нему поближе, облокотилась о спинку кресла наследника. — Они же все принесли обет. Их же тут берегут как зеницу ока — чтоб никто не испортил товар.

— Да, — Юрген обжёг её насмешливым взглядом. — Ты наивна, как дитя. Половина из них спокойно обходят контроль.

Эрика вздёрнула бровь и уставилась в коридор. Она мало понимала в порядках монастырской школы и, конечно же, даже сам факт, что вокруг одни монашки, заставлял ее думать, что тут тюрьма. Да и вообще с трудом различала этих одинаковых учениц, обряженных в чёрное все как одна.

— Я думала, тебе понравилась Донна, — произнесла она задумчиво. Сражаться с полигамной природой Юргена Эрика давно перестала — и старалась лишь не слишком тратить нервы на его выходки.

— Кто? — спросил Юрген рассеянно.

Эрика закатила глаза.

— Забудь. Никто, — она снова рухнула в свободное кресло и, отвернувшись, уставилась на двор монастыря, где журчал водой невысокий фонтанчик.

— Одна из них может быть моей невестой, — произнёс Юрген задумчиво, разглядывая двух учениц, устроившихся почти что напротив дверного проема и то и дело кидавших на него игривые взгляды.

Одна была шатенкой. Волосы её были заплетены в косу, объемную, чуть распушившуюся и удивительно подчёркивающую полные темные губы. Глаза у неё были карие и глубокие, как лесная мгла.

Другая был блондинкой, но, в отличие от Донны, волосы у неё были почти серебристые и лежали на одном плече мягкой волной, скотые в хвост какой-то хитрой брошью, инкрустированной бирюзой. Драгоценные камни в монастыре были запрещены — но девочки всё равно старались кто во что горазд.

Эрика ответить не успела. Только она повернулась и осмотрела оценивающе заинтересовавших Юргена учениц, как их заслонили два других силуэта: полного мужчины, которого оба гостя знали по фотографиям под именем магистра Брюнера, и давешней худощавой ученицы.

— Нашёл! Нашёл, господин Розенкрейцер! — сообщил запыхавшийся Брюнер.

Юрген переключил внимание с Брюнера на сопровождавшую его тень.

— Нет... — сказал он твёрдо.

— Да, господин Розенкрейцер! Да! Рад представить вам юную Кассандру Кинстон, владелицу судостроительной компании «Дастиш Зонг»! — директор обернулся, намереваясь указать на стоявшую рядом с ним ученицу, но обнаружил, что тыкает пальцем в пустое место.

Брюнер покосился на гостя, сидящего перед ним, затем выглянул в коридор, но, так и не увидев там никого, вернулся в кабинет.

— Не важно, — Юрген оперся о стол. — Я её не беру.

Он встал, собираясь покинуть кабинет, но директор ловко закрыл дверь у него за спиной.

— Вы правы, господин Розенкрейцер, это абсолютно не важно! Все её документы у меня. Леди Кинстон вы видели и, стало быть, теперь сможете познакомиться с ней наедине, — Брюнер прокашлялся и, миновав Юргена, опустился в своё кресло за массивным дубовым столом. — Она немного пуглива, — пояснил он, не поднимая взгляда от бумаг. — Знаете... это бывает... В её возрасте у... девочек, — Брюнер покосился на Эрику.

— У меня не было, — поспешила заявить та и, в общем-то, не соврала. Девочки часто становились пугливы, когда их сексуальные порывы сдерживали до наступления официального совершеннолетия — то есть до двадцать первого дня рождения. Перед Эрикой такой проблемы не стояло никогда, и потому страх перед мужчинами был ей неведом — как и любые другие социальные запреты, насаждаемые обществом.

Юрген повернулся к двери.

— Не торопитесь, господин Розенкрейцер, — одёрнул гостя магистр Брюнер, — успеете сблизиться со своей невестой. А для начала нам с вами нужно уладить некоторые формальности... В преддверии её Посвящения.

Юрген попытался ретироваться, но Эрика перегородила ему дорогу, развернула и направила в цепкие лапы директора.

— Предательница! — шипел Юрген, когда они вырвались наконец на свободу, закончив бумажную волокиту.

— Не валяй дурака! — отвечала Эрика ему в тон. — Ты не можешь просто вернуться домой без неё!

— Почему это? — Юрген даже остановился и заинтересованно уставился на подругу.

— Господин Рабан лишит тебя наследства!

— Плевать! Я стану контрабандистом!

Эрика застонала. Иногда дурость приятеля доводила даже её.

— Юрген, — она вцепилась в его рукав и заставила посмотреть себе в глаза. — Женишься и гуляй смело. Никто не будет тебя ни к чему принуждать.

— Она же уродина! — не выдержал Юрген и выдернул свою руку из пальцев Эрики. — Мне её целовать! Хочешь сделать это за меня?

Лицо Эрики приняло задумчивое выражение, и Юрген ответил за неё:

— Разумеется, нет!

— Я просто не люблю целовать девочек! В отличие от тебя!

— Я люблю красивых девочек, Эрика! Красивых, а не таких, как... — он лишь сделал неопределенный жест и, развернувшись, двинулся по коридору прочь.

Некоторое время Эрика следила, как удаляются его широкие плечи, облаченные в шелковую чёрную рубашку, а затем, негромко крикнув: «Юрген!» — бросилась следом за ним.

Кассандра, стоявшая за углом, только стиснула кулаки и проглотила подступивший к горлу ком. Никогда, с тех самых пор, как её лапали за дверями класса, приговаривая: «А она точно девочка? Да ну! Не похоже! Смотри! Ничего нет!»... С тех самых пор, как она прочитала, что её состояние — лишь естественная реакция девочки на выброс гормонов... С тех самых пор, как ей стукнуло семнадцать, Кассандре не было так обидно, как в этот момент.

Шелестя сутаной и широко перешагивая длинными ногами, она вернулась в келью и долго ещё разглядывала себя в зеркале, пытаясь понять: что же с ней не так? Но, так и не поняв ничего, рухнула на кровать, не раздеваясь, и почти что сразу уснула.

ГЛАВА 3

Юрген Розенкрейцер не любил, как он выражался, «проблемных девочек».

За двадцать пять лет жизни в статусе наследника империи «Stellar Power» он убедился в том, что все девочки делятся на два типа: девочки, которые хотят забраться к нему в постель, и девочки, которые рассчитывают дотащить его до алтаря. Если первые имели все шансы на успех, то потуги вторых были попросту смешны, потому что судьба Юргена была предreshена давным-давно — и потому он смело расписывал перед ними все блага, доступные членам клана Розенкрейцеров до тех пор, пока они не попадали к нему в постель.

К чести Юргена нужно сказать, что он никогда не давал ложных клятв и никогда не говорил о любви, которой не испытывал ни к кому из них. А так же то, что, помимо фамилии Розенкрейцер, он имел немало других достоинств — как-то: замечательные рельефные бицепсы, не менее скульптурный пресс, улыбку Джоконды и взгляд дикой пантеры. Не последнее место в списке его добродетелей занимали и три кубка по страйкенболу.

Однако наряду с «нормальными» девочками, которые адекватно реагировали на его бескомпромиссное обаяние, иногда — примерно раз в десять лет — встречались «проблемные девочки».

Первой из таких девочек Юрген считал свою мать.

Как ни старался молодой наследник, ему не удавалось убедить её в том, что он сделал домашнее задание, погулял с собакой и не приглашал домой ту девочку в короткой красной юбке, распространяющей вокруг себя терпкий аромат духов с феромонами. К слову сказать, резкие запахи и красные юбки Юрген любил и отвращения своей родительницы к упоительным ароматам, наполнявшим дом после вечеринок братства, не понимал.

Второй такой девочкой стала Эрика. Первый год знакомства у них не ладилось никак. Эрика, в отличие от других проблемных девочек, всё-таки хотела запрыгнуть к Юргену в постель.

Правда, на следующее утро Юрген, размышлявший о том, как бы смыться не прощаясь, открыв глаза обнаружил, что уже остался один.

Не то чтобы он очень хотел увидеть Эрику второй раз... Но происшествие неприятно проскрежетало по его альфа-достоинству, и он решил, что просто обязан повторить ночь с Эрикой, но на сей раз завершить её правильно.

Второй раз организовать удалось с куда большим трудом — Эрика уходила из клуба, где они встретились, то с одним парнем, то с другим, но Юргену лишь подмигивала насмешливо и делала вид, что видит его в первый раз.

Когда же Юргену, наконец, удалось зажать Эрику в туалете, та развела его на страстный и короткий секс и бессовестно смылась обратно в зал.

В тот вечер Юрген решил, что рано или поздно не просто отымеет Эрику второй раз, но и вовсе убьёт. Он подготовил сети, расставил ловушки, устроил драку в клубе и, отбив Эрику у парочки нанятых им для пущей надёжности мужиков, притащил к себе домой. Где и попал в собственные сети — в буквальном смысле. Эрика ловко привязала его к кровати, получила свою долю девчачьего кайфа и снова сбежала.

К стыду Юргена, за те шесть часов, что он провёл привязанным к столбикам собственной кровати, гадая, кто появится в спальне раньше — родители или прислуга, весь его героический запал сошёл на нет. И, увидев Эрику в следующий раз, он первым протянул ей руку и предложил перемирие.

С тех пор из разряда «проблемных девочек» Эрика перешла в категорию лучших друзей, с которыми можно провести время к обоюдному удовольствию.

И вот, спустя ещё семь лет, Юргену попалась третья в его жизни проблемная девочка. Причём, если с первой ссориться было себе дороже, а со второй попросту не хотелось, то зачем ему налаживать контакт с третьей — Юрген попросту не понимал.

Они с Эрикой стояли на балкончике в гостевых апартаментах, выделенных им магистром, и наблюдали, как девочки на открытой площадке перед фонтаном разучивают какую-то череду ритуальных движений. Наблюдал скорее Юрген, потому что Эрика просто стояла, привалившись бёдрами к витому парапету, и потягивала из высокого стакана какой-то запрещённый, явно провезённый с собой ароматный коктейль.

Кассандра стояла в последнем ряду и размахивала в воздухе руками, в то время как движения

большинства её соседок были плавными и размеренными. Она выглядела нелепо и бестолково даже на фоне этой однообразной чёрной братии — или сестрии — Юрген не знал, как их обозвать, всё обаяние которой состояло в её экзотичности — Юрген ещё не расстался с мыслью заманить к себе в спальню кого-нибудь из местных послушниц.

— Что они делают? — спросил он у Эрики, отбирая у той коктейль и делая крупный глоток.

— Это обряд Посвящения, — Эрика вернула себе напиток и осушила стакан залпом раньше, чем Юрген успел ей помешать. Затем поставила его на подоконник и продолжила: — Тебе тоже это предстоит. Ты не занимался с отцом?

Юрген скривился.

— Что-то вроде танцев?

Эрика усмехнулась.

— Ну, если только «вроде»... Иди сюда, — она поманила Юргена пальцем и, когда тот вошёл в спальню следом за ней, осторожно обняла, так что Юрген ощутил опасно близко запах ее тяжелых духов — так могли бы пахнуть бутоны розы после грозы.

— Не шути со мной, — пробормотал Юрген, чувствуя, как нарастает возбуждение.

— Дурак. Ты тоже меня обними. Да не так! — Эрика поспешно вывернулась из его рук, заметив, что те норовят заползти ей под блузку. — Будешь учиться или нет?

— Чему ещё ты можешь меня научить? — Юрген прильнул к ней и уткнулся носом в изгиб плеча, вдыхая возбуждающий аромат.

А в следующую секунду раздался стук в дверь, и прежде чем кто-то из обитателей спальни сказал: «Открыто» — дверь распахнулась, и с порога послышалось тихое: «Ой».

Юрген повернулся, приготовившись выплеснуть на пришельца всю степень своего недовольства, и столкнулся взглядом с пунцовой, как рак, и тощей, как жердь, ученицей, которую ему предстояло взять в супруги.

— П-п-простите... Я по-мешала?

— Да! — рявкнул Юрген, который не успел ещё толком прийти в себя.

— Нет! — Эрика ткнула его острым локтем в бок и вырвала запястье, которое, как оказалось, Юрген сжимал в руках. — Мы очень рады вас видеть, леди Кинстон!

Кассандра продолжала стоять неподвижно и смотреть на запястье Эрики, ещё хранившее следы пальцев Юргена.

— Я всё же помешала, — сказала она тихо, немного совладав с собой. — И я, пожалуй, пойду.

— Стой, — одёрнул её Юрген. — Раз уж пришла, говори, что хотела.

— Да. Да, точно, — Кассандра глубоко вдохнула, пытаясь замедлить бег бешено бьющегося о рёбра сердца. Набрала полную грудь воздуха и продолжила: — Я пришла пригласить вас, господин мой будущий су... Юр... господин Розенкрейцер, я пришла пригласить вас на вечер вручения дипломов, который пройдёт сегодня в вишнёвом саду! — выпалила Кассандра наконец и замерла, затаив дыхание и вжав голову в плечи.

Юрген посмотрел на Эрику.

— Это про что?

Эрика закатила глаза. Потом посмотрела на Кассандру.

— Он придёт, — ответила она. — Идите, леди Кинстон. Юрген за вами зайдёт. Я за этим прослежу.

Дверь захлопнулась раньше, чем она успела договорить.

— На чём мы остановились? — Юрген снова обнял её за талию, и на сей раз Эрика поддалась, решив, что мужчинам все-таки надо уступать — хотя бы иногда.

Кассандра почти бегом преодолела извилистые коридоры, пронеслась через аллею с зимним садом,

соединявшую гостевой и ученический корпуса, и, влетев к себе в келью, захлопнула дверь. Приникла к ней спиной и ударила кулаком, а затем взвыла и чуть не расплакалась от подступившей к горлу обиды.

— Ты что? — только сейчас Кассандра заметила лохматую голову Донны, приподнявшуюся над подушкой.

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

— Кого? Его или себя?

— Что? — Кассандра уставилась на неё. — Откуда ты... Донна!

— Что? У тебя такое лицо, как будто ты только что поссорилась с женихом.

— Нет! — отрезала Кассандра и, подойдя к окну, приникла лбом к стеклу. Постояла так пару секунд, надеясь обрести душевное равновесие, глядя на серебристые струи фонтана. Потом не выдержала и снова ударила кулаком по стене. — Он мне не жених. Он любит Эрику.

— Эрика? — Донна зевнула, потянулась и, соскользнув с кровати, грациозным кошачьим движением подобралась к Кассандре поближе. — Это тот парень, который приехал с ним? Но он же... парень?

Кассандра бросила на Донну уничтожающий взгляд.

— Она — девушка, и я видела, как они целовались!

Донна присвистнула.

— Мда... — сказала она задумчиво. Помолчала и добавила: — Но что с того? Он же всё равно остаётся наследником Розенкрейцеров?

— Что ты хочешь сказать?

— Ну... Мало ли с кем он целовался. Он всё равно может жениться только на тебе. И ты можешь выйти замуж только за него. Разве нет?

— Донна! — Кассандра даже вцепилась соседке в плечи. — Я его люблю!

Она выдохнула последнее слово уже почти бесшумно, растеряв весь запал, и теперь стояла, тяжело дыша и становясь всё более пунцовой с каждой секундой.

— Да... — протянула Донна. — Ты попала.

Потом осторожно отцепила от себя руки Кассандры по одной и, продолжая удерживать их в своих — так, на всякий случай, продолжила:

— Кесси, может, это и прикольно — быть похожей на парня, когда тебе двадцать лет, но на таких, как Эрика, не женятся.

— С ними спят!

— Пока не надоест. А потом, ну... Потом...

— Донна, — Кассандра прикрыла глаза и перевела дух. — Спасибо тебе, конечно, но не надо меня успокаивать. Мы обе знаем, что я представляю из себя. Ни один парень на двадцать шагов ко мне не подошёл бы, если бы не мои деньги. Надо мной даже самые страшные из них смеются, не говоря про таких, как Юрген. Я просто... ну... Просто, брак не для меня...

Донна надломила бровь.

— Для кого же он тогда? Для Юргена?

Кассандра пожала плечами и отвернулась.

— Твой жених, конечно, шикарен, — заметила Донна, становясь рядом с ней. — Но, честно говоря, муж из него будет ну... Никакой. Вот Аурэль... Впрочем, это не важно, — она развернула Кассандру лицом к себе. — Тебе просто надо... Ну... немного... — она обвела лицо Кассандры неопределённым жестом. — Умыться, что ли? Голову помыть?

Кассандра горько помотала головой.

— Я не понимаю, что я делаю не так, — устало пробормотала она.

— Ясно. А ну пошли, — Донна взяла почти не сопротивляющуюся подругу за руку и потащила в ванную. — Рассказывай, пока я работаю над тобой, — приказала она и, схватив сутану Кассандры за плечи, стала стаскивать её через голову.

— Что рассказывать? — поинтересовалась Кассандра из своего чёрного мешка.

— Говори, когда ты увидишь его в следующий раз.

— Сегодня, на вручении дипломов. Я его пригласила.

Донна, которая как раз повернула Касандру вокруг своей оси, замерла и с удивлением посмотрела ей в глаза.

— Сильна, — сказала она.

— Что? — не поняла Кассандра.

— Я говорю, молодец. Я бы никогда не пригласила парня на первое свидание сама.

Кассандра принялась стремительно краснеть — вся, от кончиков ушей до мизинцев на ногах.

— Я не хотела... — пробормотала она, но договорить ей Донна не дала.

— В душ, — приказала она и, подтолкнув Кассандру к душевой, захлопнула за ней дверь, и сама прислонилась спиной с другой стороны. — У тебя пять минут! — крикнула она сквозь стекло. — Не успеешь — приду домывать сама!

— Что мне делать? — услышала она голос Кассандры из облака пара.

— Голову мой, что! Я пошла готовить инструмент.

При звуках последнего слова Кассандре стало нехорошо, но она заставила себя оставаться на месте, решив, что так сможет отсрочить встречу с «инструментом» ещё на целых пять минут.

Инструментом оказались щипцы для завивки. Опустив их на стол между их с Кассандрой кроватями, Донна выложила рядом ещё одни щипчики поменьше — для подкрутки ресниц. Затем набор театрального грима, который сумела перекупить у одной из учениц за две пачки шоколада, две шкатулки с собственными драгоценностями, ножницы и иголку.

Выйдя из ванной и увидев это всё, Кассандра попятилась было назад, но Донна остановила её. Поймала за поясницу, подтолкнула к столу и, с силой надавив на плечи, усадила на стул.

— Садись! — приказала она. — И не шевелись. А то останутся ожоги.

Кассандра замерла, как кролик перед удавом, и приготовилась встретить свою судьбу.

— По-моему, очень даже, — сообщила Донна через полчаса, внимательно разглядывая отразившуюся в зеркале черноволосую подругу.

— А не слишком похожа на пуделя? — спросила Кассандра неуверенно.

— Ты что! Это самый писк! — Донна отошла назад, любуясь делом своих рук. — И тебе очень идёт!

Она вытерла рукавом пот со лба и добавила:

— Ладно. Я в душ. Приведу себя в порядок, и идём.

Эрика на вручение идти отказалась, аргументировав это тем, что у неё болит голова.

В монастырской школе для благородных девиц она, в самом деле, чувствовала себя не очень хорошо — примерно как белая ворона в стае северных моржей. К тому же ясно было даже ей, что, если Юрген обидит невесту ещё раз, та может попросту отказаться вступать в брак. И если Юргена могли заставить его родители, то надавить на леди Кинстон после вступления её в пору совершеннолетия не смог бы уже никто.

Юрген, недовольный таким положением вещей, всё же направился к дверям непонятной девочки, с которой ему предстояло, по его прикидкам, прожить лет пятьдесят. Его бы как раз вполне устроило, если бы Кинстон отказалась от свадьбы — и плевать, что скажет на это отец. Однако Эрика вытолкнула его за двери так решительно, что другого пути, кроме как к кельям учениц, Юрген не нашёл.

Без пяти семь он постучал в дверь и, услышав из-за двери негромкое: «Да!» — распахнул её настежь.

Юрген осторожно отступил назад. Перед ним на стуле сидело, сложив руки на груди, абсолютно непонятное создание с шапкой чёрных густых кудрей на голове. Тут и там из этой копны торчали розовые бантики. Глаза непонятного существа были обведены чёрной тушью, что делало его ещё более бледным на вид, а ряса с распоротым воротом сползла набок, чуть приоткрывая острое плечо — такое тощее, как будто его обладательницу не кормили добрых несколько недель.

Юрген сглотнул.

— Простите, это комната Кассандры Кинстон?

Существо расплылось в улыбке и продемонстрировало тридцать два острых крокодильих зуба.

— Да!

Никогда ещё Юргену не было так страшно, как в этот миг.

— Да, это я!

Юрген сделал ещё один шаг назад.

В эту минуту спасительным ветром в комнату ворвалась златокудрая подружка — облачённая к тому же в одно только белоснежное полотенце, делавшее её фигурку такой мягкой и уютной на вид, что Юргену нестерпимо захотелось надкусить белое плечико.

— Донна Зальм! — выдохнул он. — Вы потеряли свою кредитку!

— Да? — Донна машинально принялась хлопать себя по бокам и тут только поняла, в каком виде предстала перед гостем, и, тихо ойкнув, очень мило покраснела. — Я...

— Где же она... Я её забыл. Сейчас принесу! Нет, лучше вы зайдите ко мне, и я её вам отдам, — он подскочил к Донне и, поймав её за руки, просительно заглянул в глаза. — Пожалуйста. Я буду очень рад.

— Ну, хорошо, — растерянно произнесла Донна. — Но вы же за Кесси...

— Нет, нет! Я срочно должен её найти, — произнес последние слова, Юрген ретировался в коридор.

Дверь за ним захлопнулась.

Донна посмотрела на Кассандру.

Та пару секунд сидела неподвижно, бледная как мел.

— Ну... — не зная, что сказать, все-таки выдавила из себя Донна.

Кассандра, не издавая ни звука, подняла руку и стала один за другим срывать украшавшие её шевелюру бантики.

— Что ты делаешь, Кесси?! Я так старалась!

— Уйди! — почти что прокричала Кассандра и, поднявшись, направилась к ванной. Оттолкнула в сторону стоявшую на дороге Донну и только дверь закрыть не успела, потому что Донна просунула свою ногу в щель.

— А как же вручение? Кесси! У тебя же лучший диплом!

Кассандра молча оттолкнула её ногу, захлопнула дверь и, защёлкнув замок, сползла по стенке на кафельный пол.

ГЛАВА 4

Вечер перед вручением дипломов прошёл для Кассандры в четырёх стенах — и в тягостных размышлениях.

Тишину кельи то и дело нарушали звуки громкоговорителя, доносившиеся со двора. Вода тихо капала из плохо закрученного душа за дверью ванной, а Кесси сидела и разглядывала альбом с вырезками, которые начала собирать, когда ей исполнилось одиннадцать лет.

До этого она как-то не очень хорошо осознавала, что такое брак и кто такой этот Юрген Розенкрейцер, с которым ей предстоит быть в горе и в радости, как повелели то вышние звёзды, и двое судостроительных магнатов.

Когда же она, наконец, поставила перед собой задачу изучить своё будущее более детально, Юргену было уже шестнадцать, и он всю выписывал кренделя на своём тренировочном истребителе, сбегал в самоволки, шокируя тем самым почтенных родителей, и танцевал джигу под прицелами видеокамер.

Надо сказать, в шестнадцать лет Юрген Розенкрейцер не отличался ни тактом, ни воспитанием, и если бы Кассандра поставила перед собой задачу оценить его поведение со стороны, единственным оправданием богатому наследнику и будущему супругу она могла бы назвать его непреодолимую харизму — которая уже тогда действовала не только на девчонок, но и на хранителей правопорядка, репортеров и даже некоторых телезвёзд.

Кассандра трезво судить не хотела и не могла.

Юрген был её окошком в мир, которого сама она не видела никогда. В мир дорогих аэрокаров, брендовых костюмов и красивых людей. И она наблюдала за этим миром исподтишка, глазами Юргена Розенкрейцера, как делали это миллионы и миллионы читателей глянцевого журнала. От них всех она отличалась только одним — у Кассандры Кинстон была надежда в этот мир попасть. Надежда стать частью жизни таинственного и обаятельного Юргена Розенкрейцера. Надежда, которая с треском рассыпалась в прах при первой же их встрече лицом к лицу.

Осознание приходило медленно, но всё же не так медленно, как приходило оно ко многим другим девушкам её возраста. Как-никак, Кассандра в самом деле была — или должна была стать в этот вечер — обладательницей лучшего диплома школы Сайликского монастыря за последние двадцать лет. Тогда, двадцать лет назад, предыдущий безупречный диплом получила Орэль Кинстон, урожденная Фицджерард — её собственная мать.

Этот факт все прошедшие годы обучения висел над головой у Кассандры дамокловым мечом, попросту не оставляя ей шанса для того, чтобы допустить ошибку. Любой промах заканчивался осуждающим взглядом и разочарованным поцокиванием языка: «Да... Не то что Орэль Фицджерард...» Разочаровывать Кассандра не любила и потому ошибок старалась не допускать. И до последних дней даже гордилась немного — будто бы наблюдая за происходящим через стекло — тем, что её аттестат будет безупречен.

Теперь, когда оказалось, что для новой, надвигающейся жизни она не более чем «уродка», диплом не только не вызывал никакой радости, Кассандра попросту не понимала, зачем должна его получать.

Впрочем, постепенно, шаг за шагом, на неё накатывало смирение.

Мирская жизнь была не для неё — так что в этом нового? Кассандра всегда это знала. Нужно было лишь исполнить свой долг, не разочаровать родителей, которые до самой смерти так надеялись увидеть её вступление в брак — и затем можно будет вернуться в монастырь и посвятить себя служению Звёздам навсегда.

Когда эта мысль достаточно прочно улеглась у Кассандры в голове — настолько прочно, чтобы, прокручивая её, она могла не всхлипывать, и горло отпустил неприятный спазм, который психология наверняка объяснила бы обычной предсвадебной нервозностью девушек, — Кассандра поднялась с кровати, прошла в ванную и закрыла, наконец, набивший оскомину кран. Затем посмотрела в зеркало на своё раскрасневшееся лицо. Снова открыла кран и брызнула в него пару раз холодной водой. Промокнула полотенцем. Нащупала любимую резинку-талисман и ловкими, отточенными годами движениями заплела влажные волосы в привычную тугую косу.

Кассандре тут же стало спокойнее. Разодетая и причёсанная Донной она чувствовала себя клоунессой — и оказалась права. Точно так же видели её и другие. Значит, нужно было просто оставаться самой собой и не позволять себе лишних ложных надежд.

Она стянула с себя испорченную Донной парадную ряску и, скомкав, бросила в корзину для грязного

белья. Затем вышла в спальню и достала из шкафа вторую, с накрахмаленным чёрным воротничком-стойкой, который она особенно любила. Этот плотный кусочек ткани, удерживавший её горло будто в тисках, давал ей особую уверенность, и, надев робу, Кассандра, наконец, почувствовала себя абсолютно спокойной. Она вытянула из-под воротника косичку и мотнула головой, заставляя её улечься вдоль спины. Ещё раз пригладила рукой виски, пытаясь утихомирить выбившийся из причёски наэлектризованный пушок, поправила воротник и вышла в коридор.

— Юрген, не отвлекайся! — Эрика в очередной раз убрала со своего бедра настырную ладонь Юргена и переложила её себе на поясницу. — Если ты сделаешь так во время церемонии, вас дисквалифицируют, и придётся повторять весь ритуал с самого начала.

— Большая потеря, — фыркнул Юрген. — Сомневаюсь, что кто-то вообще посмеет что-то сказать.

Эрика закатила глаза, но ответить не успела — в дверь постучали, и на сей раз не дожидаясь, пока голова очередной ученицы просунется в щель, Эрика отстранилась от Юргена и крикнула: «Открыто!».

Девочки появлялись примерно раз в пятнадцать минут — заглядывали то в двери, то в окно. Стреляли глазками и, кажется, надеялись, что Юрген пригласит их на церемонию вручения.

Подобных наивных дурочек Эрика не понимала никогда — с самого их знакомства ей было ясно, что Юрген давно и прочно женат. Как бы он ни хулиганил на публике, Юрген никогда бы не решился пойти против воли отца. Да и не очень-то Эрика стремилась заключать себя в кабалу брачных обязательств. Она давно заметила, что, вступая в брак, девочки глупеют, а жизнь их из красочной и разнообразной сводится к стандартному набору «Kinder, Kuche, Kirche». Оказываются забыты прежние интересы и мечты, и на место их приходят дети и супруг. Если б уж Эрике в самом деле пришлось вступать в брак, то последний, кого она решила бы ввести в этот узкий круг своей новой жизни, был Юрген, с его вечными загулами и чужими запахами духов на одежде.

Одним словом, когда в дверь постучали, и в полумраке коридора показалась мордашка очередной девицы, Эрика не только не удивилась, но и не сразу распознала в ней давешнюю невесту.

На сей раз леди Кинстон выглядела куда более сдержанно и серьезно и явно не собиралась улепёгивать при раскатистых звуках голоса жениха.

— Добрый вечер, — сказала она сухо и окинула изучающим взглядом Юргена, а затем презрительным — Эрику. — Господин Юрген, нам нужно поговорить.

Юрген хмыкнул. Спрятал руки в карманы и, сделав к невесте два шага, наклонил голову набок, так же изучая её.

— Зачем?

— Вы прекрасно знаете зачем. Вы приехали, чтобы увести меня отсюда. Этот факт явно не слишком радует вас, но, так или иначе, нам нужно завершить этот фарс, — леди Кинстон снова покосилась на Эрику и, не выдержав, вышла из роли: — Может она отсюда уйти? Вы мой жених, в конце концов!

Эрика усмехнулась, тоже спрятала руки в карманы и расслабленной походкой проследовала к двери — не забыв при этом по дороге задеть Кассандру плечом.

Дверь за ней захлопнулась, и Кассандра перевела дух. Она думала, что говорить с Юргеном теперь станет легче, но всё оказалось не так — присутствие этого мачо давило на неё, пробуждая во всём теле какие-то несвойственные ей обычно инстинкты, желание заискивающе улыбаться и выполнять любые прихоти.

Кассандра стиснула кулаки.

— Ну, — Юрген вытащил руки из карманов и скрестил их на груди.

— Вы намерены жениться на мне или нет?

Юрген поднял бровь.

— Мне слишком часто задают этот вопрос.

Кассандра со свистом выпустила воздух через нос.

— Мне всё равно, — сказала она, хотя сердце свело судорогой, — как часто вам задают этот вопрос. Сейчас его вам задаю я.

Юрген потер переносицу, пытаясь отыскать какой-нибудь выход из ситуации, но в итоге вынужден был ответить:

— Да.

— Хорошо. Значит, хотите вы того или нет, вы будете участвовать со мной в церемонии посвящения.

И тут Юрген был вынужден признать:

— Я планирую это сделать, — но тут же добавил: — Иначе меня не поймёт отец.

Кассандра решительно шагнула вперёд и развела в стороны его локти. Затем одну кисть Юргена опустила себе на талию, а другую положила на плечо.

— Значит, вам лучше отрепетировать церемонию со мной.

Она сказала это ещё холодно, как и собиралась провести этот разговор, и секундой раньше точно знала, что закончит фразу словами: «А потом мы с вами можем расстаться и не видеться больше никогда», — но едва её тело ощутило жар тела Юргена, все слова выветрились из головы. Сердце застучало бешено, забилося, как птица в клетке, и дышать стало тяжело, а весь мир застлал аромат сандала, смешанного с природным мускусным запахом мужчины.

Там, в школе со смежным обучением, где она в последний раз видела парней, они были резкими и неприятными. Прикосновения их были грубыми и болезненными, а лица казались уродливыми и раздражающими.

От близости Юргена Кассандре захотелось растаять и стечь на пол ручейком, повиснуть в его руках и уронить голову на сильное плечо. Кассандра не могла понять, что означают эти чувства, так внезапно затопившие её мир целиком. Она подняла глаза, сию секунду сосредоточиться на лице Юргена, наискось пересечённом шрамом — Кассандра отлично помнила, откуда взялся этот шрам, хоть и не видела ещё тогда Юргена живьём. Когда в газеты просочилась новость об аварии и о том, что молодой Розенкрейцер попал в неё и, возможно, будет изуродован навсегда, сердце Кассандры сжималось, и она едва не плакала от обиды за это красивое лицо.

Внезапно лицо Юргена надломила улыбка — такая же завораживающая, как и всё остальное в нём.

— Маленькая тощая девчушка впервые почувствовала настоящего мужчину, как это мило, — произнёс он вслух и, приблизив лицо к уху Кассандры, подцепил её ухо зубами, отчего в животе у неё запорхали бабочки. Не понимая, что делает, она плотнее прижалась к мускулистому бедру Юргена. — Скажи мне вслух, как ты этого хочешь, и, может быть, я оттрахаю тебя, Кассандра Кинстон. Как говорит Эрика — подушка решает всё.

Кассандра резко выдохнула. Возбуждение резко схлынуло, сметённое ледяной волной злости. Она хотела что-то сказать, но губы задрожали, а слов по-прежнему не было — так что Кассандра попросту вывернулась из рук жениха, и не думавшего её удерживать, и бросилась обратно в коридор.

Эрика появилась через минуту после того, как в коридоре стихли её шаги.

Юрген улыбался.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он, подходя к синтезатору пищи и набирая на клавиатуре рецепт чёрного кофе. — Она ещё и влюбилась в меня.

— Думаю, — Эрика тоже подошла к синтезатору и, выхватив из-под носа у Юргена полную чашку, сделала глоток, — что ты доведёшь её ещё до Посвящения, и она тебя пошлёт.

Юрген хохотнул.

— Ставлю пятьсот.

Эрика пожала протянутую руку, но стоило Юргену коснуться её пальцев, отдернула кисть:

— Мало, Юрген. Что такое для тебя пятьсот? Если в течение недели после церемонии она тебе не даст, я хочу, чтобы твоя яхта стала моей.

Юрген поколебался секунду, а затем усмехнулся и ударил по ладони, добавив:

— Идёт.

Эрика отвернулась к окну и сделала ещё один глоток.

ГЛАВА 5

Юрген провёл кончиками пальцев по линии подбородка, проверяя наличие только что сбритой щетины. Поправил воротничок рубашки. Взял с полки одеколон и точно выверенным движением дважды брызнул — один раз в ямочку между ключиц и один — чуть ниже ключицы и ближе к сердцу. К этому месту девушки особенно любили прижиматься щекой, когда погружались в какие-то собственные, девичьи романтические бредни.

Ещё раз окинув себя не слишком критическим взглядом и улыбнувшись одним краешком губ — как он давно заметил, именно такая улыбка особенно сводила девушек с ума, он подмигнул собственному отражению и, мурлыкая под нос первые ноты гимна космолота, направился к выходу из апартаментов.

Он пересёк зимний сад, соединявший гостевой корпус с корпусом для учениц, и собирался уже нырнуть в коридор, ведущий к комнате Кинстон, когда заметил саму невесту, стоящую в закутке из лимоновых деревьев у самого стекла.

Кассандра в своём вечном чёрном облачении полностью сливалась с обстановкой и казалась лишь ещё одним изогнутым стволом чёрного дерева.

— Кас-са-ндра, — позвал Юрген, всё ещё продолжая напевать про себя любимую мелодию, и расслабленной походкой стал приближаться к невесте.

Кассандра вздрогнула и напряглась, едва услышав звуки его голоса, но убежать не стала. Лишь медленно повернула голову и, прищурившись, посмотрела на пришельца.

— Юр-ген? — ответила она в тон ему.

— Я пришёл заключить мир, — Юрген улыбнулся той самой неотразимой улыбкой и чуть надломил бровь, демонстрируя свою добрую волю. — Нам с тобой ещё долго придётся терпеть друг друга, так что не стоит друг друга обижать.

— Правда? — прищур Кассандры стал ещё более подозрительным, но она, тем не менее, повернулась к жениху ещё чуть-чуть и даже раздвинула немного скрещенные на груди руки.

— Да.

Юрген подошёл вплотную к ней и, взяв Кассандру за запястье, поднёс её правую руку к губам. Медленно, глядя на невесту из-под бровей, он захватил губами костяшку над её средним пальцем и чуть потянул на себя тонкую кожу. Руки у Кинстон оказались приятными. Пожалуй, это была первая часть её тела, которая не вызвала у Юргена желания отодвинуться подальше. И заметив, как растекается в глазах невесты сладкая нега, он ещё раз повторил ласку, просто для себя.

Кассандра была проста, как пять кредитов — Юрген уже видел в её глазах готовность бежать за возлюбленным на край света, и улыбка жениха из отработанно-показной стала искренней и весёлой.

— До Посвящения осталось совсем немного. Давай не будем портить такой замечательный праздник? — для пущей надёжности Юрген подмигнул.

— Пожалуй, в этом есть смысл, — задумчиво протянула Кассандра. — Правда, не помню, чтобы я пыталась портить праздник вам. Но я согласна, — поспешно добавила она, — что нам надо хотя бы дать друг другу шанс, — она подумала и добавила уже спокойно и уверенно, но всё равно довольно тихо, как говорила с незнакомыми всегда: — Юрген, вы понимаете, что я не одна из ваших подружек? Вы можете любить меня или нет, но я стану вашей супругой. И я попросила бы вас относиться ко мне соответствующе, — собственные слова тут же показались ей какими-то неправильными, и она добавила, стремясь смягчить сказанное: — Хорошо?

— Давай на ты, — Юрген тут же приблизился к ней ещё на полшага и, как по волшебству, оказался у Кассандры за спиной, так что лопаткой она очень отчётливо ощутила, как ровно и сильно бьётся сердце жениха. От этой близости, от аромата сандала и от горячего дыхания мужчины у самой шеи Кассандру мгновенно повело, самой ей стало трудно дышать, и она не заметила даже, что её слова для Юргена прошли как бы мимо ушей.

— Хорошо, — сказала она послушно.

— Расслабься, ты так напряжена.

Кассандра хотела было последовать и этому совету, тем более что желание просто упасть в объятия Юргена было почти невыносимым, но в эту секунду дверь в коридор распахнулась, и от входа послышался голос Донны — пронзительный до невозможности, режущий окутавший Кассандру

кокон тепла, как масло режет нож:

— Кесси! Да где же ты? Тренировка уже началась!

Кассандра вздрогнула, вырываясь из тёплой неги, и шагнула вперёд, стараясь максимально увеличить расстояние между собой и Юргеном. Тот, почувствовав перемену в настроении невесты, тоже отодвинулся и вмиг стал собранным.

— Я рад, что мы, наконец, нашли общий язык, — сказал Кассандра, поворачиваясь к жениху лицом.

Юрген улыбнулся одним краем рта и, снова поймав выскользнувшую было из его ладоней кисть Кассандры, коснулся её губами ещё раз.

— Увидимся на церемонии Посвящения, моя дорогая.

Он отвернулся, спрятал руки в карманы и размашистым шагом двинулся обратно в свои покои.

Церемония была назначена на восемь вечера через два дня — и все эти два дня Кассандра не могла выкинуть будущего мужа из головы. След от его губ всё ещё горел на тыльной стороне ладони, а шея ощущала горячее дыхание на третьем позвонке. При мысли же о том, откуда именно возникли эти ощущения, о том, как Юрген стоял невозможно близко и почти обнимал её, Кассандра ощущала непривычное покалывание внизу живота, от которого хотелось тихонько взвыть. Она даже написала несколько слов по этому поводу в дневнике, но особого успокоения это не принесло.

Судя по всему, происходящее не укрылось от Донны, потому что она то похихикивала, бросая озорные взгляды на Кассандрины порозовевшие щёки, то отпускала пошлые шуточки о барышне на выданье, которая нашла свою судьбу.

Кесси было стыдно и самой. До сих пор её чувства к Юргену были скорее сродни восхищению кумиром, и о том, что Юрген может вот так вот просто касаться её, она и помыслить не могла никогда.

Теперь же происходящее явно вышло за рамки восхищения и долга перед родителями и стремительно принимало какой-то другой, неконтролируемый и непонятный Кассандре оборот.

Кульминацией происходящего стало то, что Юрген со своей ослепительной улыбкой заявился к ней за час до начала церемонии, когда Кассандра ещё сидела в уголке и читала священную книгу со словами клятвы, искоса наблюдая за тем, как Донна носится по келье от ванной к зеркалу и обратно, то завивая на голове кудряшки, то распуская их опять.

Самой Кассандре при мысли о кудряшках становилось тоскливо, и она изо всех сил гнала из головы мысли о том, что церемония Посвящения — не только вечер её выпуска, но и вечер, к которому все девушки в школе готовились несколько месяцев, тайно заказывая ленты, косметику и браслеты. То, что она к «нормальным» не относится, Кассандра вроде бы поняла уже давно, но окончательно ощутила только сейчас, когда где-то в соседнем корпусе её ожидала мечта.

Она как раз перелистнула очередную страницу текста, который и так знала наизусть, когда дверь без стука распахнулась, и из темноты коридора выступила фигура Юргена — ослепительная, как и всегда. На Розенкрейцере была шёлковая рубашка цвета сливы, расстёгнутая до середины груди, из выреза которой наравне с контуром трицепса виднелась серебряная цепочка с каплевидным амулетом. Рукава рубашки были закатаны почти до локтя, и от одного вида мускулистых запястий у Кассандры мурашки побежали по животу, так что она поспешила прикрыть книжкой колени.

«Моё, — промелькнула в голове странная до жути ощутимая мысль, и Кассандре тут же захотелось поймать её за хвост и перекатить на языке ещё раз. — Неужели и правда моё?».

Кассандра распрямила спину, неожиданно ясно осознав, что появившийся на пороге мужчина в самом деле будет принадлежать ей — сколько бы девушек ни мечтало отвести его под венец. Она улыбнулась и кивнула, приветствуя Юргена, а тот наклонил голову набок, разглядывая лицо своей суженой.

Улыбку Кассандры он видел в первый раз, и она показалась ему в каком-то смысле даже... милой. Конечно, не такой ослепительной, как улыбки многих других девушек, но, по крайней мере, она хоть немного оживляла сухое лицо этой святоши.

Донна, выскочившая из ванны в очередной раз, тут же ойкнула и поспешила спрятаться за краешек двери.

— Брысь, — кинул ей Юрген.

— Что? — от такой наглости у Донны чуть глаза не вылезли на лоб.

— Я сказал — вон. Наша очередь занимать ванну.

Донна вылупила глаза ещё сильнее.

— Но я ещё не...

Юрген подошёл к двери, распахнул её и, отцепив Донну от ручки, оттолкнул ошалевшую от такого обращения подружку невесты к окну. Затем, легко преодолев расстояние до второй кровати — комнатка учениц была не больше просторного купе, — Юрген схватил за руку Кассандру, так что та уронила на пол свой священный том. Не давая ей опомниться, он протащил невесту в ванную и ловко захлопнул за ними дверь.

— Ну и духота, — сообщил Юрген и сдул со лба мгновенно намокшую прядь.

Кассандра прижалась к душевой кабинке спиной и испуганно смотрела на него.

Не говоря ни слова, Юрген развернул девушку лицом к зеркалу и сам склонил голову набок, разглядывая то, что предстало перед ним.

— Я хочу, чтобы ты поняла, леди Кинстон, — произнёс он, — что с такой, как ты, я показаться на людях просто не могу.

Кассандра вжала голову в плечи и так же испуганно кивнула.

— Если ты хочешь, чтобы мы с тобой вместе светились в прессе или где-то ещё, то тебе придётся сделать так, чтобы ты смотрелась не хуже других особ твоего пола. И не важно, супруга ты мне или нет.

Ещё один испуганный кивок.

Юрген замолк, размышляя о чём-то.

— Но как? — выдавила Кассандра, когда наступившая тишина стала невыносимой.

Юрген не ответил ничего. Просто взял Кассандру за шею — пальцы его при этом впились в напряжённые мышцы настолько, что Кассандра пискнула от боли — и повернул её голову сначала влево, потом вправо. Отпустил и, одним ловким движением сорвав с волос Кассандры резинку, швырнул её на мокрый пол — Кассандра только и успела, что охнуть и попытаться поймать её на лету, но Юрген наклониться ей не дал, тут же подхватил подмышки и распрямил спину невесты назад. Положил руки на плечи и с силой надавил, заставил выгнуться так, что чуть слёзы не хлынули из глаз.

Юрген опять наклонил голову набок, оценивая ситуацию ещё раз — со свободной косой и влажными прядками чёлки, рассыпавшимися по вискам, Кассандра выглядела уже не так ужасно, но для выхода в свет всё равно не подходила.

Юрген снял с Кассандры очки и положил на полку — и Кассандра вообще стала похожа на слепого мышонка, только что выбравшегося из норы.

Юрген подумал и вернул очки назад. Запустил пятерню в волосы Кассандры и провёл по ним сверху вниз всего один раз, заставляя рассыпаться мягкой волной. Потом обе руки опустил ей на макушку и кончиками пальцев помассировал корни, заставляя тонкие пряди чуть приподняться, обретая объём.

— Так, — произнес он и, развернув Кассандру лицом к себе, быстро расстегнул три верхних пуговицы воротника. Отодвинулся, оглядывая представшую перед ним картину. Подумал и, взявшись за ворот, рванул в стороны, не обращая внимания на тихое: «Ой!».

Юрген снова отодвинулся.

— Тебе бы как-то... — произнёс он и неопределённо провёл в воздухе рукой, очерчивая контуры лица перепуганной девушки. — Ладно, — решил не придирается он, — и так сойдёт.

И, толкнув дверь, вывел Кассандру из ванной. А затем, не обращая внимания на Донну, следившую за ними расширившимися глазами, подцепил её под руку и вывел уже в коридор.

В тот вечер Кассандра чувствовала себя странно, будто это была вообще не она. Впервые взгляды мужчин, пришедших сопровождать своих подруг на церемонию, не казались ей насмешливыми. Зато девушки смотрели с откровенной завистью и злобой.

Поначалу Кассандре казалось, что она не на своём месте или вовсе спит, и всё это просто сон — сияли звёзды, играла музыка, мерцали в полумраке струи фонтана, и самый шикарный мужчина из всех, кто посетил Сайликский монастырь в эту ночь, держал её за локоть и вёл вперёд.

Кассандре нестерпимо хотелось улыбаться — не этим людям, не преподавателям и даже не Юргену, который казался главным средоточием волшебства в эту ночь.

Уголки губ просто сами ползли вверх.

Они все произнесли клятвы. Каждой старшая наставница пожала руку, а когда очередь дошла до Кассандры, наклонилась к ней и в самое ухо прошептала:

— Не забывай меня, девочка моя.

Кассандра вздрогнула и покраснела, осознав оказанную ей особую честь. Поклонилась глубже других и вернулась в зал, где её ожидал жених. Юрген опустил руку ей на поясницу, приобнимая по-хозяйски, и вечер продолжил идти своим чередом.

Вместе с ней Юрген исполнил ритуальный танец — он всё время оступался и заглядывал в глаза Кассандре с непонятной жадью, от которой у самой Кассандры сводило живот. А потом, когда вечер уже подходил к концу, обнял её и уткнулся носом в шею под самым ухом. Его зубы прикусили нежную кожу, и Кассандра не смогла сдержать стон, которого никто уже не услышал в последних звуках вальса, накрывшего праздничную площадь.

— Идём, — выдохнул Юрген ей в ухо и поволок за собой — мимо фонтана и зевак, аплодировавших оркестру, мимо корпуса учениц и зимнего сада и дальше по коридорам.

Кассандра сама не заметила, как оказалась в покоях жениха рядом с кроватью, осыпанной лепестками роз.

— Это сон... — прошептала она, но Юрген не дал ей закончить, крепко прижал к себе и снова принялся целовать шею, судорожно пытаясь распутать завязки пояса чёрной робы. Кассандра таяла в этих объятиях. Пальцы сами силились помочь Юргену, и узел уже почти что был побеждён, когда она осознала вдруг абсолютно ясно, где находится и что с ней происходит.

— Юрген, нет! — испуганно пискнула она.

Останавливаться Юрген и не думал, и Кассандре пришлось несильно ударить его в живот — делать больней она опасалась, чтобы не развеять остатки ещё искрившего в воздухе волшебства.

— Что? — спросил Юрген, разочарованно отодвигаясь от неё.

— Юрген, нет! Я знаю тебя всего неделю и... И... Мы всё равно скоро поженимся... Юрген... — закончила Кассандра уже мягче и погладила его по щеке. — Подожди ещё чуть-чуть. Давай не будем нарушать ритуал.

— Это тоже часть ритуала! Посмотри, — Юрген ткнул за окно. — Все делают это сейчас.

— Ну, Юрген, — произнесла Кассандра уже совсем грустно и, выпутавшись из объятий жениха, отступила назад. — Я не хочу делать это только потому, что так делают все... Мы же лучше их, разве нет?

Юрген скрипнул зубами и какое-то время мрачно взирал на неё.

— Хорошо, — процедил он наконец.

— Хорошо?

— Ты хочешь сделать это после свадьбы, я правильно тебя понял?

— Да, Юрген, да!

— Собирай вещи. Я жду тебя на посадочном поле через час.

— Что?

— Свадьба будет завтра, Кассандра. Я не могу больше ждать.

ГЛАВА 6

Всё происходившее дальше показалось Кассандре разноцветным ураганом, в котором смешались лица родителей жениха, родственников, друзей и недругов семьи Розенкрейцер.

У её родителей тоже было несколько друзей — в том числе крёстная Кассандры, по которой та успела соскучиться за годы обучения. И всё время, которое она посвятила размышлениям о свадьбе: она представляла себе, как наденет мантию, расшитую звёздными брызгами, и выступит в ней перед всеми ними, пригласит всех, кто знал её когда-либо, и всех, кто её не понимал, в том числе. И, конечно же, пригласит свою крёстную, пожилую интеллигентную даму Виргилу Монтен.

Теперь об этом не могло быть и речи.

Около двух часов, проведённых на корабле, Кассандра была предоставлена самой себе — Юрген всё это время провёл в обществе Эрики, так что отношения Юргена с этой красоткой заиграли для Кассандры новыми красками. Эрика, безусловно, подходила Юргену куда больше. Она была такой же наглой, такой же невоспитанной и так же заразительно улыбалась — только у Кассандры при виде этой улыбки на душе скребли кошки. Она уже поняла, что Юргену не нравится её внешность — в этом, впрочем, не было ничего удивительного: её внешность не нравилась никому. Но, кроме того, Юргену, похоже, было попросту интереснее с Эрикой, и Кассандре он не собирался давать ни малейшего шанса его заинтересовать. Кассандра, тем не менее, очень хорошо понимала, что заинтересовать такого, как Юрген, ей всё равно нечем — Юрген видел другие планеты, видел знаменитых людей, о которых Кассандра не читала даже в журналах, и наверняка он знал куда больше, чем сама Кассандра. Так думала юная леди Кинстон, сидя в своей каюте и сжимая от злости кулаки, но и не зная, ничего предпринимать.

Два часа пролетели довольно быстро — и хотя Юрген после посадки в Эрдоукаре всё так же был далек, как луна, он каким-то образом успел вызвать целую бригаду стилистов и портных, которые тут же взяли Кассандру в свои руки, принялись кромсать, утюжить, красить и завивать. Сколько бы Кассандра не кричала, что не хочет никаких кудрей, это не возымело силы. Создавалось впечатление, что её не слышит здесь вообще никто. И спустя два часа Кассандра стояла перед зеркалом, разглядывая отражавшуюся в нём незнакомую коллекционную куклу.

Нет, то, что она видела, было куда лучше того, что парой недель раньше сотворила с ней Донна. Здесь не было ни бантиков, делавших её похожей на маленькую модную собачку, ни завитков, заставлявших её причёску быть похожей на шар. Просто то, что она видела в зеркале, была не она. Это были не её лицо, не её волосы и не её шею держал в тисках высокий белый воротник — как она и мечтала, украшенный десятками маленьких звёздных брызг.

Кассандре стало почему-то невыносимо обидно, и на глаза навернулись слёзы, пока она смотрела на эту чужую фарфоровую маску, потому что вдруг до нее дошло, что чтобы стать красивой, привлекательной для Юргена — ей придётся полностью уничтожить себя. Кассандра не была к этому готова. И ещё, думая о том, какой была она сама и какой сделали её Донна и стилисты, и как легко и быстро Юрген расчесывал её волосы рукой меньше чем сутки назад, Кассандра к своему стыду поняла, что больше всего ей понравилась работа Юргена. Вот только Юрген и не думал уделять ей хоть капельку времени с тех пор, как забрал из Сайликского монастыря.

Расплакаться Кассандра так и не успела — двери распахнулись, и на пороге показались сразу трое. Одним из них был Юрген, а двух других — немолодых уже леди и джентльмена — Кассандра видела только на фото. Это были супруги Розенкрейцер.

Кассандра подобралась невольно, но тут же почувствовала тяжёлый взгляд Юргена у себя на лбу — там, где поверх маски из грима от волнения выступила капелька пота.

Юрген быстро шагнул к ней и, взяв под руку, прошипел в самое ухо:

— Ты можешь хотя бы при родителях себя прилично вести?

Кассандра покраснела под пудрой и тут же начала потеть ещё сильнее.

Она внимательно разглядывала Розенкрейцера-старшего и его супругу. Отец Юргена явно был зол, супруга его, напротив, улыбалась довольно радушно, но в глазах её, тем не менее, сквозил колкий лёд.

Кассандре стало страшно почему-то, когда она подумала, что этим людям она с этого момента будет принадлежать телом и душой, в эту семью отдаст всё, что осталось ей от родителей, но назад пути уже не было.

Родители Юргена пожали ей руку по очереди и удалились, а Юрген с Кассандрой с облегчением вздохнули.

— Всё из-за тебя, — сообщил Юрген.

— Что? — Кассандра непонимающе посмотрела на него.

— Отец бесится, потому что многих не успел пригласить. А во всём виноват твой каприз.

— Но, Юрген... — хотела было возразить Кассандра, но тот погрозил ей пальцем, обрывая её на полуслове.

— Мне всё равно. Главное, что сегодня ты станешь моей.

И не желая слушать больше ни возражений, ни оправданий, вышел прочь.

Юрген был на взводе с самого момента отлёта из Сайликского монастыря — потому что полёт начался с непростого разговора с родителями, и он не смог бы сказать, с кем говорить оказалось трудней. Если отец просто рычал на него, как делал это всегда, когда Юрген разбивал аэромобиль или проигрывал деньги в казино, то в глазах матери появился вот этот самый холодок. Она будто смеялась над Юргеном, и от этого выражения наследнику Розенкрейцеров было не по себе.

Масла в огонь не замедлила подлить и Эрика, которая появилась в рубке, едва Юрген закончил разговор. Эрика явно была настроена позитивно и открыто насмеялась над ночной неудачей Юргена.

— Нашему королю отказала серая мышь, — пропела она, пристраиваясь бёдрами на пульт.

— Да пошла ты...

— Тш-ш! — Эрика приложила палец к губам. — Скоро твоя яхта станет моей.

— С чего это это вдруг?

— Моя интуиция. Она не подводит никогда. Кстати, Юрген... Как я узнаю, что секс действительно был?

— Что?!

— Ну, ты же можешь мне просто соврать, разве нет?

Юрген сначала побелел, потом покраснел, но так ничего и не сказал. Эрика умела его бесить. Но вестись на это не было смысла — это Юрген прекрасно знал.

— Как ты хочешь, чтобы я доказал? — процедил он после долгой паузы.

— Камера, Юрген, — Эрика переместилась на подлокотник его кресла и вплела пальцы в густые волосы любовника, а затем провела ноготками по чувствительным точкам, так что тому захотелось мурлыкать.

— Какие ещё камеры? — поинтересовался Юрген, жмурясь и откидывая голову назад.

— Камеры у тебя над кроватью. Или под. На месте решим.

Юрген резко распахнул глаза.

— Ты в своём уме?

— А почему бы и нет? — проворковала Эрика и, наклонившись, цапнула зубами краешек уха Юргена, вырывая из горла того протяжный стон. — Думаешь, я не видела в действии твой поджарый зад?

Юрген задышал тяжело. Сопротивляться Эрике порой бывало тяжело.

— Хочешь, посмотрим на него прямо сейчас? — поинтересовалась Эрика и, не дожидаясь ответа, опустилась к нему на колени. Качнула бёдрами, заставляя Юргена задышать тяжелей, а затем опустила руки ему на плечи.

— Просто скажи: «Хорошо», — прошептала Эрика, наклоняясь к его уху, а затем отстранилась и серьёзно посмотрела ему в глаза.

— Хорошо, — повторил Юрген и, поймав её за затылок, резко поцеловал.

Теперь они с Кассандрой стояли под куполом звёздного храма. Невеста, кое-как преображенная мастерством профессионалов, стала, наконец, пригодной для демонстрации семье — но вот мысль о том, что с этим существом предстоит спать — мало того, ещё и жить до конца дней — по-прежнему не вызывала у Юргена ни капли энтузиазма.

Кассандра же, оказавшись в храме, впала в некую романтическую задумчивость. Да, многое происходило не так, как бы она хотела. И тем не менее она вступала в брак! Она, ухоженная и торжественная, стоял в самом центре, и она была центром внимания всех — Розенкрейцеров, их партнёров и конкурентов, друзей и врагов. И даже камеры, порхающие у проходов к дверям, были устремлены на неё.

— Ты, Кассандра Кинстон, готова ли стать законной супругой Юргену Розенкрейцеру, быть его путеводной звездой и охранным маяком, быть его надеждой и солнечным ветром в его парусах?

Сердце Кассандры замерло. Она зажмурилась, проверяя, не спит ли, открыла глаза и сказала:

— Да.

А потом Юрген склонился к ней и нежно коснулся губами губ. Кассандре показалось, что она вот-вот потеряет сознание, такими тёплыми и сладкими показались губы жениха. Тело само отзывалось на поцелуй, выгибалось и льнуло к Юргену, и только когда тот отстранился резко, и Кассандра увидела перед собой его равнодушное лицо, она немного отрезвела.

После церемонии они поздоровались с теми, кто прибыл лишь на вторую часть венчания, а затем Юрген оставил её, сказав, что Кассандре предстоит учиться «развлекать гостей». «Развлекать гостей» в Сайликской школе учили, но это был далеко не самый любимый для Кассандры предмет, потому что на нём оценивали умение улыбаться, не чувствуя радости, и обмениваться рукопожатиями с теми, от кого хочется отвернуться.

И, тем не менее, она умела справиться с собой. Навесив на лицо вежливую улыбку, Кассандра двинулась вдоль зала, приближаясь то к одной группке, то к другой, спрашивая, удачно ли угощение и не требуется ли что-то гостям. Она успела перездороваться с доброй половиной зала, когда на подходе к очередному кружку её перехватила Эрика. Перехватила в буквальном смысле — поймала за локоть и потащила прочь.

— Что вам нужно? — пробормотала Кассандра вполголоса, когда они оказались в пустынном коридоре вдвоём.

— Нужно с тобой поговорить!

— О чём?

Эрика закусила губу.

— Мне неприятно говорить, но Юрген хочет над тобой подшутить.

— Что? — Кассандра стремительно покраснела до кончиков ушей.

— Это неправильно, Кассандра. Мне стыдно за него. И я не хочу быть соучастницей того, что он собирается делать.

— Что он хочет сделать, Эрика, говори быстрее!

Эрика перевела дух, выдерживая драматическую паузу, затем склонилась к уху Кассандры и выпалила театральным шепотом:

— Он установил в вашей спальне камеру! Он хочет заснять вашу первую ночь и показать друзьям!

Кассандра отшатнулась от неё, и Эрика тоже отодвинулась, внимательно разглядывая выражение лица молодой супруги Розенкрейцера.

— Ты не в своём уме! — выдохнула Кассандра.

— Все так говорят! — обиделась Эрика тут же. — И никто не верит мне!

Кассандра замешкалась. Слова Эрики звучали довольно правдиво.

— Я не буду тебя убеждать, — протянула Эрика всё ещё обиженно. — В конце концов, верить или нет — дело твоё. Но я бы советовала тебе прийти в спальню раньше его и проверить полку, на

которой стоит бюст Розенкрейцера-основателя.

— Ты откуда знаешь? — не сдержалась Кассандра.

— Я помогала ему её устанавливать! — призналась Эрика, и на сей раз слова её звучали абсолютно искренне.

Кассандра сжала кулаки, а в следующую секунду в другом конце коридора слышались шаги.

— Всё, надо идти! — бросила Эрика торопливо. — Не говори ему, что я тебе рассказала! Не хочу, чтобы он отыгрался на мне!

И, договорив до конца, Эрика втокнула Кассандру обратно в зал, а сама скрылась за углом.

Остаток вечера был безнадежно испорчен. Как ни старалась, Кассандра больше не могла заставить себя заговорить ни с кем — просто стояла в сторонке, потупившись и повесив плечи, пока часы не пробили полночь, и к ней не подошла Анна Розенкрейцер, старшая дама дома Розенкрейцеров и мать Юргена.

— Иди, — она кивнула Кассандре на дверь. — Тебе понадобится время на подготовку, — а затем усмехнулась и добавила, нарушая всякий этикет: — Не завидую я той, кому придётся прожить с моим сыном всю жизнь. Но ты держись.

Кассандра благодарно улыбнулась ей, поклонилась, как требовали того приличия, и направился к дверям.

Если бы не Анна, вряд ли она решилась бы зайти в спальню Юргена первой, но теперь получалось, что она уже стояла у дверей, и светиться в коридоре, переминаясь с ноги на ногу, было попросту глупо.

Она глубоко вдохнула и открыла дверь. Шагнула внутрь и остановилась, разглядывая место, в котором оказалась. Спальня Юргена была точно такой, какой она её представляла — здесь не было ни завитушек, ни бархатных драпировок, которыми был отделан праздничный зал. Только широкая кровать, застеленная голубым покрывалом и... У Кассандры перехватило дух, когда она посмотрела на потолок и увидела огромное зеркало. Щёки её в который раз за вечер налились краской, когда она представила себе, что в этом зеркале скоро будет отражаться она сама, обнажённая и расплённая любовью, и тут же предупреждение Эрики всплыло в её памяти абсолютно отчётливо.

Кассандра захлопнула за собой дверь и, пройдя ближе к центру комнаты, огляделась по сторонам. Бюст она заметила сразу — это была одна из немногих ненужных безделушек в комнате, напичканной только техникой и постельными принадлежностями. Кассандра подошла к нужной полке вплотную и осторожно отодвинула бюст в сторону, а затем закусил губу, чтобы не издать ни звука.

Эрика не врал. Из стены на неё смотрел маленький алый глазок камеры.

Кассандра торопливо подвинула обратно бюст. Промерила комнату шагами от стены до стены, не зная, что делать теперь, а затем опустилась на кровать поверх покрывала. Свадебную мантию снимать она не стала.

Юрген появился спустя полчаса — раскрасневшийся, взлохмаченный, пахнущий почему-то не сандалом, а липой... А ещё, несмотря ни на что, необыкновенно красивый. У Кассандры даже сердце защемило на пару секунд, когда она наблюдала, как Юрген, покачиваясь, закрывает за собой дверь и вразвалочку, не вынимая рук из карманов, приближается к ней.

— Кас-сан-дра... — пропел он. А потом остановился, рассматривая маску из пудры и высокий воротник. — Мама не сказала тебе, что ты должна быть готова?

Кассандра поджала губы и встала.

— Я хочу огорчить тебя, мой супруг.

— Что? — Юрген в недоумении поднял бровь.

— Древний обычай.

— Что — древний обычай? — переспросил Юрген, ещё не понимая толком, что Кассандра пытается ему сказать, но уже начиная свирепеть.

— Писание требует, чтобы первая ночь невинной девушки наедине с супругом проходила под светом Семнадцати Звёзд. А сейчас на небе только шесть.

— Ну и что?!

— Я не могу, пока не выстроятся в ряд семнадцать звёзд!

Юрген рванулся вперёд, намереваясь вцепиться в окутавший плечи Кассандры шёлк, но та юркнула прочь и замерла, оказавшись ближе к двери, чем её супруг.

— Эрике не требуются какие-то там семнадцать звёзд! — рявкнул Юрген и тут же понял, что это и была его последняя ошибка.

— Эрика от невинности далека! — выпалила Кассандра. — Можешь позвать её! — и, шмыгнув в коридор, захлопнула за собой дверь.

ГЛАВА 7

Кассандра сидела в зимнем саду, подтянув колени к груди, и старалась унять катившиеся по щекам слёзы. Не так она представляла свою первую брачную ночь, но остаться с Юргеном после того, что узнала, попросту не могла.

Уходя, она не думала о том, куда пойдёт и, уже миновав несколько коридоров, поняла, что запуталась — и что идти ей на самом деле абсолютно некуда. Здесь, на Эрдоукаре, у неё не было даже того немногого, к чему она привыкла в монастырской школе — маленькой тихой комнатки, где никто не смог бы её отыскать.

Все, кто был приглашён на свадьбу, давно уснули в гостевых покоях, и только в некоторых окнах восточного крыла ещё горел свет — но Кассандра не была приглашена, она была виновницей торжества, и никто не позаботился о том, чтобы выделить ей отдельную спальню.

Время на башенных часах уже близилось к пяти утра, когда вдоль аллеи, ведущей из крыла для гостей в кухонный корпус, зевая проплелась худощавая мадам в белом одеянии в пол. Она прошла половину своего пути, а затем остановилась, прикрывая рот и моргая, чтобы не заснуть на ходу. Качнула головой, разгоняя сон, и замерла, увидев сидящую на скамейке Кассандру.

— Эй!

Кассандра съежилась ещё сильнее, поняв, что её застучали за запрещённым занятием в запрещённом месте, и торопливо принялась размазывать слёзы по лицу рукавом.

Впрочем, было уже поздно — она привлекла к себе внимание, и заинтересованная мадам, перестав зевать, стала приближаться к ней.

— Ты почему не с Юргеном? — сурово спросила та, и Кесси подняла взгляд, всматриваясь в лицо той, что считала себя в праве командовать новобрачными. Только тут она узнала в усталой худой даме Анну Розенкрейцер — ее новую свекровь. Без грима старшая дама дома выглядела старше на добрых двадцать лет, лицо её казалось иссохшимся, а в уголках губ залегли морщинки.

— Извините... — пробормотала Кассандра и попыталась сползти со скамьи, но тут же была остановлена узкой, но сильной рукой — Анна опустила ладонь ей на колени и нажала, не давая встать. — Я не хотела...

— Не хотела чего?

— Не хотела... оскорбить... ни вас, ни вашего сына... Простите меня, мадам Розенкрейцер!

Кассандра почувствовала, как к глазам её снова подступают слёзы.

— Ты что, всю ночь здесь просидела? — поинтересовалась Анна, не сбавляя тона.

Кассандра пожала плечами.

— И не спала?

— Вздремнула чуть-чуть...

Анна оглядела ее и прицокнула языком.

— Знала же, что проклята будет та, кому достанется этот обалдуй! Эй, ты чего? — Анна наклонилась, разглядывая сбегающую по щеке Кесси слезу. — Он что, выгнал тебя?

Кассандра закусила губу и покачала головой.

— Ну, тогда что?

— Я сама... — Кесси перевела дух, чтобы выровнять голос. — Сама ушла. Мадам Розенкрейцер, всё хорошо.

— Вижу я, лучше не бывает, — Анна вздохнула и опустилась на скамью рядом с ней. — Кесси, твоя мать говорила с тобой про брак?

Кесси пожала плечами и отвела глаза.

— Ну! Не мельтеши!

— Говорила, что я должна буду выйти замуж, чтобы объединить империю «Мэйденоу» с империей «Дастис Зонг».

— Хм... Она, конечно, была права, но я немного не про то. Понимаешь... Брак — это немного не то, что показывают в кино.

— В школе не показывали кино.

— Да? Очень хорошо! То есть про брак ты не знаешь ничего вообще?

Кассандра покраснела.

— Я знаю, что леди и джентльмены были созданы разными. И леди — почва, в которую джентльмен роняет зерно, чтобы на свет появился новый росток.

Анна прокашлялась, подавляя смех.

— Кесси... Можно я буду называть тебя так?

Кассандра торопливо кивнула.

— Я не про то, откуда берутся дети. Я — про брак. Понимаешь, дело не начинается и не оканчивается спальней. Многие из нас с детства верят, что когда они вырастут, появится прекрасный джентльмен, который предначертан им судьбой. Но это не совсем так. Джентльмен и его леди, — Анна сцепила пальцы в воздухе, образуя замок. — Джентльмен и его леди дополняют друг друга. Как... Не знаю... Стебель и цветок. Джентльмен и его леди должны уметь друг друга поддерживать, направить, а иногда и покритиковать — иначе не получится ничего.

Кассандра задумчиво посмотрела на Анну.

— Я понимаю, но...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Беда в том, что мой сын не в состоянии поддержать никого. Он должен бы уже повзрослеть — но я не представляю, когда это произойдёт. У мальчиков второе совершеннолетие наступает в двадцать пять, но как по мне — это не значит ни-че-го. Наверное, потому их и стараются побыстрее женить — чтобы какая-то леди сняла заботу с плеч родителей и взяла воспитание джентльмена на себя, — Анна хихикнула. — Как-то так. Я просто хочу сказать... Что рано или поздно у него это пройдёт. Но только если ты будешь стараться исправить его.

— Но что, если он мне даже шанса не даёт? — Кассандра не сдержалась и всё-таки встала, сжимая кулаки.

— Ну, — свекровь пожала плечами. — Никто не обещал, что будет легко.

Анна улыбнулась и тоже встала. Убрала с лица Кесси выбившуюся из-под заколки прядь, а затем не удержалась и снова зевнула.

— Ладно. Мне надо на кухню, раздать распоряжения поварам. Без меня тут, наверное, с голоду все умрут, — Анна вдруг стала серьёзной. — Но завтра я уеду. И всем этим будешь заниматься ты. Так что лучше пошли со мной — я тебе всё покажу.

— Уедете? Куда?

Анна мягко улыбнулась и пожала плечами.

— Домой, дела зовут. Юрген — не единственный мой ребенок. Мы живём на планетке потише, я не люблю городской суеты.

Кассандра закусила губу, сдерживая подступивший к горлу вопрос: «А я?». Анна будто бы угадала эту невысказанную мысль. Потрепала её по волосам и добавила:

— Не волнуйся, всё будет хорошо. Пошли.

— «Пока не выстроится семнадцать звёзд!» — произнёс Юрген писклявым голосом, стоя в сторонке и наблюдая за тем, как Эрика осваивает управление яхтой. — Эрика, ну что это за бред?

— Не знаю... — задумчиво протянула Эрика. — Слушай, а что делает этот рычаг? — она нажала на понравившийся ей элемент управления, и яхта, вздрогнув, накренилась набок.

Юрген выругался, подскочил к ней и, перехватив управление, мягко вдавил рычаг назад.

— Не делай так! Это нужно только, чтобы выйти из пике.

— А... Окей. Надо же, Юрген, какой бы из тебя получился пилот!

Юрген отвернулся и фыркнул, разглядывая проплывающие в иллюминаторе облака.

— «Древний обычай!» — пропищал он ещё раз. — Звёзды, Эрика! Древний обычай — кто вообще так говорит?

Эрика хохотнула, не отрывая взгляда от лобового стекла.

— Очевидно, твоя супруга, дорогой. И да, ещё есть девушки, которые думают, что секс нужен, чтобы делать детей. Самый смешно.

— А мне — ни капли! — Юрген упал в соседнее кресло и теперь, наконец, уставился на неё. — Эрика, я женат на монашке! И тебе от этого смешно!

— Конечно, да! — Эрика поставила управление на автопилот и, покачивая бедрами, подошла вплотную к Юргену. Она спрятала руки в карманы, остановилась в паре шагов от него и склонила голову набок, разглядывая красивое лицо любовника, сейчас немного помятое после долгой ночи. — Юрген, почему ты так переживаешь из-за неё?

— Это не из-за неё, — буркнул Юрген. Скрестил руки на груди и уставился в окно. Вообще-то, Эрика была права, как всегда. Сам факт отказа расстраивал его куда больше, чем потеря новенькой яхты. В голове почему-то то и дело всплывало нежное запястье, которое он сумел рассмотреть вблизи всего раз, и неожиданно мягкие губы, которые целовал на свадьбе.

— Вот и хорошо, — Эрика подтолкнула одну ногу Юргена носком сапога, заставляя того развести колени в стороны, и уселась на его правое бедро. — С самого начала никто не предполагал, что вы будете вместе спать. Или — упаси нас Звёздный Свет! — друг друга любить. Она просто твоя супруга.

— Да, — подтвердил Юрген и стиснул пальцы в кулак. — Просто моя супруга.

Эрика поймала его запястье, заставила расцепить пальцы и опустила ладонь себе на бок, так чтобы Юргену пришлось обнять её за талию.

— Тепло?

— Тепло.

— Расслабляет немножко? — Эрика поводила пальцами Юргена вдоль ткани, а потом ловко засунула их себе под одежду.

Юрген подобрался, усаживаясь поудобнее.

— Ну, если только чуть-чуть.

Эрика наклонилась к нему и, поймав губы Юргена, неторопливо, но смачно поцеловала.

— А так? — спросила она, отстраняясь и заглядывая Юргену в глаза.

— Уже лучше, да. Но...

— Никаких но. Ты вообще не хотел вступать с ней в брак. С полным правом можешь просто о ней забыть.

— Как, Эрика?! Она ведь моя жена!

— Посели её в дальнее крыло. И живи так же, как жил всегда.

Юрген усмехнулся и, обхватив Эрику поперёк туловища, придвинул поближе к себе. Зарылся носом в мягкий воротник её свитера.

— Чёрт, Эрика, какой же у тебя аромат...

Эрика усмехнулась. Вплела пальцы в его волосы и прижала голову Юргена ближе к себе.

— Нюхай, милый, нюхай ещё.

— Мне надо будет иметь от неё детей...

— Просто представишь, что это я...

— Но... Если она больше ко мне не придёт?

— Когда выстроятся семнадцать звёзд, Юрген — просто приползёт.

ГЛАВА 8

Анна не только показала Кассандре кухню, она ещё и представила её домоправительнице, главной кухарке и ведущему садовнику как новую хозяйку дома.

Прислуга приняла новоявленную леди холодно, но без особой ненависти — Кассандра так и не поняла, боялись ли они Анну или им было попросту всё равно.

А затем Анна поила её чаем на балконе в своих апартаментах и угощала выпечкой, приготовленной на заказ.

— Я обязательно поговорю со своим сыном, — пообещала она. — Такого, как сегодня, повториться больше не должно.

Кассандра покраснела, потому что так и не рассказала Анне до конца всего — сказала только, что испугалась и сбежала, отговорившись физическим недомоганием.

И Анна действительно поговорила с Юргеном и даже повлияла на него. Вечером Кассандра, отдохавшая в покоях старшей леди, получила письмо, подписанное именем Юргена Розенкрейцера:

«Супруга моя, приношу свои извинения. Вам будут выделены личные покои».

Письмо явно писалось под диктовку — это мог бы угадать каждый, кто знал Юргена хоть чуть-чуть. И всё же это было лучше, чем ничего.

Кассандра сморгнула. Слезы опять навернулись на глаза, но она только сжала кулаки и уставилась за окно. Там, в окружении аккуратно подстриженного кустарника, мерцали струи фонтана — почти такого же, как и в Сайликском монастыре.

Анна уехала на следующее утро, и серые дни потянулись один за другим.

Кассандра твёрдо решила выполнить завет матери, но, как и обещала свекрови, это оказалось непросто — Юрген не приходил к ней и не звал к себе. Он вообще не появлялся Кассандре на глаза. Чего нельзя было сказать о Эрике, которая сновала по дому каждый божий день, так что Кассандре начинало казаться, что она попросту здесь живёт. От вида Эрики, довольной и счастливой, а порой и пахнущей сандалом, у Кассандры сжималось сердце, но поделать она не могла ничего.

Пару раз Эрика даже пыталась с ней заговорить. Когда же в третий раз Эрика так и не получила от Кассандры ответной любезности, она уселась рядом с ней на скамейку в зимнем саду и произнесла:

— Кассандра Кинстон...

— Розенкрейцер, — поправила её Кассандра.

— Хм... Кассандра Кинстон, — повторила Эрика, — ладно, Розенкрейцер-Кинстон. Нам надо поговорить.

— О чём? — Кассандра даже не посмотрела на неё.

Эрика поднялась и, широко расставив ноги, встала напротив неё, заслоняя вид из окна.

— Ты ведь умная девушка, так, Кассандра?

Кассандра подняла на неё равнодушный взгляд.

— В глупости пока не упрекал никто.

— Ну, вот и хорошо. Думаю, ты должна понимать — из этого дома я не денусь никуда. Я знаю Юргена много дольше тебя. А так же имею множество других преимуществ.

— Кроме одного. Ты — не его жена.

Эрика хмыкнула, щелкнула пальцами, перекатилась с пятки на носок.

— Сомнительное преимущество, надо сказать — возможность готовить ему обед.

— Во-первых, я не готовлю, а управляю поварами, — поправила её тут же Кассандра. Она в самом деле приняла на себя все обязанности первой дамы дома, и это хоть немного скрашивало её пустые одинокие дни. Это — и книги, которые она находила в большой и почти заброшенной библиотеке Розенкрейцеров, куда, кроме неё и хранителя, никто не заходил. — Во-вторых, это значит, что я тоже никуда не уйду. Даже если вам с Юргеном от этого стало бы легче.

Кассандра сжала зубы, закончив говорить, потому что последние слова отозвались неожиданной болью в груди.

— Кесси! — воскликнула Эрика. — Да я и не говорю, чтобы ты уходила.

Кассандра с подозрением уставилась на неё.

— Меня зовут Кассандра, — тихонько поправила она. Говорить с Эрикой было неожиданно легко, но это не меняло того, что Кассандра отлично понимала, кем Эрика была для её супруга.

— Не важно, — Эрика махнула рукой и, снова усевшись рядом, наклонилась к Кассандре поближе. — Послушай, я понимаю всё. Юрген не выбирал, но и ты тоже не выбирала. Ваши предки просто решили, что вы будете супругами, вот и всё. Но... Это не значит, что вам следует многого друг от друга ждать

Кассандра поджала губы. Эрика определённо не понимала, о чём говорила. Она не прятала под одеялом журналы с фотографиями Юргена Розенкрейцера с очередной вечеринки и не целовала... «Стоп, — оборвала себя Кассандра. — Она-то как раз целовала». И от этой мысли Кесси стало ещё больней.

— Что ты хочешь этим сказать? — произнесла Кассандра настолько равнодушно, насколько смогла.

— Да то, что у тебя есть своя жизнь. Так ей и живи. Только ради неба — волком на меня не смотри.

— Какая, если не секрет?

— Ну... — Эрика задумалась. Потом обвела взглядом помещение, где они сидели. — У тебя есть этот сад. И ещё тот, что во дворе. И куча прислуги. И...

— Я поняла. И что?

— Ну так оставь хотя бы Юргена мне!

Кассандра в недоумении посмотрела на неё.

— Эрика, я так не могу. Да и... — она замолкла, сиюминутно подавить подступивший к горлу ком. — В общем, не подходи больше ко мне. Я просто не могу на тебя смотреть.

Она встала и удалилась к себе. Весь вечер Кассандре было не по себе, а на следующий день позвонила Донна. Сама она была какой-то невесёлой и, хотя Кассандра не расспрашивала особо, довольно быстро призналась, что Аурэль от неё ушёл — вернее, просто отказался брать в жёны. С момента выпуска к тому дню прошло уже четыре месяца, и на данный момент Донна снова жила с родителями, не зная, куда податься одной.

— Все девчонки из нашего выпуска вышли замуж... — сообщила она, покручивая опавший завиток.

— Странно, что не вышла ты, — рассеянно ответила Кассандра.

Донна едва слышно хмыкнула и тему продолжать не стала. Принялась расспрашивать, как у Кассандры устроилась семейная жизнь, и тут Кассандра поняла, что больше сдерживаться не может — все эти четыре месяца, проведённые в одиночестве, она не говорила ни с кем. Даже Анна ей не звонила. И теперь, когда кто-то наконец захотел её слушать, Кассандра уже не могла сдерживать поток слов.

— Он меня выбросил, Донна, — Кесси закусила губу, когда договорила до конца. — Просто. Как куклу. Я... я не знаю, — она отвернулась и уставилась в окно.

— А ты что-нибудь делала, чтобы остаться с ним?

Кассандра открыла рот.

— Что?

Донна подняла бровь.

— Кесси, ты хотя бы пыталась с ним заговорить?

Кассандра покраснела. Донна только скривилась.

— Надо было, да? Поговорить?

— Ну, поговорить не совсем то... Я бы, например, приготовила романтический ужин... разделась, легла в кровать... Разумеется, к нему...

— Донна!

— Кесси, он твой супруг!

Кассандра стремительно свернула разговор, но зерно сомнения запало в её душу, и на следующий вечер она сделала так, как сказала Донна — распорядилась приготовить устриц и фондю, поставила всё это на серебряный поднос и пристроила на тумбочку возле кровати Юргена — в спальню супруга она входила с опаской и, едва освободив руки, заглянула туда, где стоял бюст Основателя. Только убедившись, что камеры там больше нет, Кассандра вздохнула свободно. Шмыгнула в ванную, переделалась в принесённую с собой ночную сорочку из мягкого льна, устроилась под одеялом и стала ждать.

Кесси не заметила, как уснула. А заодно не заметила и как Юрген, усталый после вечерней пирушки и пахнущий густым букетом чужих ароматов, вошёл в спальню, на ходу сбросил с себя рубашку и джинсы вместе с плавками, а затем, не открывая глаз, шмыгнул под одеяло с другой стороны.

Он протянул руку и замер, нащупав в постели что-то горячее, точно печка.

— Эрика? — спросил он заплетающимся языком. Вообще-то, Эрика так никогда не засыпала, но кто ещё мог оказаться в его постели среди ночи, Юрген не мог даже представить.

Кассандра, спросонья тоже не сообразившая, где оказалась, мгновенно села, сбрасывая его руку с себя, распахнула сонные глаза и тут же услышала испуганный вскрик.

— Юрген!

Юрген сполз с кровати и отскочил к дальней стене.

— Юрген, я твоя жена! — продолжила Кассандра, вспомнив слова Донны и решив идти до конца.

Юрген стоял, тяжело дыша и глядя на взлохмаченное существо в бесформенной робе, которое сидело в его кровати. Только услышав последние слова, он немного пришёл в себя.

— Кассандра? — он взгляделся внимательнее. — Кассандра Кинстон?

— Ты что, забыл, как я выгляжу?! — взъерошенная Кассандра тоже вскочила.

— Нет, просто...

— Юрген! Я твоя супруга.

— Точно, — согласился Юрген и попятился к ванной. — И поэтому мне надо принять душ.

Он шмыгнул в ванную, но в последнюю секунду приоткрыл дверь и бросил:

— Надеюсь, когда я выйду, тебя здесь уже не будет!

А затем раздался хлопок.

Кассандра постояла ещё немного, глядя на закрывшуюся перед ней дверь. Всклипнула тихонько, подхватила со стула свою дневную одежду и направилась к себе.

Впрочем, решимость её не угасла, и спустя неделю она попробовала опять.

На этот раз, когда Юрген лежал в ванной, отмокая после тренировки, Кассандра опустила руки ему на плечи и принялась массировать — старательно и неторопливо, как научила её Донна вечером накануне.

Юрген негромко застонал под её руками и откинул голову назад.

— Эрика, какая ты сегодня... М... — пробормотал он, не открывая глаз, потянулся к руке Кассандры и поцеловал пальцы, от чего у той задрожали коленки. А в следующую секунду Юрген открыл глаза и заорал так, будто увидел свой самый страшный кошмар.

После этого случая Кассандра отходила довольно долго. То, что ласки, которые Юрген с удовольствием принял бы от Эрики, её муж не захотел принимать от неё, сводило Кассандру с ума. Это было обидно, потому что, прокручивая слова Юргена в голове раз за разом, она всё яснее понимала, что Эрика-то не умела делать Юргену так приятно, как смогла сделать она. Но проклятое уродливое лицо не оставляло ей шанса — и Кассандра начинала уже ненавидеть это лицо. Если бы не оно, она обязательно смогла бы привлечь внимание Юргена, но всё же Кассандра оставалась той, кем была — невзрачной воспитанницей монастыря, которая всегда была не такой, как все.

В середине ноября у Кассандры был день рождения, и она решилась попытаться ещё раз — уже не столько для того, чтобы выполнить завет Анны, сколько просто потому, что ей не хотелось праздновать одной.

Она сама испекла торт и проследила, чтобы повара правильно приготовили тридцать традиционных блюд, а затем приказала накрыть стол в комнате, которую Юрген никак не мог обойти стороной, вставая с утра. Сама она села за стол с самого утра и стала ждать, когда проснётся супруг.

Юрген проснулся около одиннадцати — он поздно ложился и поздно вставал. Зевая, спустился на первый этаж и увидел прямо перед собой ломившийся от еды стол.

— Класс, — сказал он и ещё раз зевнул. Подхватил со стола церемониальную тарталетку и запихнул в рот. — Вкусно.

Кассандра улыбнулась.

— Я рада, что тебе понравилось, — она подошла и, встав напротив Юргена, указала ему на салат с моллюсками. — Попробуй вот это. Тебе тоже, наверняка, понравится.

Юрген зачерпнул общей ложкой салат из вазочки и положил в рот.

— М-м... — промычал он. — То, что надо.

Он подхватил салат и направился к двери.

— Юрген! — крикнула Кассандра ему вслед.

— Что? — Юрген остановился, но так и не посмотрел на неё.

— У меня сегодня день рождения!

— Правда? — Юрген повернул голову чуть-чуть.

Из соседней комнаты раздался бой часов.

— М! Мне надо бежать! Спасибо за салат!

— Юрген! — Кассандра бросилась за ним вслед и налету поймала закрывающуюся за мужем дверь. — Хотя бы скажи, куда?

— Сегодня финальный матч, — бросил Юрген через плечо.

— Может, я с тобой?

Супруг замер и медленно повернулся к ней.

— Кассандра Кинстон, я уже говорил тебе — я никогда не покажусь на людях с тобой, — он подумал и добавил. — Ну, по крайней мере, пока ты не начнёшь выглядеть как человек.

Снова раздался бой часов, и Юрген, на ходу запихивая в рот салат, бросился прочь.

Больше Кассандра попыток завязать контакт не предпринимала. Попыталась записать все эти события в дневнике, но после слов «Мой муж снова не захотел говорить со мной» закрыла тетрадь и забросила ее в ящик стола: такого доверять бумаге ей не хотелось. Она полностью погрузилась в книги, которые, как и прежде, оказались её единственной отрадой. И, может быть, даже привыкла бы так жить, если бы ближе к новому году с ней не случилось то, чего она так боялась и ждала.

ГЛАВА 9

Впервые зов Семнадцати Звёзд большинство юных леди ощущали уже к восемнадцати годам — а то и задолго до того. Но и в этом Кассандра оказалась «не такой, как все». Её созревание задерживалось, и когда Донна и другие девочки хихикали по углам, обсуждая странные ощущения и желания, которые появлялись у них в голове, Кассандра только смотрела на них с недоумением, непониманием и... лёгкой завистью.

Не то чтобы она считала, что это очень важно... Ведь она же была лучшей ученицей и безо всякого там... стыдно сказать. Но всё равно мысль о том, что у неё снова всё не как у всех, Кассандру пугала.

Она думала, что когда вступит в брак, дело войдёт в норму — ходили слухи, что желание оказаться вместе с мужчиной часто зависит от близости с ним, а у неё такой близости не было никогда. Но и в браке с Юргеном в её организме не изменилось ничего.

«В наше время никто не обращает внимания на непонятный зов», — убеждала она сама себя. И даже напоминала себе тут же фразу, брошенную Юргеном в их первую брачную ночь: «Эрике не требуются какие-то там Семнадцать Звёзд!». И всё же с каждой неделей Кассандра беспокоилась всё сильнее, а звезды все не выстраивались. А поскольку их не наблюдалось, не приходили и те странные желания, о которых шептались девочки и сухим менторским голосом рассказывали учителя на уроках биологии. Юрген оставался для Кассандры романтическим принцем из сказки, что так её и не полюбил, но никак не объектом сексуального вожделения или женской любви.

Когда же чудо наконец произошло — было это за пять дней до дня Восхождения Великой Звезды, и намечалось большое празднование с салютами и ночными песнопениями — Кассандра поняла, что ощущения её не напоминают те, о которых говорили девочки, ничуть. И даже мало похожи на те, что описаны в учебниках биологии.

Она не чувствовала ни трепета сердца, ни желания прогнуться в спине — только в первое же утро поняла, что её жажда увидеть Юргена невыносима. Кассандра хотела просто коснуться его, прижаться щекой к сильному плечу и тереться о супруга виском, пока тот не обнимет её и не погладит по спине.

На последней мысли Кассандре в самом деле захотелось прогнуться и сделать что-то ещё, но что — она толком не поняла.

С самого утра она ощущала себя так, будто с неё содрали кожу живьём — слова повара о том, что она сама должна была обеспечить закупку мяса к празднику, неожиданно обидели её до глубины души так, что Кесси чуть не расплакалась, чего не было с ней уже давным-давно — с тех пор, как она перестала общаться с Юргеном. Никто в доме не мог задеть её, но теперь вдруг стало казаться, что все они только и думают, как её уязвить. Она нуждалась в защитнике, и тихий голос в голове без конца нашептывал: «Юрген, Юрген, Юрген». Вот только другой, более твёрдый и знакомый, тут же напоминал, что Юрген защитником не был никогда, и оттого боль в груди становилась только сильнее.

Всё, что позволила себе Кесси в первый день — это сесть у окна ближе к двенадцати часам и ждать, пока Юрген отправится на тренировку через двор. Когда же она увидела высокую мощную фигуру мужа, как обычно в шёлковой рубашке, чуть колыхавшейся на ветру, и светло-голубых джинсовых штанах, грамотно обтягивавших зад, у Кесси мучительно заныло одновременно в груди и внизу живота, и в то же время появилось желание кинуть что-нибудь тяжёлое в окно, а ещё лучше — в самого Юргена.

Кесси сжала кулаки и проследила за тем, как тот садится в автомобиль. Боль стала такой сильной, что захотелось завывать, но Кесси позволила себе только негромкий писк.

— Ненавижу тебя, — прошептала она и почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза.

Она открыла свой дневник — очередную тетрадку — и описала свои чувства, надеясь, что это поможет, как и раньше, преодолеть все трудности и не даст ей совершить какую-нибудь глупость.

Перед сном её всё-таки скрутило, и она хотела было встать и побежать к покоям Юргена, наплевав на все обиды, но потом вспомнила кривую усмешку Эрики. Кесси действительно встала, проглотила две таблетки снотворного, вернулась в кровать, повернулась носом к стене и уснула.

На следующее утро Кассандра отправилась раздавать распоряжения относительно приближающегося праздника. Сосредоточиться удавалось с трудом, и мысли постоянно возвращались к обиде на Юргена, которому всегда было на неё наплевать. Кое-как закончив с приготовлениями, она вернулась к себе и замерла, обнаружив невиданную доселе картину — Юрген Розенкрейцер стоял посреди её спальни перед письменным столом и разглядывал что-то лежавшее

на нём.

— Юрген, — пискнула Кесси, чувствуя, что голос последнее время её предаёт, но не в силах что-то сделать с собой. Сердце забило бешено, явно намереваясь выскочить из груди, кровь зашумела в висках, и на нее мгновенно навалился весь тот букет ощущений, который описывали другие девушки — она прямо почувствовала, что ей необходимо прижаться к мужу, появилось стремление прогнуться и завывать и, главное, странное, непонятное желание того, чтобы этот, именно этот мужчина был внутри.

Юрген медленно повернулся и внимательно осмотрел ее. Явно своим опытным взглядом он что-то разглядел, потому что протянул:

— Оп-па... Неужели наш мышонок готов.

— Юрген... — Кассандра хотела возмутиться, но вместо этого получился какой-то действительно мышинный взвизг, да и внизу живота от сказанного мужем начало тянуть сильнее.

Юрген аккуратно, плавными шагами дикой кошки подошёл к ней и остановился буквально в дюйме — так близко, что казалось, просто качнись он вперёд, и они бы слились в одно — и в то же время так далеко.

— Юрген... — прошептала Кесси ещё раз и закусила губу, чтобы не сказать больше ничего.

— Можешь меня попросить, я всегда готов помочь попавшей в непростое положение даме, — Юрген сделал двумя руками пошловатый жест, и бёдра его при этом качнулись вперёд, так что пах задел пах Кассандры, и та попросту заскулила. — Которая страдает так же, как ты.

Кассандра закусила губу и некоторое время тяжело дышала, стараясь привести мысли в порядок, но с каждым мгновением становилось только хуже, и в конце концов она сдалась:

— Пожалуйста, Юрген, помоги...

— Чем, малышка?

— Юрген! — всё равно получился только шёпот.

— Ладно, не будем требовать сразу всего, — Юрген сделал пару шагов назад и уселся на кровать. Склонил голову набок, разглядывая Кассандру с ног до головы. — Разденься, что ли. А то хоть убей — у меня на тебя не встаёт.

Тёмная волна обиды всколыхнулась у Кассандры в груди. Захотелось одновременно кричать, выть, ударить Юргена, броситься прочь и, спрятавшись у себя в спальне, расплакаться... Но жестокие Семнадцать Звезд не давали противиться, они словно шептали ей: «Сделай так, как он говорит, сделай...» Едва преодолевая этот жуткий зов, она пробормотала слабым голосом:

— Если ты, Юрген, в самом деле мой супруг, то сию минуту разденешь меня и уложишь в кровать... ради блага нашей с тобой семьи.

Юрген усталился на нее, словно хотел что-то сказать, но отказался и потянулся к крючкам на воротах платья.

Юрген был сам не свой с самой свадьбы. Эрика заметила это уже давно, но виду старалась не подавать.

Юргена то и дело «уносило». Он терял нить разговора, мог замолкнуть на полужестком, уставиться в окно и какое-то время молчать.

Потом, правда, приходил в себя. Но чем чаще случались такие приступы, тем больше Эрике становилось в его присутствии неуютно, а приступы учащались день ото дня.

Эрика предпочитала выжидать. Только косилась время от времени в ту сторону, где находились покои новоявленной супруги. Впрочем, всерьёз она происходящее не воспринимала до тех пор, пока в начале сентября Юрген не начал то и дело, видимо, забываясь, задавать ей вопрос:

— Как ты думаешь, она и вправду ничего не ощущает? Ей не хочется оказаться в постели с мужчиной?

Эрика напомнила себе, что интерес Юргена к особенностям поведения девушек в период повышенно активного либидо — явление довольно рядовое, и, пожав плечами, тогда сообщила:

— Ты же мужчина. Давно бы понял, если бы она захотела — она же такая правильная, к тебе бы и принеслась умолять.

В тот день разговор продолжать не стали, но спустя пару недель Юрген спросил ещё раз:

— А что, бывает, что в двадцать лет женщина еще не слышала зов Семнадцати Звезд?

Тут уже Эрика насторожилась, отметив про себя, что Юрген стал использовать сложное и непривычное для него словосочетание «Зов Семнадцати Звезд» вместо обычного «у неё зудит».

Эрика хотела было его послать, потому что некоторые вопросы даже она предпочитала с мужчинами не обсуждать, но потом подумала, что если не она — Юрген может пойти и к кому-то ещё.

— Бывает всё, — сухо ответила она. — Но я бы на девиц с нарушением цикла внимания не обращала.

— Почему?

— В постели они — фуфло.

На том разговор завершили, но не прошло много времени, когда Юрген, уже в октябре, поинтересовался ещё раз:

— А от таблеток не бывает позднего начала циклов?..

Вопрос этот пришёлся тогда настолько не в тему, что Эрика даже не сразу сообразила, о чём речь.

— Каких... — тут до неё дошло, и она мрачно посмотрела на Юргена, отложив в сторону журнал, — Юрген, какого чёрта? Ты себе нормальную зазнобу найти не мог?

Юрген почему-то покраснел, затем побледнел, затем встал, встряхнул Эрику за плечи и процедил ей на ухо:

— Эрика, она моя жена!

Эрика спорить не стала. Скрипнула только зубами, понимая, что с мужчинами спорить бессмысленно вообще, а уж с Юргеном и подавно — когда его захлёстывал тестостерон, он всегда туго соображал.

— Совет да любовь, — буркнула Эрика и, высвободившись из его рук, направилась домой.

Спала она в ту ночь плохо, но наутро, всё так же скрипя зубами, к Юргену всё-таки пришла. И увидев Кассандру, обсуждавшую что-то с прислугой, в первый раз попыталась с ней заговорить. Проклятая Кинстон, впрочем, лишь окинула её высокомерным взглядом, каким умели смотреть все, рождённые в золотой простыне, и, отвернувшись, ушла прочь.

Вторая попытка наладить контакт успеха также не принесла. Кассандра старательно делала вид, что Эрика — просто муха, сидящая на стекле. Насекомое, которое наследнице Кинстонов не следует замечать.

И Эрика, в общем-то, думала уже бросить эти бесполезные потуги, когда увидела Кассандру, сидящую в одиночестве в зимнем саду. На сей раз та, по крайней мере, снизошла до разговора — впрочем, не утешительного абсолютно.

Эрика в тот вечер ушла, так и не повидавшись с Юргеном, и три дня не приезжала вообще, пока Юрген не позвонил сам и не позвал её на матч. В конце концов они помирились, и всё вроде бы пошло своим чередом, только странные подвисания Юргена так и не делись никуда.

В канун зимних праздников, когда Эрика ждала его в кабинете, Юрген вернулся к себе неожиданно злой. Хлопнул дверью так, что стены затряслись, и сделал по комнате два круга, прежде чем, обнаружив Эрику, сидящую у окна, рассеянно произнёс:

— А... это ты.

Эрика испытала непреодолимое желание хлопнуть этой самой дверью ещё раз, но лишь напомнила себе, что это Юрген, а Юрген часто бывает невыносим.

— Что, — спросила она зло, подумала и мягче уже добавила, — стряслось?

Юрген не ответил ничего. Подошёл к окну и остановился, перекатываясь с пяток на носки. Какое-то время в комнате царила тишина, а потом Юргена прорвало:

— Какого чёрта мне досталось это... эта... жена? У неё даже то, что между ног, работает не так, как у всех!

Эрика подняла бровь, но ничего не сказала.

Юрген снова метнулся к двери и обратно к окну. Потом повернулся, подошёл к Эрике, сидящей в кресле, и, наклонившись, в самое ухо, прошептал:

— Я думаю, она мне врёт!

— По-че-му? — ответила Эрика таким же шёпотом.

— Ну... У неё же не могло до сих пор не быть... понимаешь ты...

Эрика закатила глаза и застонала.

— Юрген, — произнесла она, снова садясь ровно и внимательно глядя Юргену в лицо. — На свете столько красивых женщин... Не говоря уже про меня.

— Только не говори, что решила поревновать!

Эрика мгновенно замолкла. Показывать Юргену, что её волнуют эти приступы, она не собиралась никоим образом.

— Если у неё был этот зов, — собралась с мыслями наконец Эрика, — она должна была хоть как-то проявить это. В этот период женщины не контролируют себя. Она могла написать кому-нибудь и встретиться с ним. Поищи письма.

Юрген отшатнулся от неё, заметно помрачнел и про желания женщин в тот день больше не говорил.

Применить совет Эрики на практике он не решался несколько дней — с тех самых пор, как Кассандра поселилась у него в доме, половина супруги казалась ему отделённой от его собственной нерушимой стеной. Но потом всё-таки решил, что дом принадлежит ему, а значит, ему принадлежит и всё, что в нём.

Он решительно направился в спальню Кассандры, благо та по утрам обычно занималась хозяйством, и, начав открывать ящики письменного стола в поисках чужих писем, внезапно наткнулся на потрепанную, как и все книги и вещи у дражайшей супруги, тетрадку. На обложке было написано «Мой милый дневник». Юргена передернуло, но, открыв на последней странице «милый дневник», он прочитал слова: «Со мной творится что-то странное, со вчерашнего дня я не могу отвести глаз от мужа...» Тут дверь хлопнула, Юрген повернулся, и, едва рассмотрев томные глаза и приоткрытый рот Кассандры, вошедшей в комнату, понял: оно. Его женушка готова, пресловутый зов наконец-то раздался над ее ухом.

Юрген сам не знал, почему послушался слов супруги, и просто медленно расстегнул застёжки воротника под горло на платье, похожем на балахон. Ничего более уродливого, чем этот толстый кусок ткани, Юрген не видел ещё никогда — даже его мать, которая тоже частенько надевала на себя что-то вроде того, всегда носила мягкие ткани и следила, чтобы вещь красиво стлалась по полу за ней. Женщин младше тридцати Юрген в таких одеяниях не видел никогда, разве что в монастыре носили подобные мешки.

Грубая холщовая ткань, сползая вдоль плеч, открывала худенькое, костлявое тело — настолько маленькое, что Юргену и в голову не пришло, что оно так мало, когда он смотрел на балахон. Плечи Кассандры были ссутулены, и она переминалась с одной длинной угловатой ноги на другую.

Всё это не завело бы Юргена ни разу в жизни, если бы не сама ситуация — его женщина хотела именно его, и теперь стоило ему, Юргену, отдать приказ, как она послушно позволила стянуть с себя всё. Конечно, она что-то там сказала про семью, но на это не стоило обращать внимания — все-таки супруга училась в монастыре, а там, наверное, и не такое набили в головы ученицам. Но после этого она делала все, что муж велел.

Так беспрекословно не подчинялся ему ещё никто, и Юрген невольно потянулся к паху, чтобы погладить себя сквозь брюки.

— Какая же ты костлявая, — Юрген дёрнул плечом. — Если бы мне дали выбирать, никогда бы тебя в дом не взял.

Кассандра опустила глаза. От бессилия, от жгучего желания и от полной неспособности сопротивляться слёзы наворачивались на глаза, но Юрген то ли не замечал этого, то ли не хотел замечать.

— Иди-ка сюда, — Юрген похлопал себя по колену, и Кассандра, чувствуя, как ненависть к себе переполняет её, медленно переступила через платье и подошла.

Юрген без всякой нежности подтолкнул её к кровати и заставил лечь на спину. Затем провел рукой по животу, и Кассандра прогнулась навстречу этому жесту.

— Все женщины хотят лишь одного, — сказал он, — на всё готовы, чтобы вам хорошенько вставили. И ты такая же, как все, да, Кинстон?

Кесси закусила губу, но промолчала.

— Не слышу, Кинстон, — Юрген слегка наклонился к ней.

— Да... — выдохнула Кесси.

— Вот и хорошо, — Юрген произнёс это таким тоном, что, вопреки всякому здравому смыслу, Кассандре ещё больше захотелось прижаться к нему всем телом и замурлыкать, а в следующую секунду Юрген вжикнул молнией и приступил к делу.

Кассандра вся дрожала в его руках, Юрген не обращал внимания на невнятное бормотание. Хотелось заткнуть жене рот, потому что это бормотание жутко отвлекало, но, впрочем, не настолько, чтобы мешать всерьёз. Наконец Юрген выгнулся дугой, запрокидывая голову назад и отпустил Кассандру, которая тут же стала какой-то неживой, будто марионетка, которую перестали дергать за ниточки, снова вжикнул молнией и размял плечи.

— Супруга, супруга... честно, не секс, а полное фуфло. Эрика хоть сосёт хорошо.

Юрген развернулся и, зевая на ходу, направился к себе, а Кесси долго ещё лежала неподвижно, пытаясь понять, почему после того, чего все девушки ждут с таким упоением, ей было настолько хреново, пока в конце концов не разразилась слезами.

ГЛАВА 10

Три дня Кесси провела в своей комнате, не выходя дальше ванной и почти не вставая. Все-таки иногда подниматься приходилось, и в одно из этих коротких путешествий к двери ванной она обнаружила свой открытый дневник на столе. До нее дошло, почему Юрген вообще снизошел до нее. Кесси подняла со стола тетрадку и без жалости разорвала ее, дав себе слово больше никогда не вести дневников.

Пресловутый зов всё ещё продолжался, но ей не хотелось уже ничего — ни прижаться к мужу, ни оказаться в его тепле. Только свернуться клубочком и лежать, обняв колени руками, будто ничьи руки, кроме её собственных, и вовсе не могли принести ей тепло.

Чем больше Кесси лежала так неподвижно, невольно прокручивая в голове все самые неприятные воспоминания — издевавшихся над ней в школе мальчишек, Донны, выставившей её посмешищем перед Юргеном, самого Юргена и даже Анну, возложившую на неё, будто в насмешку, непосильную ношу — чем больше она лежала так, тем больше ей казалось, что помощи, тепла и доброты не стоит ждать ни от кого.

Всю свою жизнь она была одна. С самого детства, когда родители навещали её лишь за тем, чтобы проверить домашнюю работу — и неизменно оставались недовольны результатом, находя в любом тексте то помарку, то недостаточную чёткость изложения. Она была одна в школе, где никому не нужно было чучело; слишком умная, чтобы общаться с другими, и слишком «не такая», чтобы можно было принять ее за свою. Кесси никогда не были интересны фильмы, которые смотрели другие, музыка, которую они слушали, разговоры ни о чём. Кесси ненавидели все — хотя она никогда не понимала почему. И когда из начальной школы её перевели в монастырскую, не изменилось ничего. Разве что не было больше рядом грубых и беспардонных юнцов, только девочки — ехидные и любящие подшутить.

Кесси вдруг поняла, что она ненавидит мужчин — и ненавидела всегда. Она понимала, почему другие девчонки так вытягиваются по струнке при виде этих красавцев с широкими плечами и ослепительными улыбками. От мужчин исходила непонятная, завораживающая сила, и теперь, во время зова, восхищение этой силой накрывало Кесси как никогда. Но именно за это ощущение она ненавидела сейчас и Юргена, и себя, потому что абсолютно отчётливо вдруг поняла, что эта сила не имеет никакой связи с реальной силой человека. Да, при виде мужчины кровь прилиwała к щекам, и хотелось упрашивать его о милости, но теперь-то Кесси видела, что это только пережиток древних времён, когда мужчины и женщины ещё жили племенами, и избыток тестостерона определял способность воина защищать дом и семью. От этой гормональной зависимости, до сих пор владевшей, казалось, всеми вокруг, и не обошедшей также и её, Кесси становилось тошно.

Она всё пыталась понять, что делать теперь, когда стало очевидно до конца — а это она осознала тоже вдруг с абсолютной ясностью — что с Юргеном у неё не выйдет ничего. Кассандра больше не хотела, чтобы Юрген её любил. Она не хотела от Юргена вообще ничего. Она всё ещё помнила, что обещала родителям заключить этот брак, но и это уже не выглядело таким уж серьёзным аргументом. В конце концов, родителей больше не было, а значит, им было всё равно, ей же предстояло прожить с Юргеном всю оставшуюся жизнь.

На четвёртый день зов умолк. Проснувшись, Кесси привычно уже всхлипнула, но поняла, что слёз больше нет. При мысли о том, что ожидает её ближайшим днём, сердце сжимала пустота. Появилась и ещё одна мысль — за все три дня, что она оставалась у себя, к ней так и не зашёл никто. Ни кухарка, ни садовник, ни кто-нибудь ещё. Всем им было всё равно, куда она пропала, и все они прекрасно справлялись без неё.

Вставать не хотелось, потому что всё, что она делала прошедшие полгода, внезапно потеряло смысл. Кассандра зажмурилась, преодолевая накатившую тоску, постаралась взять себя в руки, а потом опустила ноги на пол и поплелась в ванную.

Горячая вода немного развеяла её грусть. Она впервые задумалась, почему ванная, которая примыкала к её спальне, в два раза меньше ванной Юргена, где она была всего раз.

В старом родительском доме её комнаты были небольшими, и ела она часто в детской в обществе няни, так же и в монастыре никто не баловал воспитанниц обилием пространства, так что, когда

Юрген выделил ей эти два помещения, для Кассандры казалось естественным, что она будет жить именно здесь.

Теперь же она вдруг задала себе вопрос: почему так? Ведь она была последней, совершеннолетней уже владелицей корпорации «Мэйдэн Роуз». Она не занималась её делами, потому что после монастыря Анна настроила её на готовность хранить домашний очаг, но ведь даже с тем руководством, которое осуществляли без неё, «Мэйдэн Роуз» должна была приносить какой-то доход.

Да и не в доходе было дело, если подумать так. Её родители всегда недолюбливали друг друга, но у матери всегда были лучшие одежды, лучшие машины и лучшие комнаты в доме — пожалуй, даже лучшие, чем те, что занимал отец. Так почему же она сама должна жить, как служанка, или, в лучшем случае, как управляющая усадьбой?

Кассандра вдруг обнаружила, что с глаз её спала мутная пелена. Ненависть к себе куда-то делась, а вот злость на Юргена выкристаллизовалась в твёрдый и чистый алмаз. Впрочем, её Кассандра решила оставить на потом — наименее перспективную из посетивших её в то утро идей.

Она выбралась из ванной, взяла было свое платье, которое вдруг показалось ей отвратительной настолько, что она не могла заставить себя его одеть. Кассандра отшвырнула платье прочь и как была, не одеваясь, вышла в комнату. Там она взяла из комода чистую простыню, закуталась в неё на римский манер и, выйдя в коридор, крикнула:

— Демиан! Срочно сюда!

Демианом звали дворецкого, следившего за лакеями и иногда горничными и уютом в основном корпусе. Слух у него был отличный — сказывались годы службы и привычка угождать любым капризам господ.

Дворецкий появился минуты через две, как всегда в чёрном костюме, но, вопреки обыкновению, смотревший с подозрением.

— Что-то случилось, Кассандра?

Прислуга давно уже называла её по имени, но только сейчас это почему-то неприятно проскребло Кассандре по ушам. Впрочем, поправлять пожилого уже дворецкого она не стала и только сказала:

— Найдите мне махровый халат, — подумала и добавила: — Пожалуйста. И приготовьтесь, во второй половине дня я буду переезжать.

— М... Можно спросить, куда?

— Я пока не решила. После завтрака сделаем обход, и я скажу. Да, и вот что, скажи кому-нибудь, чтобы позвонили в «Мэйдэн Роуз» и собрали мне сведения о руководстве. А ещё — подобрали секретаря.

Демиан поднял бровь, но снова вышколенность заставила его промолчать. Он лишь поклонился и произнёс:

— Слушаюсь, леди Кинстон.

Переезд, впрочем, осуществить так и не удалось. Кесси едва успела закончить обход, который совершала в новеньком махровом халате цвета персика — тёплом и уютном, в отличие от всего, что она носила до сих пор — когда пришли первые сводки «с фронтов». Досье, которые принёс ей Демиан, были не похожи ни на что, что уж говорить о секретарше, которая позвонила вечером и больше походила на девушку лёгкого поведения в поисках секса на одну ночь, чем на человека, собиравшегося работать секретарём.

Кесси уклончиво ответила ей, что рассмотрит её вариант, и утром следующего дня поехала в офис сама.

Джорджиниан Толкинс, главный представитель и директор филиала «Мэйдэн Роуз» на Эрдоукаре, оказался немолодым и весьма высокомерным, и смотрел на Кесси с насмешкой, будто на ребёнка, который решил поиграть с отцовским телефоном. Наследница, вернее, уже и владелица компании, вдруг вспомнила ту книжку, где описывали джентльменов, и поставила в уме напротив имени господина Толкинса метку «альфа».

— Леди... м... Кинстон. У нас всё хорошо, — снисходительно сообщил ей директор.

— И это очень хорошо! — подтвердила Кассандра. — Поэтому я хотела бы узнать, насколько у вас всё хорошо.

— М... Вы имеете в виду отчёты, да? Но вы же ничего в них не поймёте.

Кассандра смотрела на Толкинса, и с каждой секундой её всё сильнее накрывала злость. Ей пришлось снова одеть одно из тех бесформенных платьев-балахонов, которые она привыкла носить, потому что доехать до офиса ей хотелось куда больше, чем тратить время на магазины. Она отлично понимала, что вид у неё не тот, который заставляет мужчин замирать, раскрыв рот — но она, чёрт бы их всех побрал, и не для того, чтобы нравиться мужикам, притащилась сюда.

Ей пришлось подтвердить самой себе свое первоначальное мнение о классификации надменного мужчины-альфы, но добавить, что этот альфа пробился из бет. Рядом с ним Кесси чувствовала себя беспомощной, как заяц перед тигром, но от этого злость и отвращение становились только сильнее.

Толкинс её настроя явно не ощущал. Скорее, напротив, он со снисхождением оглядывал невзрачную девушку, что возомнила, будто она может распоряжаться тут — и главное, что сможет это сделать. Сама она была худенькой, сутулилась и выглядела как какая-то замарашка, непонятно с чего вообще решившаяся пересечь порог его кабинета. Говорила Кассандра тоже негромко, так что приходилось вслушиваться в каждое её слово, и тем самым лишь сильнее порождала в Толкинсе желание побыстрее избавиться от неё.

— Господин Толкинс, — произнесла Кассандра, когда терпение её, наконец, стало подходить к концу, а обсуждение так и не сдвинулось с места. — Кто ваш заместитель, мистер Рено?

Толкинс, ещё не чувствуя подвоха, подтвердил. Нажал кнопку вызова и отдал распоряжение секретарю.

Через две минуты в помещении появился голубоглазый молодой человек неожиданно ирландской внешности — щёки его украшали лёгкие тени веснушек, а медные волосы топорщились, выглядывая из-за ушей.

— Господин Рено? — поинтересовалась Кесси, когда он вошёл.

Тот серьёзно кивнул.

— А по имени, простите, кажется, Гратин?

Секретарь снова кивнул.

— Вы меня не представите, господин Толкинс?

Толкинс недовольно причмокнул.

— Господин Рено, это леди Кинстон. Наша юная... владелица.

Кассандра изобразила легкий светский поклон и снова посмотрела на Рено с вежливой полуулыбкой.

— Господин Рено, распорядитесь, пожалуйста, подготовить документы об увольнении господина Толкинса.

Господин Рено перевёл недоумённый взгляд с леди Кинстон на Толкинса и обратно.

— И о своём назначении на его пост. А также предупредите всех — и себя в том числе — что так будет с каждым, кто с первого раза не выполнит мой приказ.

— Я вас понял, — сказал Рено быстро, легко склонил голову в поклоне, бросил на Толкинса ещё один короткий взгляд и пожал плечами, будто извиняясь, а затем вышел за дверь.

— Я работаю здесь двадцать лет... Дев...

— Разговор окончен, — сообщила Кесси всё так же негромко и встала. — Освободите, пожалуйста, кабинет.

Отчёты она получила к вечеру — от того же Рено, и в самом деле не поняла в них ничего. В школе у

них была экономика, и Кесси всегда хорошо удавалось составлять бизнес-планы, но в монастыре никто не считал необходимым обучать девочек математическим наукам, и Кесси порядком подзабыла всё, что учила до этого, не говоря уже о том, чтобы приобрести какие-то новые знания.

Почти целый день она сидела за бумагами, силясь разобраться в потоках цифр и букв, а затем решила признать своё позорное поражение. Позориться, к слову, Кесси не любила и потому, набирая номер Рено, мысленно приготовилась к тому, что придётся уволить и его.

— Господин Рено?

— Да, это я, — рыжая голова тут же показалась на экране.

— Скажите... У вас будет сегодня два-три часа?

Рено покосился куда-то в сторону.

— Если нужно, то полагаю, что да.

— Хорошо. Вы приедете ко мне или я к вам?

Рено закусил губу и снова покосился куда-то вбок.

— Тут пока что не очень рабочая атмосфера, — сообщил он. — Но и компрометировать вас я не хочу. Может быть, встретимся в городской библиотеке? Понимаю, предложение довольно странное, но там довольно тихо и...

— Да! Очень хороший выбор, господин Рено. Я не была там ни разу, но думаю, что найду.

Кесси почему-то вдруг стало неописуемо хорошо. Библиотека была единственным местом, где она чувствовала себя в безопасности, будь то библиотека монастыря или библиотека дома Розенкрейцеров — те, кто мог быть для неё опасен, не заходили туда никогда.

Кесси быстро покидала в сумку бумаги и собиралась было надеть платье, в котором обычно выходила в город, когда обнаружила вдруг, что на спине у неё зияет огромная дыра.

Кесси чуть не расплакалась от этого неожиданного препятствия, которое всплыло, когда всё, казалось бы, было так хорошо, но потом взяла себя в руки, высунулась за дверь и кликнула Демиана.

— Пожалуйста, в доме есть хоть какие-нибудь штаны? — спросила она. — Можно даже ношенные, мне всё равно.

Через десять минут Демиан отыскал джинсы Юргена, купленные лет десять назад, которые тогда ещё оказались ему малы, и просторную футболку, в которой Кассандра походила на бесполого уроженца нищих кварталов.

Кассандра бегло осмотрела то, что получилось, со всех сторон и махнула рукой. Ясно было одно — человеком, как любил выражаться Юрген, ей не выглядеть никогда. Подхватив сумку, она вышла на улицу и принялась ловить такси.

Рено уже сидел за длинным столом, освещённым старинными зелёными лампами, когда она пришла. Он встретил её нечитаемым задумчивым взглядом, оглядел с ног до головы, заставив покраснеть и, наконец, замер, глядя в глаза. Кесси покраснела еще больше.

— Не нашла, что надеть.

Рено усмехнулся.

— Бросьте. Вы шеф. Ваше право хоть в ночнушке прийти. Что вы хотели со мной обсудить?

Всё ещё красная как рак, Кесси опустилась на стул рядом с ним, достав из сумки стопку отчётов.

— Вот! — сказала она. — Не понимаю ничего.

Они встречались в библиотеке в течение двух недель, по вечерам, после шести, и с каждым днём Кесси всё больше понимала, что добрая треть дохода уходила Толкинсу в карман.

— Его давно пора было убрать, — сказал Рено как-то. — Дело даже не в воровстве. Воруют все. Дело в том, что он из старого поколения. Он ставил на ключевые места своих людей, большинство из них оказывалось некомпетентны. А молодые профессионалы засиживались в клерках, пока не уходили к конкурентам, — сказал Рено, когда они уже покидали библиотеку в один из вечеров.

— А вы? — спросила Кесси.

— А что мы? Хотите спросить, не ворую ли я?

— В том числе.

Рено пожал плечами, усмехнулся и остановил взгляд на лице Кесси.

— Я пока не решил.

— Но он повысил вас?

— Да. Я хороший специалист. Но я несколько раз просил его перевести меня в другой филиал, на Эрван, он так и не согласился — ему было удобнее держать меня при себе.

— Почему туда?

Рено пожал плечами и отвернулся.

— Мне всё равно куда. Просто не хотел оставаться тут.

Кесси с интересом разглядывала его. Рено был странным и смотрел он странно, и с каждым днём выглядел всё более уставшим, но всё равно почему-то приходил. Она поразмыслила и, согласно описаниям джентльменов, решила обозначить нового директора эпсилоном.

— Мне бы хотелось, чтобы вы остались при мне, — сказала Кесси после долгой паузы.

— Мне кажется, что я смогла бы вам доверять.

«Эпсилонеры не стремятся к карьере, что, конечно же, странно, но если заметить эпсилон — он окажется очень способным», — мелькнуло у нее в голове, хотя такого она и не читала в той старой книжке.

Рено усмехнулся.

— Как и все...

Они разъехались по домам, и Кесси ещё долго думала о том, что сказал Гратин — она и сама не заметила, с каких пор стала так его называть. Она понимала его, хоть и не знала, что именно тот имеет в виду. Пожалуй, ей тоже всегда можно было доверять — Анна доверила ей сына, а Донна — все свои тайны... Даже Эрика, кажется, ей доверяла. Вот только самой ей это пользы не принесло.

Вечером перед сном Кесси вдруг захотелось позвонить Гратину и сказать что-то хорошее, сгладить тот неудачный разговор. Она решила, что сделает это, когда примет душ, но в ванной вдруг почувствовала себя плохо. Кесси так испугалась, когда у неё закружилась голова, что тут же позвала домашнего врача, жившего при поместье Розенкрейцеров. Круглощёкий доктор поцокал языком и сообщил:

— Милая моя, поздравляю, у вас будет ребёнок.

Кесси показалось, что она падает в омут бесконечной черноты. Ребёнок в настоящее время в её планы не входил никак. Детей она боялась, потому что не знала, что от них ждать. Негнущимися пальцами она набрала на телефоне сообщение: «Юрген. У тебя будет ребенок». И ничуть не удивилась, когда получила ответ.

— Она такая вся стонет, изгибается... А я ей: «Эрика хоть сосёт хорошо!» И кончил. Вот.

— Прости, что? — Эрика оторвала взгляд от журнала. Эту историю она слышала уже в пятый раз за последние две недели, и хотя сам рассказ вызывал в ней стойкое отвращение, ни разу не показала этого, решив, что лучше, если Юрген будет всё это изливать ей, а не кому-то ещё. Но вот последняя фраза прозвучала впервые, и звук собственного имени вырвал её из задумчивости в один миг.

— Я говорю, — Юрген сидел в кресле напротив, широко расставив ноги и потягивая из высокого стакана лёгкий коктейль: — «Эрика хоть сосёт хорошо.» И ведь не соврал, а? Сосёшь ты просто

класс.

Эрика наклонила голову вбок.

— А ты кому-то ещё об этом говорил?

— О том, как я её трахнул-то? Да нет, только тебе. Мы же друзья.

Эрика хмыкнула и снова опустила глаза в журнал.

— А друзья друг другу сосут? — спросила она будто бы невзначай, но сама вдруг увидела, что пальцы её, сжимая журнал, подрагивают.

Юрген посмотрел на неё недоуменно.

— Ну, ты же мне сосёшь.

Эрика хмыкнула. Её всё сильнее накрывала злость.

— Юрген, полижи мне, а?

— Чё?

— Ты слышал, — Эрика отложила в сторону журнал и демонстративно расстегнула пуговицу на джинсах. — Ты же мой лучший друг. Кто, если не ты?

— Эрика, не смейся! Это же противно, да и нафига оно тебе? Если так припёрло, давай лучше трахну тебя, это я всегда за.

Эрика смотрела на него, с удивлением ощущая, как рвётся что-то внутри — больно и приятно в то же время, будто сдираешь с болячки бинт.

— А как я стону под тобой, ты рассказывал кому-нибудь?

Юрген продолжал удивлённо смотреть на неё.

— Не, ну просто любопытно, Юрген, а?

— Да что ты пристала, не помню я!

Эрика улыбнулась, слегка наклонила голову и замерла, со странным интересом рассматривая его. Слов почему-то не было, что случилось с ней нечасто.

Она так и не успела придумать ответ, когда в кармане у Юргена пикинул телефон. Тот достал мобильный. Нахмурился на секунду:

— Пишет Кинстон.

Потом открыл сообщение и, расхохотавшись, подскочил с места.

— Эрика, я буду отцом!

Эрика свела брови к переносице. Известие не нравилось ей совсем, и тем более не нравился тон, которым Юрген его произнёс. Впрочем, в следующую секунду Юрген развеял все её подозрения. Он подскочил к Эрике, вытряхнул её из кресла и, обхватив с двух сторон, закружил в воздухе.

— Эрика, ты что, не понимаешь? Я буду отцом!

— Да нет, кажется, дошло, — пробормотала Эрика, силясь вырваться из его рук.

— Не поняла ты нифига! С этого момента я не должен родителям ничего! Они хотели ребенка — они его получили! Сегодня же куплю ей билет, и пусть валит ко всем чертям!

Юрген наконец опустил Эрику на пол, и теперь та оторопело смотрела на него.

— Ты поэтому так ждал, когда она захочет?

— Ну конечно, а чего же ещё я мог ждать? — Юрген тем временем уже отвернулся и принялся строчить ответ.

Эрика подумала, что должна бы ощутить облегчение, но облегчения почему-то не было совсем. Да и осадок от прошлого разговора ещё не прошёл.

— Отправлю её куда-нибудь подальше, да и дело с концом. Пусть рожает где-нибудь там, — Юрген махнул рукой на окно.

Эрика отступила на шаг назад на случай, если любовнику снова захочется её схватить, и произнесла, с трудом сдерживая злость:

— А если бы забеременела я?

— Что? — Юрген бросил на неё короткий взгляд и снова уставился в телефон.

— Я спросила: если бы залетела я? Меня бы ты тоже отправил далеко?

— Эрика, не мели чепухи, — Юрген поморщился. — Ты не залетишь никогда. Что на тебя сегодня нашло? Вот смотри: «Поздравляю, драгоценная супруга. Сегодня же вас отвезут в космопорт, вы отправитесь на Тариос, чтобы выносить ребёнка на свежем воздухе и в глу...» — чёрт, опечтался. Короче там дальше будет «тиши». Как тебе? Эрика?

Юрген поднял взгляд от телефона и тут только обнаружил, что остался в комнате один.

Кассандра, получив сообщение, не удивилась ни капли. Только болезненно кольнуло в груди, но она решила не обращать на это внимания — подобные физиологические реакции нет-нет да и проскакивали в ней, когда дело касалось мужчин.

Она нажала сброс, открыла записную книжку и набрал номер Рено.

— Да? — на экране показалось заспанное лицо в обрамлении копны рыжих волос.

— Гратин... господин Рено, помните, вы говорили, что хотели бы отсюда улететь?

— М... Это было довольно давно.

— Всего два часа назад, — Кесси не сдержала усмешки. — Вы бы согласились отправиться со мной на Тариос? Я собираюсь перенести центральный офис туда.

— На Та... — на секунду на лице собеседника отразилось недоумение. — А впрочем, чёрт с ним, можно и туда.

Принимая решения, Эрика никогда не думала о них дважды, но расставание с Юргеном далось ей неожиданно тяжело.

Каждая минута, проведённая с «другом», который всегда был вроде бы и не совсем «друг», теперь пробуждала ворох воспоминаний и противоречивых мыслей. Эрика обнаружила, что стала много курить, но поделаться с этим ничего не могла — сигареты хотя бы немного отвлекали её от бесполезных и тягостных мыслей.

В довершение всего, через две недели после того, как она покинула дом Розенкрейцеров в последний раз, зов зазвучал у неё самой. Сама Эрика никогда не следила за датами своего цикла, потому что, как верно сказал Юрген, была полностью уверена, что таблетки и презервативы не позволят ей залететь. Зато, как оказалось, эти даты отлично знал Юрген. Только этим и ничем ещё Эрика могла объяснить, что Юрген заявился к ней на второй день, когда Эрика уже на стенку лезла и беспрестанно курила, силясь заглушить обострившуюся тоску по бывшему любовнику и несвойственное обычно желание смотреть мелодрамы одну за другой.

Эрика открыла дверь, ещё не зная, кто стоит на пороге, и замерла, разглядывая Юргена — такого красивого, такого сильного, такого... мачо.

— Ничего не хочешь мне сказать? — Юрген сексуально изогнулся и прислонился к косяку плечом.

Эрика разглядывала его ещё с полминуты, впитывая это ощущение власти каждой клеточкой тела, так жаждущего прогнуться под сильной рукой.

— Да. Секунду подожди, — сказала она. Нырнула в квартиру, взяла из шкафа ключи от яхты и, вернувшись к двери, швырнула Юргену, так что тот едва успел их поймать. — Нафиг пошёл.

Эрика захлопнула дверь и, подавив рвущийся наружу вой, поплелась на кухню искать пачку сигарет.

ГЛАВА 11

Кесси вышла из аэроэкспресса и не глядя протянула руку назад, собираясь подцепить чемодан. Вещей у неё было немного, но сумка всё равно получилась довольно тяжёлой — возможно, потому, что она доверху набила её книгами.

Пальцы Кесси скользнули по воздуху, а когда нащупать ручку так и не удалось, она всё-таки обернулась и увидела, что Гратин уже держит чемодан.

— Давай помогу, — сказал он, поймав взгляд спутницы, — тебе нельзя сейчас тяжести носить.

Кесси непонимающе моргнула. Она об этом задуматься не успела, да и предложений таких никогда не получала.

— Да я сама... — произнесла она смущённо.

— Нет-нет! Тебе, может, и всё равно, а ребёнку — нет.

Кесси покраснела.

— С чего ты взял... — пробормотала она и, заметив, что рукой бережно придерживает живот, торопливо спрятала её за спину.

Гратин только усмехнулся.

— Видел уже, — ответил он коротко и, не давая больше возможности спорить, понёс чемодан к стоянке аэрокаров. — Тебя встречают или ловить такси? — бросил он через плечо.

Кесси сама не заметила, когда они успели перейти на «ты». Билет на экспресс Юрген прислал, конечно же, только один. Благо, догадался выкупить всё купе, потому что других Гратин в продаже уже не нашёл. Все двадцать часов перелёта они в итоге провели в одном помещении, и пиетет заместителя к шефу дал заметную трещину. Впрочем, Гратин по-прежнему оставался вежлив — куда вежливее, чем прислуга в доме Юргена. И вёл себя с Кесси как-то... Как... с леди?

С Кесси никогда не вели себя как с леди. Пара поползновений Юргена с целью затащить её в постель была, разумеется, не в счёт. А других мужчин она видела не так уж и много — разве что тех, кто издевался над ней в школе. От них Кесси старалась спрятаться как можно скорей — или пересест за дальнюю парту, или уткнуться носом в книгу. С Гратином ей было спокойно и легко. Она сама не заметила, как расправила ссутуленные обычно плечи и стала улыбаться. Улыбалась она почти всю дорогу, что бы Гратин ни говорил, а когда тот спросил, в чём дело, ответила:

— Просто рада, что уезжаю из этой тюрьмы.

Отчасти это было правдой. У Кесси с плеч будто бы свалилась гранитная глыба. О Юргене думать не хотелось, любое воспоминание о нём вызывало приступ обиды, обильно приправленной злостью.

— Я тоже, — Гратин улыбнулся в ответ и сжал её руку тогда. А теперь Рено шёл вперёди, без видимых усилий неся чемодан самой Кесси, на спине его — не такой, конечно, широкой, как у Юргена, но всё же довольно спортивной — болталась его собственная сумка, и Кесси почему-то была уверена, что на новом месте всё у неё будет хорошо.

— Я не знаю, — сказала она, нагоняя Гратина, — надо позвонить. Анна ведь, наверное, должна знать обо мне, да?

— Анна — это?.. — произнёс Гратин, покосившись на неё.

— Это моя свекровь. Мать Юргена.

— Юрген... да, — Кесси почему-то показалось, что упоминание имени мужа Гратина не обрадовало, но больше он ничего не сказал и, вернувшись к старой теме, продолжил: — Что ж, звони.

Кесси достала телефон, торопливо набрала номер, который оставляла ей Анна, и с первых же слов разговора поняла, что та весьма удивлена.

— Как понять — отправил тебя ко мне? — спросила Анна. Говорили они по видеосвязи, так что Гратин мог не только слышать обеих, но даже немножко видеть недоумённое лицо леди Розенклејцер.

— Ну... Он должен был сказать, разве нет? — Кесси начинала чувствовать себя довольно глупо.

— Если я спрашиваю, видимо, нет. Значит так. Я ему тотчас же позвоню. Бери пока что обратный

билет.

— Что?.. — Кесси с надеждой посмотрела на Гратина, но потом разозлилась на себя и снова уставилась на экран. — Анна, в столицу билетов нет! Кроме того я не выдержу обратный перелёт. Может, мы приедем к вам хотя бы на пару дней? Если за это время ты с Юргеном что-то решишь, то я уеду назад. К тому же мне надо будет кое-что тебе сказать.

— Ну хорошо, — Анна явно осталась не слишком довольна. — Я скину тебе адрес.

— А встретить нас не сможет никто?

— Мне до вас лететь три часа. Не думаю, что ты захочешь ждать.

— Поняла, — Кесси решила не спорить. Попрощалась и стала ждать.

— Пошли, — предложил Гратин тем временем. — Поймаем такси.

Вопрос с машиной удалось решить довольно легко, и всё же прощальная выходка Юргена, забывшего позвонить матери, порядком подпортила Кесси настроение. Гратин тоже стал молчалив — смотрел в окно и думал о чём-то своём. А когда машина уже остановилась у дома Розенкрейцеров, и Кесси собрался было выходить, спросил:

— Как ты думаешь, мне нужно идти с тобой?

Кесси с удивлением посмотрела на него.

— У тебя, как бы это сказать, есть муж. И ты прилетела к его семье.

— Ну, тебе же надо будет где-то жить.

— Я могу устроиться в отеле.

— Гратин, нет! — Кесси закусил губу.

Гратин внимательно взгляделся в её глаза и кивнул.

— Хорошо.

Он тоже выбрался из машины и принялся доставать из багажника чемодан.

Анна всё ещё была не слишком-то рада. Она выделила приехавшим пару комнат для гостей в разных концах дома, а как только Кесси удалось остаться с ней наедине, не давая той рассказать главного, спросила:

— Кто это «мы»?

— Мы? — переспросила Кесси недоумённо.

— Да, «мы». Я звонила Юргену. Ты должна была прилететь одна.

— Гратин — мой помощник... — произнесла Кесси растерянно.

— Только помощник? И всё?

— Госпожа Анна, он же мой подчиненный! А у меня есть муж! Не пойму, о чём мы говорим?

Анна свела брови к переносице.

— И давно он помогает тебе?

— Ну... пару недель...

— А сколько уже считается... Что у Юргена будет ребенок?

Кесси только открыла рот и замерла, не зная, что на это сказать.

Обида душила так, что к горлу подступил ком. Она бы не выдержала, наверное, пристального взгляда Анны, если бы в комнату не постучали, и дворецкий не объявил:

— Ужин готов!

Ужинали в тишине, втроем. Кесси обратила внимание, что за столом стоит ещё один прибор, но стул рядом с ним пустовал. Спрашивать, для кого он приготовлен, Кассандра не решилась — атмосфера и без того была тяжёлой, словно перед грозой.

Уже ближе к десерту Анна в первый раз заговорила. Она подняла глаза на Гратина и произнесла:

— Как вам наш дом?

— Спасибо, хорошо, — Гратин отложил прибор и спокойно посмотрел на неё.

— Надо думать, наши женщины вам нравятся особенно?

Кесси поняла, что её с головой накрывает злость. Это «наши женщины» резануло по нервам даже больше, чем сам факт попытки предъявить какие-то претензии Гратину, который вообще был здесь не при чём.

Она собиралась уже вскочить из-за стола, когда рука Гратина накрыла её запястье, и тот спокойно произнёс:

— Я, видимо, не очень нравлюсь вам, госпожа Розенкрейцер, и в этом всё дело. Возможно, мне будет лучше уйти?

— Может быть, — Анна тоже опустила вилку на стол.

Гратин встал.

— Тогда простите, что помешал, — произнёс он. Повернулся к Кесси и уже мягче добавил: — Позвоните мне, когда у вас будет готов план работ.

Он направился к выходу, а Кесси какое-то время смотрела ему вслед, прежде чем голос Анны вырвал её из размышлений:

— Почему ты не пришла к Юргену в первый день зова?

— Что? — Кассандра с непониманием повернулась к ней.

— Ты слышала вопрос. Пусть он выгнал тебя в первую ночь, но во время зова он тебе отказать бы не посмел. Так почему ты не пришла?

Кесси сжала пальцы в кулак.

— Он не выгонял меня, — тихо произнесла она.

— Перестань, — Анна провела в воздухе рукой. — Всё же налицо. Мой сын любит красивых женщин. Он дурак, леди должна любить мужа и уметь обеспечить ему комфорт, а не вилать задницей в дешевых клубах. Но это не меняет того, что...

— Я вам уже сказала, — перебила её Кесси и стиснула зубы. — Я вообще не понимаю, почему должна с вами это обсуждать.

— Мой сын, может, и дурак, но я нет. Если во время зова ты была не с ним, значит, была с кем-то ещё. Может...с этим?

Кесси подавила желание вскочить из-за стола и ринуться вслед за Гратином.

— Простите, у меня пропал аппетит, — произнесла она спокойно. — Вы что-то ещё хотите мне сказать, или я могу идти?

— Кесси, перестань! — Анна поймала её руку и накрыла своей. — Я на твоей стороне. Если ты вернёшься к Юргену и попросишь прощения, уверена, он позволит тебе вернуться в дом. По крайней мере, если и я с ним поговорю.

Кесси зачарованно смотрела на неё несколько секунд. Потом, не проронив ни слова, встала и вышла в коридор.

Комнаты свои она отыскала легко. Как и её апартаменты в доме Юргена, они состояли из спальни, где стояли кровать, комод и туалетный столик, и небольшой ванной.

Кесси окинула свои владения взглядом и села на кровать.

Времени было немногим больше шести. В старом доме как раз приближалось время вечерних дел — нужно было совершить обход, проследить, занята ли прислуга уборкой, посмотреть доставленные днём продукты.

Здесь не нужно было делать ничего, и впервые за всё время семейной жизни Кассандра обнаружила, что делать ей абсолютно нечего. Были, конечно, книги в чемодане, который она так и не распаковала, но читать ей не хотелось совсем.

Кесси несколько раз прошлась по комнате туда-сюда. Потом взяла телефон и набрала номер Гратина. Тот ответил сразу же:

— Да.

Кесси закусила губу, не зная, что сказать.

— Я не обиделся, если вдруг ты хотела об этом спросить, — произнёс Рено.

Кесси невольно улыбнулась.

— Да. Именно это я и хотела спросить. Анна... Обычно она не такая.

Гратин пожал плечами.

— Мне следовало предвидеть, что это не слишком хорошая идея — заявиться в твой дом. Я уже снял квартиру, так что не волнуйся, у меня всё хорошо.

— В мой дом... — произнесла Кесси и окинула задумчивым взглядом свои пятнадцатиметровые владения. — Да.

Она вздохнула и снова посмотрела на экран.

— Гратин, а что ты обычно делаешь по вечерам?

— Я? — Гратин поднял бровь и чуть заметно улыбнулся. — Только не говори, что хочешь куда-то меня пригласить.

Кесси сама не заметила, как произнесла:

— А, может быть, да?

Ей тут же стало стыдно, щёки залило румянцем, и она хотела было сказать что-то, чтобы сгладить эффект, но не успела, потому что Гратин ответил:

— Тогда я сказал бы «да».

— Не думаю, что мы так быстро найдём тут библиотеку... — произнесла Кесси, всё так же краснея. Она так давно не ходила никуда, что успела уже забыть, куда можно пойти, а когда попыталась сообразить, вспомнила только, как родители водили её на каток.

— Пошли в кино, — предложил Гратин за неё. — Я буду ждать тебя у кинотеатра через полчаса.

Гратин нажал отбой, а Кесси распрямилась и вдруг обнаружила, что давно уже сидит перед туалетным столиком. Из зеркала на неё смотрело помятое исхудавшее лицо с огромными черными глазами в обрамлении густых ресниц. Щёки всё ещё заливал румянец, а в миг, когда Кесси обнаружила своё отражение, он стал только сильнее.

«Идиотка, — подумала она про себя. — Куда ты в таком виде пойдёшь?»

Додумать Кесси не успела, потому что раздался стук в дверь, и раньше, чем она ответила: «Войдите», на пороге показалась юная леди с черными как смоль волосами до плеч. Она была уже в плечах и тоньше в кости, чем Юрген, и всё же сходство было налицо.

— Привет. Я на ужин опоздала, — сообщила она и почесала нос.

— Привет, — машинально ответила Кесси, — а ты кто?

Она тут же спрятала лицо в ладонях, поняв, что только что сказала.

— Я Августа, — протянула гостя обиженно, заложив руки за спину. Потом пинком захлопнула за собой дверь и подошла к Кесси поближе:

— Почему я знаю, как тебя звать, а ты меня не узнаёшь?

Кесси не ответила ничего. Просто не нашла, что сказать.

Августа тем временем оказалась совсем близко.

— Собралась куда-нибудь?

— Что?..

— У тебя такое лицо, как будто ты собралась куда-то бежать.

Кесси молчала. После приёма, оказанного Анной, она уже не хотела никому здесь доверять.

— К тому парню? — протянула тем временем Августа, укладываясь на кровать.

— Да. Нет. С чего ты взяла?! Он просто друг!

— Никто не принимает «просто друзей» в расчет, — Августа хихикнула и, повернувшись на бок, подложила локоть под висок. — Не смотри на меня так. Я не собираюсь мешать.

Августа замолкла, и лицо её вдруг стало грустным.

— Знаешь, Кесси, я бы хотела, чтобы мы смогли друг друга понять.

— Понять? — Кесси встала и пересела на кровать поближе к ней, чтобы лучше видеть лицо.

— Ну да, — Августа пожала плечами, на губах её промелькнула улыбка, но глаза оставались такими же грустными. — Жаль, что ты собралась уходить. Я думала пригласить тебя куда-нибудь. Может, в кино...

Кассандра закусила губу. Покосилась на дверь.

— Я как раз туда иду, — призналась она.

— С этим твоим приятелем? — Августа подняла бровь.

— Да. Нет. Стоп! У меня есть муж. Мы с Гратином просто друзья. И поэтому мы могли бы пойти втроём.

Августа наградила её взглядом, в котором мешались насмешка и печаль.

— Ты правда такая наивная или просто хочешь меня обмануть?

Кесси продолжала смотреть на невестку с недоумением, так что Августа закатила глаза.

Кесси покосилась на часы и вскочила.

— Чёрт! Надо идти.

— Куда? Так?! — Августа надломила бровь и обвела фигуру Кесси рукой. Кесси, которой порядком уже стал надоедать этот жест, стиснула кулаки.

— Других вещей я с собой не привезла! — процедила она.

— А ну-ка пошли... — Августа попыталась схватить её за руку и потащить к двери, но Кесси необыкновенно живо вспомнила, чем закончились эксперименты Донны и твёрдо отрезала:

— Нет! Как есть, так и пойду!

Она вышла, решив, что с её комнатой Августа не сделает ничего — вещи всё равно остались не распакованными. И только услышала, как вслед ей донеслось:

— Хоть волосы распусти!

Кесси уже стояла на улице и пыталась поймать такси, когда прокрученная в голове тридцать раз фраза дала эффект. Сядя в машину, она дёрнула резинку, заставляя чёрные густые пряди рассыпаться по плечам, но удовлетворения от этого всё равно не получила.

Гратин уже ждал её у входа в кинотеатр. Завидев издали Кесси всё в той же бесцветном платье, но с распущенными волосами, он почему-то улыбнулся, обвёл фигуру Кассандры задумчивым взглядом и произнёс:

— Тебе идёт.

— Что? — Кесси почувствовала, что краснеет.

— Всё. Пока что всё, что я видел, тебе идёт.

— Не смешно, — буркнула Кесси, но в то же время ощутила, как по сердцу разливается приятное тепло.

Фильм оказался довольно скучным, зато потом они пошли гулять по городу, новому для обоих. В темноте не разглядели ничего, но договорились, что утром экскурсию повторяют. А потом разговор зашёл об офисе. О том, что нужно искать помещение в аренду и составить список сотрудников, которых Кесси хочет перебросить сюда. Гратин взялся решить первый вопрос, а вторым должна была заняться Кассандра.

— Только свёкрови своей не говори, — произнёс Гратин, когда они уже заканчивали разговор.

— Почему? — спросила было Кесси, но осеклась, вспомнив, как днём Гратин заранее угадал реакцию Анны на него самого.

— Ну... Просто так.

Кесси серьёзно кивнула.

— Поняла, — сказала она.

Какое-то время они шли вперёд, а потом Гратин добавил:

— И вообще, не надо бы тебе жить у неё.

Кесси поджала губы.

— Если я перееду в город, подозрений будет ещё больше. Да и не могу же я жить у тебя.

— Подозрений больше быть уже не может, — отрезал Гратин, останавливаясь сам и останавливая Кесси. — И дело не во мне. Она замучает тебя, вот и всё. А со мной тебе жить абсолютно не за чем — мы в командировке, и тебе полагается компенсация расходов на жильё. Разве нет? Это же твоя компания, ты же должна это знать.

Кесси отвернулась, глядя в темноту.

— Я подумаю, — сказала она наконец. Мысль о том, чтобы жить в чужом городе одной казалась ей дикой и попросту пугала. С другой стороны, она не хотела оказаться в новой тюрьме. — Ладно. Мне нужно идти.

— Я могу проводить.

— Не стоит, — отказалась Кесси. — Не будем её злить.

ГЛАВА 12

Кесси продержалась в доме Розенкрейцеров почти неделю.

К скупым удобствам маленькой гостевой спальни она довольно легко привыкла, потому что ничего лучше не видела никогда.

Тяжелее приходилось в общении с Анной, которая поддерживала в доме довольно жёсткий режим: завтрак был в восемь тридцать, обед — в двенадцать, ужин — в семь. Всё это можно было бы пережить, если бы Кесси не приходилось каждый день отлучаться по делам фирмы и, находясь дома, целыми днями просматривать досье сотрудников, отбирая тех, кого следовало перевести.

Анне она о делах фирмы обмолвилась лишь полусловом, сказав, что обнаружила коррупцию, невыгодную обеим семьям, и должна разобраться, немного изменив кадровый состав руководства.

Поняла ли Анна сказанное, так и осталось загадкой, потому что проблему воровства она никак не оценила и только отметила:

— Это не значит, что ты можешь быть освобождена от обычных домашних дел. Раз уж Юрген хочет, чтобы ты здесь жила, пока не родишь, тебе придётся вести хозяйство так же, как ты вела его на Эрдоукаре.

Кесси опешила.

— Я бы с удовольствием, — сказала она осторожно. — Но в данный момент уже не могу бросить все дела. Мне нужно найти на должность директора центрального филиала нового человека и решить ещё некоторые проблемы.

— Развлекаться будешь потом. Пошли, я кое-что тебе покажу, — и Анна повела её по бесконечным коридорам знакомиться с прислужгой. — Женщина никогда не должна сидеть без дела, она все время должна быть занята. Даже если вокруг тебя куча слуг, тебе надо помнить, что первая забота жены — обеспечить комфорт мужу. Так устроен мир, и не тебе его менять. Юргена здесь нет, но ты не должна забывать свое место.

Кесси честно выслушала всё сказанное и наутро даже попробовала взять на себя привычные дела. Закончила с обходом она к двенадцати, ровно к обеду, а после обеда Анна попросила её съездить за продуктами — что, в общем-то, тоже входило в её обязанности в столице, с той разницей, что там им продукты привозили прямо домой.

Кесси промоталась по городу в поисках нужных товаров несколько часов и уже около пяти наткнулась на Гратина, покупавшего в супермаркете готовые отбивные.

— Город не такой уж большой, да? — улыбнулся тот.

— Это тебе кажется. Я объехала его от края до края, так что было бы странно, если бы мы не пересеклись, — ответила Кесси мрачно.

— Искала место под офис? Я же сказал, что сам этим займусь. Если хочешь принять участие, покажу тебе несколько лучших вариантов.

— Искала Анне картошку на обед.

Гратин поднял бровь, но ничего не сказал. А Кесси тут же вспомнила, что обещала к вечеру прислать Гратину базовый список кандидатов в высший руководящий состав и, не дожидаясь вопроса, сказала:

— Я не сделала по работе ничего. Надеюсь, ничего не случится, если мы задержимся на один день.

— Тебе видней, — Гратин пожал плечами, но от его взгляда Кесси стало стыдно. — Если уж сегодня работать не получится всё равно, может, зайдёшь ко мне, накормлю тебя ужином?

— Не могу, — Кесси помрачнела ещё сильнее. — У нас опаздывать нельзя.

Попрощавшись, она отправилась домой, но всё равно опоздала. Когда Кесси переоделась и стала спускаться в столовую, из-за угла расслышала два голоса — Анны и Августа. Первая говорила резко, каждое слово её звучало как пощёчина:

— Ты шлюха, Августа. Мне стыдно иметь такую дочь, как ты.

Кесси застыла, вцепившись в перила. Августа произвела на неё противоречивое впечатление, но подобного отношения к собственной дочери она не понимала.

— Я такая, как мой отец, — отрезала Августа.

Потом послышался грохот и звук настоящей пощёчины, и хлопнула дверь.

Августа замерла на пороге, глядя в лицо Кесси испуганными, широко открытыми глазами. Сейчас она мало походила на то самоуверенное существо, которое заявилось в спальню к Кесси несколько дней назад.

Кесси же поняла, что что-то лопнуло у неё внутри. Анна ей надоела. Это было странно и непонятно, и на заднем фоне ещё мелькала мысль, что леди Розенкрейцер старше и её нужно слушаться, что та лучше знает, как жить, но в то же время Кесси твёрдо знала, что бить свою дочь — да и вообще близкого — нехорошо. Что тот, кто ведёт себя подобным образом, не заслужил называться матерью.

— Пошли, — Кесси поймала Августу за руку и, пока Анна не надумала выйти к ним, торопливо потащила её наверх.

Августа не сопротивлялась. По лицу её было видно, что она немного не в себе. А Кесси затолкала её в свою спальню и заперла дверь. Пока она делала это, Августа села на кровать и закрыла руками лицо.

— Ты что? — спросила Кесси, подходя к ней и опускаясь на корточки рядом.

— Ты слышала, да? Я бы лучше сама тебе сказала...

— Не слышала я ничего, — Кесси оторвала ладони Августы от лица и увидела, что глаза девушки покраснели. Она не знала толком, что сказать, и потому просто поддалась инстинкту — обняла Августу, прижала лбом к плечу и мягко погладила по спине. — Я тоже заметила, что у тебя довольно сложная мать, — сказала она.

Августа нервно усмехнулась. На секунду тоже обняла её, а потом отодвинулась.

— Спасибо, сестричка.

Кесси обмерла. По спине пробежали мурашки от этих слов, но она тут же заставила себя сосредоточиться:

— Что она хотела?

Августа вздохнула и посмотрела поверх её плеча.

— Да ничего особенного... Просто чтобы я была примерной дочерью. Чтобы вышла замуж и продолжила род.

— Это так плохо? — неуверенно спросила Кесси. Честно говоря, она сама уже заметила, что договорные браки — это не очень хорошо. И хуже тут даже не то, что не любишь ты — всегда ведь можно справиться с собой — хуже то, что не будут любить тебя.

Августа поджала губы.

— Понимаешь... — сказала она после паузы. — Я всегда понимала, что мне придётся вступить в брак с тем, кого выберут родители. Я не собиралась идти поперёк их воли. Но потом... — она облизнула губы. — Я встретила Хайнриха, — Августа опять вздохнула. — Я понимаю, что я должна делать так, как хочет мать. Но ведь это сделает несчастной не только меня, понимаешь ты? Хайнрих, он... Он очень одинок. Ему уже причиняли боль. И я не могу предать его, даже если так хочет мать.

Кесси отвернулась. Перед глазами почему-то всплыло лицо Гратина, и словно послышались его слова: «Так считают все». И грустная улыбка на тонких губах.

— Так может... Ну... Я понимаю, что мы должны слушать Анну, но, может... Хотя бы попросить её, чтобы она отпустила тебя? Дала возможность подумать? Дала Хайнриху шанс её переубедить?

— Кесси, — Августа рассмеялась. — Я просила. Моя мать только оскорбляет его. И Хайнрих больше не придёт к ней. Поэтому... мы и поругались теперь.

Августа поджала губы и на какое-то время замолкла.

— Я хотела бы уйти отсюда, — сказала она наконец. — Мне осточертел этот дом.

Кассандра отвела глаза.

— Я тоже, — призналась она. Обе некоторое время обдумывали сказанное. Августу уйти не могла.

Кесси могла, нужно было только решиться, и в эту секунду она поняла, что другого выхода нет. — Пошли со мной?

— Куда? — Августа в недоумении посмотрела на неё.

— Снимем квартиру в городе. Она ничего не сделает нам.

Августа закусил губу, а потом улыбнулась.

— Когда?

— Незамедлительно. Я позвоню, попрошу, чтобы нам помогли. А ты пока вещи собери.

Августа встала и бросилась к выходу. Когда дверь за ней захлопнулась, Кесси в последний раз огляделась кругом — ни этот дом, ни первая резиденция Розенкрейцеров так и не успели стать ей родными, но расставаться с миром, к которому она привыкла, всё равно было тяжело.

Кесси набрала номер Гратина и коротко описала ситуацию.

— Сегодня квартиру не найду, — предупредил тот, — придётся остановиться у меня.

Кесси только кивнула. Подхватила чемоданы и двинулась к выходу.

Готовил Гратин плохо — это Кесси поняла сразу же. Даже готовые бифштексы он умудрился слегка подуглить, при этом не прожарив внутри.

Августа, впрочем, уплетала полуфабрикаты за обе щеки, а когда Гратин спросил, напрашиваясь на комплимент:

— Вкусно?

Сказала только:

— Офигеть. Не то что горох.

Анна действительно любила горошек. Она добавляла его всюду — в суп, в ризотто и даже в блины.

На ночь её устроили в гостиной, а Кесси с Гратином долго сидели на балконе, обсуждая планы на будущее, пока Кесси не задремала. Тогда Гратин осторожно поднял её и уложил в кровать, а сам устроился в кабинете, но спать так и не стал — искал площади для квартиры и офиса до самого рассвета.

К шести утра он улыбнулся и выключил компьютер — просмотр квартиры был назначен на восемь, и находилась она в том же доме, где жил и он сам.

Квартира привела Кесси в лёгкий шок. Здесь не было разве что бассейна — хотя большая круглая ванна, вделанная в пол, подозрительно походила на него.

— А это не рухнет? — опасливо поинтересовалась она. Риэлтор спрятал усмешку в рукаве, но, обменявшись взглядом с Гратином и получив от него подтверждающий кивок, вежливо объяснил, как устроены перекрытия.

Кесси не слушала. Она уже осматривала спальню — просторную, какая была у её собственной матери, но куда более светлую. Мебели тут было немного, но так ей нравилось даже больше.

— Нам нужно две спальни, — задумчиво произнесла она и вопросительно посмотрела на Гратина.

— Можете переделать кабинет, — произнёс риэлтор, — женщинам он вряд ли приго...

Риэлтор замолк, поймав испепеляющий взгляд Гратина.

— Тут есть гардеробная, — сказал тот вместо агента. — Там можно поставить кровать.

— Где? — вклинилась тут же Августа и, оказавшись в нужной комнате, с упоением принялась разглядывать устройство шкафов. Она успела собрать с собой всего два чемодана, но явно собиралась со временем пополнить запас.

В девять часов пять минут Кесси протянула риэлтору руку для рукопожатия. Тот сделал вид, что не заметил жеста, смотрел он только на Гратина.

— Мы согласны, — сказал тот, — если можно переехать сегодня. И подготовьте все документы.

Риэлтор ушел, а Кесси, с возмущением глядя на закрывшуюся дверь, осталась стоять и смотреть ему вслед.

— Кесси? — окликнул её Гратин.

— Так будет всегда?

— Что?

— На меня будут смотреть, как на придаток, да? Даже если плачу я?

Гратин поймал её за локоть и развернул лицом к себе.

— Я не смотрел на тебя, как на придаток, никогда. Это раз.

— А два?

— А два — привыкай. Просто... Ты сама смотришь на них так, будто ждёшь разрешения. А должна так, будто они прислуживают тебе.

— Но как?! Если они ни во что не ставят меня.

— Подумай, — Гратин улыбнулся и осторожно поцеловал её в лоб. — У тебя всё впереди.

За три дня Кесси доделала всё то, что не успела за неделю. Списки были готовы, и Гратин начал оформление документов.

Внезапно Кесси обнаружила, что ей снова нечего делать — разве что во вторник они с Гратином выбрались посмотреть помещения под офис.

Кесси выбрала два этажа в многоофисном здании вблизи реки, с большими зеркальными окнами, и Гратин взялся оформить аренду в ближайшие дни.

Со среды Кесси была предоставлена сама себе. Августа начала пропадать вечерами, и пару раз Кесси видела стройного молодого человека, заезжавшего за ней на синем аэрокаре. Кесси догадывалась, что это и есть Хайнрих.

Гратин тоже был занят. Кесси просидела пару вечеров у него в гостиной, но быстро поняла, что только отвлекает того от работы, нужной им обоим, и больше решила не приходить.

В воскресенье Гратин позвонил и спросил:

— Куда ты пропала?

Кесси смутилась.

— Я думала, я не даю тебе работать. Разве нет?

— Ну... — Гратин прокашлялся. — Как тебе сказать... в общем, да, но мне всё равно было бы приятно, если бы ты звонила.

— Хорошо, — Кесси невольно улыбнулась, а потом не выдержала и пожаловалась: — Нечего делать совсем. Я так не привыкла. В школе весь день был расписан по часам. И с... ну, в общем, после школы тоже свободного времени было немного.

— Ты же в новом городе, — мягко намекнул Гратин. — Неужели не найдёшь, куда пойти? Театры, выставки, рестораны...

— Да мне как-то... Даже нечего надеть.

Гратин усмехнулся.

— Ну, вот этим и займись. Твой образ древней пророчицы в чёрном хитоне, конечно, очень романтичен, но для деловых встреч тебе пригодится пара костюмов.

Кесси покраснела. Гратин наконец произнёс вслух то, чего Кесси всё время ждала и боялась услышать.

— Я похожа на чучело, да? — спросила он. — Наверное, тебе стыдно было со мной в кино?

— М... Кесси? — в голосе Гратина недоумение мешалось с каким-то затаённым страхом.

— Что? Я не обижусь, прямо скажи.

Слышалось только дыхание Гратина.

— Это не телефонный разговор.

— А мне было бы трудно услышать это, глядя тебе в глаза.

Гратин явно сдался.

— Хорошо. Ты... Ты у меня вызываешь странное чувство, Кесси.

Кесси с некоторым удивлением глянула на него.

— Ты не такая, как все. У меня от этого сердце замирает. И ты не пытаешься им подражать. Остальные девушки, которых я знал... Для них главное — оболочка. И себя они украшают снаружи, скрывая то, что у них в голове. А ты... Будто светишься изнутри.

Кесси не смогла найти слов. Щёки её стремительно заливались румянцем.

— Скажи что-нибудь, — наконец не выдержал Гратин, которому и самому уже становилось неловко.

— Я боюсь, — выдавила Кесси, покраснела ещё сильнее и тут же добавила: — Я не это имела в виду, когда задавала вопрос.

— Да? Извини.

Оба замолкли, чувствуя обоюдную неловкость.

— Я, наверное, пойду работать, да?

Кесси закусила губу. На глаза наворачивались слезы, и она не сразу поняла почему: она мечтала услышать именно эти слова, мечтала всю жизнь, разглядывая глянцевые журналы с фотографиями Юргена и статьями о нём. Мечтала, но произнёс их совсем не тот.

— Иди, — тихо сказала Кесси, — не буду мешать.

ГЛАВА 13

Прошло четыре месяца, прежде чем офис начал функционировать полноценно.

С директором вопрос решался довольно долго — почти весь первый месяц Кесси отбирала кандидатов. Затем провела несколько собеседований — три с мужчинами и два с женщинами.

Мужчины неизменно смотрели на неё с высокомерной усмешкой. Ситуация ещё более обострилась, когда у Кесси стал становиться заметным небольшой округлый животик, который та, скорее инстинктивно, чем от настоящей тяжести, стремилась поддерживать при ходьбе.

Едва купленные деловые костюмы почти сразу же пришлось повесить обратно в шкаф и забыть, вернувшись к привычным мешковатым платьям, которые позволяли хоть немного скрывать полноту. Впрочем, единожды ощутив себя человеком, Кесси уже не хотела возвращаться назад — собственный вид в сером фланелевом костюме и с короткой стрижкой понравился ей куда больше, чем она могла себе представить до примерки, и снова становиться непонятным существом, лишённым определённой формы, не хотелось абсолютно.

Поняв, что обычная одежда ей теперь не подходит, Кесси попросила Августу найти ей парочку портных, и после долгих препирательств — поначалу портные норовили разодеть её в традиционные одежды замужней леди сродни тем, что носила Анна — Кесси всё-таки добилась от них того, чего хотела. Мягкие драпировки спереди скрывали живот, а вытачки на спине подчёркивали стройность силуэта.

И тем не менее скрыть беременность было практически невозможно, а для воротил из «Мейден Роуз» её живот был хуже, чем красная тряпка для быка — он олицетворял слабость, которая для начальника была неприемлема.

Все трое мужчин не смогли или не посчитали нужным обходиться без шуточек относительно розовых пелёнок и детских кроваток, которые собиралась, по их мнению, Кесси ставить в кабинете, и всем трем в повышении было отказано.

С кандидатками женского пола дело обстояло немногим лучше.

Одна из них была полненькой, поглядывая на растущий животик Кесси, беспрестанно улыбалась и повторяла, что для леди главное дом.

— Тогда зачем вы хотите занять этот пост? — поинтересовалась Кесси и инстинктивно погладила живот.

— Ну как же, — соискательница расплылась в улыбке. — Детки должны иметь всё самое лучшее, разве нет?

Кесси не то не была согласна, но... Она не имела ничего против деток розовощёкой соискательницы, но всё же хотела видеть на посту генерального директора человека, озабоченного делами фирмы, а не собственной семьёй.

Вторая кандидатка выглядела полной противоположностью первой. Она была сухой и бледной, как сама Кесси год назад, и, косясь на живот начальницы, то и дело повторяла что-то наподобие:

— Как я вас понимаю. Никогда бы не стала связываться с мужчинами.

Что именно она понимала, Кесси так и не сумела разобрать, усвоила только, что центральным пунктом программы сухопарой дамы было увольнение из руководящего состава всех мужчин и обеспечение женщинам социальных гарантий.

— А ещё нужно построить при офисе детский сад для работающих женщин! — сообщила она.

Кесси стало почему-то совсем грустно. Она уронила голову на ладонь и, дослушав монолог до конца, попросила сухопарую леди из офиса проводить, а вместо неё вызвала к себе Гратина.

— Господин Рено, — сказала она.

Гратин поднял бровь, потому что таких официальных обращений не слышал от Кесси уже давно.

— Это я, — согласился он.

— Приготовьте бумаги. Я назначаю вас на пост генерального директора.

Если бы бровь Гратина не была уже изогнута, она уползла бы ещё выше вверх.

— Кесси... М-м... леди Кинстон.

Гратин осторожно подошёл к Кесси и присел на краешек стола.

— Что?

— Я вовсе не стремлюсь к такой должности, я вам уже говорил.

— А к чему вы стремитесь, господин Рено?

— М-м... — Гратин задумался. — Я никогда не строил планов на несколько лет вперёд.

— Если вы о фирме, то планы сначала строить буду я сама. Вам надо всего лишь обеспечить их выполнение. А когда вы освоитесь, то увидите, что это даже интересно.

— М... Я немного не привык быть на виду.

Кесси накрыла ладонью лежащую на столе руку назначенного директора.

— Это мы как-нибудь решим. Готовьте документы, Гратин. Закончим этот глупый конкурс и перейдём к поискам секретаря.

Вопрос с секретарём решился куда быстрее — занять эту должность попросилась Августа, которая все прошедшие недели искала себе применение за пределами дома Анны. Мать не очень-то стремилась вернуть её назад, но и денег на содержание выделять не собиралась. А господину Розенкрейцеру, похоже, судьба детей вообще была безразлична.

К счастью, дочь этой четы не сидела на месте и успела закончить курсы делопроизводителей. Августа бывала рассеянна, но очень старалась и в целом обязанности выполняла довольно успешно, а кроме того, производила благоприятное впечатление на всех мужчин, посещавших кабинет Кассандры — половина из них только за тем и появлялась в приёмной, чтобы поглазеть на неё.

Августа в самом деле была красива так же, как её брат, и обладала той же ослепительной улыбкой, но, в отличие от Юргена, на противоположный пол не реагировала совсем.

Кесси, которая вообще-то не отличалась особым любопытством, однажды всё-таки не выдержала и спросила, почему. К тому времени они жили вместе уже почти четыре месяца, и Кесси привыкла к Августе так же, как могла бы привыкнуть к родной сестре. А вот Хайнрих по-прежнему лишь встречал её у дома и возвращал на место поздно вечером, никогда не заходя в гости и не приглашая к себе.

Разговор проходил у них дома, на балконе на кухне, где они с Августой ужинали по вечерам на свежем воздухе с наступлением весны.

Августа покосилась на Кесси, но ничего не сказала.

— Это не моё дело, да? — уточнила Кассандра.

— Я живу у тебя. Полагаю, то, почему я это делаю, вместо того, чтобы переехать к какому-нибудь приличному джентльмену, всё же касается тебя, так?

— Я не это имела в виду, — Кесси сделала глоток берёзового сока, потому что вино ей было уже противопоказано, и из-под длинных ресниц посмотрела на неё. — Просто ты очень красива. Я понимаю, что вряд ли найдётся джентльмен, который захотел бы встречаться со мной. Тем более теперь, когда у меня вот-вот появится ребенок. Но не понимаю, почему ты должна быть одинока. Ты рассорилась с родителями ради Хайнриха, но он ведь явно это не ценит. И у тебя куча поклонников — но ты отказываешь им всем.

Августа поджала губы и покрутила в пальцах бокал.

— Хайнрих не такой, — сказала она коротко и снова замолкла, не поднимая на Кесси глаз. Потом продолжила: — И он тоже говорит так же, как ты.

— Это как?

Стараясь выиграть время, Августа поднесла бокал к губам и сделала глоток.

— Хайнриху уже тридцать пять. И у него сын — Вилли. Он почему-то думает, что ему уже поздно сближаться с кем-нибудь... Например, со мной. И ещё считает, что это вряд ли сможет понять его

сын. Я ведь ему... В сёстры гожусь.

Кесси почесала затылок. Затем спросила:

— А ты?

— А я... Как я скажу взрослому, красивому, сильному мужчине, что хочу быть с ним? Что хочу замуж за него? Я для него, наверное, такая же обуза... Как второй ребёнок.

— Тогда зачем ты поругалась с матерью? Могла бы прямо сказать, что между тобой и Хайнрихом ничего не будет никогда.

Августа облизнул губы.

— Мама думала, что я с Хайнрихом сплю.

Она снова покрутила в пальцах бокал.

— Что я шлюха — она так говорила. А я бы... Ну, наверное, я бы спала. Только Хайнрих мне ни разу не предложил. А ни с кем другим я не хочу. И замуж за другого тоже не хочу.

— М-да... — протянула Кесси и потёрла висок. Она от подобных проблем давно уже была далека. Все её мечты умерли вместе с несостоявшимся браком, и она просто не могла представить, чтобы в её жизни появился тот, кого она могла бы полюбить. Времени и так не хватало ни на что. Все дни уходили на работу, а всё свободное время — на посещение врачей. Нужно было ещё и обустроить детскую — или подыскивать новую квартиру, чего делать не хотелось ужасно, ведь тогда бы она оказалась где-то далеко от Гратина.

— И ты не права, — произнесла Августа, вырывая её из задумчивости. — Ты напрасно считаешь, что не интересуешь никого. В тебе есть что-то... таинственное. Не знаю, как другие мужики, но Гратин это видит. И он ждёт уже давно.

— Гратин? — Кесси оторопело посмотрела на подругу и добавила машинально. — Но он же эпсилон... Я хотела сказать... Он же просто друг...

Августа невольно расхохоталась, но как-то без особого веселья, а потом произнесла фразу, которую Кесси когда-то давно уже слышала от неё:

— Никто не принимает друзей в расчет...

Фраза засела Кесси в голову достаточно глубоко, но что она значит, понять никак не могла.

Каждый раз, глядя на Гратина, входившего к ней в кабинет, Кесси думала о том, что надо бы спросить у него, но не решалась никак.

И только в начале лета, когда она уже почти целиком перебралась работать домой, куда каждый вечер Гратин приносил ей на подпись документы, а заодно с бумагами — коробки конфет и тортики, которые Кесси внезапно безумно полюбила, Кесси как-то спросила:

— Гратин, что значит: друзей никто не принимает в расчёт?

Они сидели в кабинете, где царил полумрак, так что Кесси не могла разглядеть лица Гратина, но отчётливо увидела, как тот вздрогнул.

— Что?

— Что значит: друзей никто не принимает в расчет? — терпеливо повторила она.

Гратин пожал плечами и, встав, прошёл по комнате от одной книжной полки до другой.

— Зачем тебе это знать?

— Просто спросила.

Гратин словно собирался с мыслями, а потом заговорил:

— Понимаешь, — произнёс он. — Звёздные книги учат нас, что мужчина и женщина — две половинки одного целого.

— И мужчина роняет семя... — Кесси погладила живот и невольно покраснела.

— Вроде того. И всё стройно и логично, когда у вас любовь с первого взгляда, взрыв, Супер Нова и прочие дела. Но если ты не умеешь так? Если ты не взрываешься изнутри. Ты просто хочешь, чтобы ей всегда было хорошо. Ты всегда «просто очень хороший друг» — и тогда что?

Кесси не знала что ответить. Она не задавалась этим вопросом никогда. В монастыре ее учили, что воспитанная леди не позволяет никаких дружеских отношений с мужчинами. Эта леди выходит замуж за избранника — причем избирается он родителями — и больше на мужчин не смотрит и дружеские отношения заводит лишь для развития карьеры мужа и поддержания авторитета семьи. А Гратин повернулся и внимательно посмотрел на неё.

— Если ты вместо того, чтобы ревновать, создавать проблемы и устраивать из отношений балаган — даришь ей цветы, подаёшь руку и стараешься сделать так, чтобы она ни в чём не знала нужды — ты «просто друг». Очень хороший друг. А если ты к тому же не мачо, и у тебя нет многомиллионной корпорации или банды быдловатых друзей, которые заглядывали бы тебе в рот — если тебе просто не интересно меняться... В общем, доказывать что-то другим... джентльменам, скажем так. Тогда ты всегда будешь «просто друг». Ведь истинный — это тот, в кого влюбляются с первого взгляда за его огромные мускулы и небритое лицо. А если ты бреешься по утрам и не... кушаешь килограммами протеин... то всё. Ты — «просто друг». Об «истинной» любви можно забыть навсегда. И она будет принимать твои цветы и обнимать тебя, как плюшевого мишку... Но ты всё равно будешь «просто друг». А замуж она выйдет за таксиста — к тому же нарушив запреты семьи. И это будет «истинная любовь». Даже если потом он заложит её квартиру и сядет в тюрьму... — Гратин замолк, чувствуя, что его занесло. Сделал глубокий вдох и продолжил: — А друг... Другу остаётся только сказать — что он рад за неё.

— А это не так? — Кесси ещё сильнее покраснела.

— Не совсем, — Гратин с плохо скрываемой яростью посмотрел на неё. — К тому же всегда немножко труднее, если у тебя аэрокар эконо класса, а не последняя спортивная модель премиума, да еще и сделанная под заказ.

— Я не думаю так, а ... — тут Кесси хотела дать в пример Августу, но быстро осознала, что без ее разрешения не имеет права говорить такие вещи.

Гратин издал смешок.

— Мне двадцать шесть лет. Если бы я не был секретарем Толкинса, я бы уже был женат.

Кесси горько усмехнулась.

— Тебе повезло, тебе никто не навязывал брак.

— В этом смысле, может, и да. Но... — Гратин облизнул губы. — Я ведь любил. Может, это была не истинная любовь, но я бы отдал за свою девушку всё — всё, чего богатый избалованный мачо ей отдать никогда бы не смог.

— Мачо... Скорее, альфа — предводитель, — вырвалось у Кесси.

Гратин непонимающе посмотрел на нее, и пришлось объяснить:

— Это я читала... психология...

— Я думал, если уеду от неё — станет легче, — продолжил Гратин, не попросив объяснений, и, отвернувшись, уставился в темноту. — Но всё продолжается и сейчас.

— Ты любишь её?

— Не её.

Наступила тишина. Кесси не знала, что сказать, да и не была уверена, что правильно поняла то, что услышала только что.

— Гратин... — тихо сказала она.

— Не волнуйся, — Гратин усмехнулся и снова посмотрел на неё. — Я в курсе — брак священен, и между супругами всегда любовь. Даже если муж бросает жену и беременную отправляет на край света, в лапы к своей сумасшедшей матери. Я не бунтарь. Пусть всё будет, как есть.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Подпиши документы, — продолжил Гратин, не отрывая от Кесси взгляд. — И я пойду домой.

Не глядя толком на бумагу, Кесси начертила вензель Кинстонов на трёх листах и протянула их

перед собой. Смотреть на Гратина она боялась. Она думала, что когда разберётся в сказанном Августой, станет легче, но теперь в голове крутилась новая фраза: «Между супругами— всегда любовь».

Юрген давно уже казался забытым сном. Несбывшейся мечтой. И тем не менее ни одного другого мачо-альфу она рядом с собой видеть не хотела.

ГЛАВА 14

Наступила осень, и холодные капельки дождя всё чаще барабанили по крышам, сползали по стёклам окон, расчерчивая их затейливым узором.

Кесси совсем перестала выходить из дома и даже не стала заказывать себе новые платья на осень — животик был уже настолько большим, что, как ни прячь, привлекал к себе внимание. Да и настроение у неё было странное — всё время накатывали приступы тоски и одиночества, ощущение собственной беспомощности и бессилия перед миром, наполненного ревом машин, проносившихся за окном.

Офис давно уже встал на ноги, а новых проектов Кесси не затевала, полностью погрузившись в свой осенний сплин.

Гратин приходил по-прежнему — и даже не реже. Всё ещё таскал лакомства и небольшие подарки, среди которых всё чаще встречались плюшевые игрушки и тёплые шарфики — Кесси так и не поняла, кому предназначалось это всё, ей или готовившемуся появиться на свет малышу.

— Обоим, — с улыбкой сказал как-то Гратин, когда Кесси решила спросить. К тому времени они могли уже разговаривать обо всем, и Гратин стал такой неотъемлемой частью её жизни, что Кесси просто не могла себе представить, как раньше обходилась без него.

Как-то вечером, когда в очередной раз по окнам стучал дождь и тихонько шелестели за окнами машины своими аэроподушками, Кесси услышала звонок в дверь. Она замерла с тарелкой в руках — Августа не было дома, и Кесси как раз собиралась поужинать в одиночестве. Беглым взглядом окинула рис и единственную отбивную — появление Гратина было приятной новостью, но неожиданной, так что подготовиться она не успела. Поставила тарелку на стол и пошла открывать.

За дверью, впрочем, Гратина не оказалось. Вместо него стоял Хайнрих — джентльмен, которого вблизи Кесси видела всего пару раз.

— Эм... добрый день, — пробормотал Хайнрих неуверенно.

Кесси застыла, внимательно разглядывая мужественное, но усталое лицо, широкие крылья носа и коротко стриженные волосы.

— Добрый вечер, — задумчиво произнесла она наконец. — Хайнрих, кажется, так?

— Да. Августа здесь?

Кесси подняла бровь и покосилась на вешалку, куда был направлен взгляд Хайнриха.

— Нет. Но вы можете пройти, подождать... — Кесси прервала сама себя. — Вообще-то, я думала, что она у вас.

Хайнрих ещё больше помрачнел и покачал головой.

Кесси немного подумала.

— Наверное, вам всё-таки лучше войти, — она отступила в сторону и жестом пригласила гостя в квартиру. — Я сейчас ей позвоню.

Они прошли в комнату, Хайнрих устроился на диване — сидел он странно, ссутулившись и сцепив руки в замок. А когда Кесси достала телефон, перехватил её ладонь и произнёс тихо, почти умоляюще:

— Только не говорите ей, что я здесь.

Кесси отметила про себя ещё одну странность. Мужчин за последний год она успела повидать достаточно, но этот не походил ни на одного из них. Он будто бы... угас. Впрочем, в трубке уже звучали гудки, и Кесси решила оставить этот вопрос на потом.

— Августа? Ты где? — сходу спросила она, услышав неловкое: «Да?».

— Кесси... — наступила тишина. — Кесси, я хотела за всё тебя поблагодарить...

Кесси покосилась на Хайнриха, прикрыла трубку рукой и отошла поближе к окну.

— Августа, что с тобой?

— Ничего... — снова тишина. — Ничего, всё хорошо. Просто я думаю, что должна вернуться к матери. Спасибо тебе ещё раз.

Кесси ещё больше укрепилась в мнении, что что-то всё-таки не так. Снова кинула взгляд на гостя и торопливо вышла в коридор, а затем зашептала:

— Августа, как это понимать? Ты бы хоть мне что-то сказала. И потом, она же заставит тебя вступить в брак. Ты же этого не хотела.

— А теперь хочу.

— М... Да? Тебе понравился жених?

— Я его не видела ещё. Но, Кесси... — Августа, как ей показалось, сдержала всхлип. — Я так больше не могу. Сколько ещё я должна ждать? Люблю я его или не люблю, но между нами ничего не будет никогда.

— Августа! Стоять!

Голос Августы смолк.

— Ничего не предпринимай. Через десять минут перезвоню. Хорошо?

Тишина.

— Ради меня.

— Ладно. Буду ждать.

Кесси вернулась в комнату и уставилась на гостя в упор. Будто почувствовав её взгляд, Хайнрих неуверенно поднял глаза.

— Августа выходит замуж, — произнесла Кесси, тщательно печатая слог и не отрывая от Хайнриха глаз.

Хайнрих неверяще взглянул на нее. Потом отвел взгляд и практически прошептал:

— Я рад за неё. Так будет лучше для всех.

Кесси вскинула бровь и медленно приблизилась к нему.

— Что?

Хайнрих, не ожидавший от беременной леди такого напора, немного оторопел.

— Так ведь будет лучше для всех? — неуверенно спросил он.

— Ты мужчина или нет? — рявкнула Кесси и, дёрнув его за рукав, заставила встать. Хайнрих ошарашенно открыл рот. — Она год из-за тебя страдала — и хочешь, чтобы всю жизнь продолжала страдать?

Хайнрих озадаченно смотрел на неё какое-то время, потом, словно убеждая себя в чем-то, провозгласил:

— Я как раз не хочу, чтобы она страдала.

— Тогда тебе придётся наконец-то с ней поговорить.

— И что я ей скажу? Прости, между нами ничего не может быть? Уверен, что она это поняла и сама.

— А между вами ничего не может быть?

Хайнрих затравленно посмотрел на нее.

— Она хочет быть только с тобой. А ты хочешь чего?

— А я не хочу причинять ей боль!

— Идиот! Я таких идиотов на второй день увольняю!

Хайнрих непонимающе приподнял бровь. Кесси решила, что надо сбавить тон.

— Хайнрих, ты же любишь её, — сказала она уже мягче. — Иначе с чего бы ты так переживал?

Хайнрих снова надолго замолчал.

— Люблю, — признался он наконец. — Но вместе нам не быть никогда.

— Почему?

Взгляд Хайнриха изменился немного, и он посмотрел на хозяйку квартиры так, как смотрели мужчины всегда — насмешливо и немного свысока.

— У меня же ребенок.

— У меня тоже скоро будет, и что?

Хайнрих опять замолк и продолжил только через несколько секунд.

— Ты же знаешь Августу. Какая из нее мать?

— Лучше никакой, чем такая, как она?

— Я не про то! — Хайнрих высвободил руку из пальцев Кесси и прошёлся по комнате из конца в конец. — Она же... Ну... Совсем юная, — произнёс Хайнрих, когда остановился у окна. — У неё впереди вся жизнь. Полная собственных детей. Зачем ей я?

— Может, это она будет решать?

Хайнрих поджал губы и посмотрел на неё через плечо.

— Что она может решить? Ей всего девятнадцать лет.

— Хайнрих, — Кесси медленно подошла к нему и сдвинула плечо. — Если сейчас ты не дашь ей решить, быть ли ей с тобой, через пару недель всё и правда решат за неё. Анна даже совершеннолетия не будет ждать. Может, хоть один из вас подумает о том, чего хотела бы сама Августа?

Хайнрих явно не знал, что сказать.

Кесси протянула ему телефон.

— Я ей больше не позвоню. Хочешь, чтобы вы оба были счастливы — сделай это сам.

Хайнрих развернулся, ничего не ответив, и пошёл к выходу.

Августу с тех пор Кесси видела только один раз — спустя два дня та заскочила за вещами. Глаза у Розенкрейцер-младшей сияли как два бриллианта, но Кесси всё-таки спросила на всякий случай:

— Куда?

— К нему, — произнесла Августа и загадочно улыбнулась. А затем подскочила к Кесси и сжала в объятиях так, что та охнула.

— Осторожно, живот!

— Всё. Я тебя люблю.

Августа чмокнула её в нос и исчезла.

В квартире Кесси таким образом освободилась ещё одна комната, но, вместе с тем, стало ещё более пустынно и одиноко.

А двадцатого сентября подошёл срок. Это было в один из тех вечеров, когда Гратин привозил ей документы — хотя Кесси уже начинало казаться, что Гратин проводит в её доме вообще все вечера.

Роды были тяжёлыми, длились они почти сутки, и все это время Гратин сидел рядом с ней и держал за руку, глядя в бездонные, наполненные болью чёрные глаза. А потом именно он отвёз Кесси домой и в первые дни почти не покидал её квартиры, вместе с ней разглядывая такие же чёрные глазки маленького мальчика, которого Кесси держала на руках. Она даже отдала Гратину ключ, чтоб не отвлекаться от нужд ребенка.

— Уже похож на тебя, — Гратин слегка приобнял Кесси и поцеловал в висок. Кесси решила не отвечать. Говорить, что точно такие же глаза и волосы были и у Юргена, ей абсолютно не хотелось. Самой ей Фридрих — как был назван новорожденный — напоминал только отца. От одного взгляда на него сердце пронзала давно забытая боль. Но, услышав слова Гратина, она просто опустила голову ему на плечо и замерла так, наслаждаясь теплом.

Первые дни для Кесси были наполнены счастьем и осознанием того, что она с этих пор никогда не будет одна, но уже через несколько дней эйфория начала спадать. С самого начала она решила, что за ребенком будет ухаживать сама — слишком хорошо она знала, что такое быть без матери, без человека, которому, как все говорили, ты можешь доверить все, который утешит и будет любить тебя всегда, каким бы ты ни оказался. Кесси хотела дать сыну все то, что не получила сама. Но никто не сказал ей, что ребенок на картинке и ребенок в кроватке в детской — это не совсем одно и то же.

Малыш получился, как ни странно, шумным — рекламные фото и клипы о трогательно спящих младенцах явно ввели в заблуждение. Он орал, не переставая, день и ночь, и как успокоить его, Кесси категорически не представляла. Ни на какие курсы для начинающих матерей Кассандра не ходила, а всё, что вычитала в книжках в последние месяцы беременности, не давало никакого результата.

Кесси потихоньку приходила в отчаяние. Она оборудовала сыну самую лучшую детскую, которую только смогла придумать, заказала лучшие игрушки, которые смогла найти — но не помогало ничего.

В конце концов, в один из вечеров маленький Розенкрейцер и саму её довел до слёз. С криком:

— Ты такой же, как твой чёртов отец! — Кесси рухнула на стул у окна и уронила голову на ладони. Малыш тут же замолк. А Кесси сидела, не в состоянии шевельнуться, слушала, как стучат по окну капельки дождя, и ощущала, как слёзы текут по лицу.

Так она просидела, должно быть, не меньше часа, когда в дверь раздался звонок. Затем ещё один, и ещё. Ребенок, разбуженный неприятным звуком, снова принялся рыдать, и теперь уже они с Кесси плакали в четыре ручья. Из горла Кассандры невольно вырвался всхлип, а затем она ощутила прикосновение тёплых рук. Невольно сжалась на секунду, а потом обернулась, увидела лицо Гратина совсем рядом и уткнулась носом ему в плечо, судорожно сжимая белую рубашку и пытаясь подавить рыдания, рвущиеся из груди один за другим.

— Кесси, тш... Ну ты что?

— Не могу... — выдохнула Кесси и прижалась к нему ещё сильнее.

Гратин положил ладонь ей на макушку и принялся медленно гладить по голове.

— Не могу, — повторила Кесси и всхлипнула в очередной раз, когда голос, наконец, начал хоть немного слушаться её.

— Я не знаю, кого из вас успокаивать первым, — шепнул Гратин, закапываясь носом в её волосы, — но он орёт громче, а ты, вроде бы, взрослей.

Кесси издала звук, подозрительно похожий на истерический смешок.

— Тогда успокаивай его. Я — не могу.

— Обещай, что попробуешь успокоиться сама.

— Хорошо.

Гратин отпустил её и, подойдя к колыбельке, осторожно взял малыша на руки, а затем принялся покачивать его, бережно прижимая к себе и нащёптывая что-то на ухо. Кесси зачарованно смотрела за его мерными движениями и потихоньку начинала покачивать в такт головой.

Потом Гратин аккуратно уложил обратно задремавшего мальчика, снова подошёл к ней и, наклонившись на ушко, шепнул:

— Пошли, я сделаю чай.

Кесси не удержала смешок.

— Знаю я твой чай... Лучше уж сама.

Тем не менее она встала и двинулась на кухню вместе с Гратином. Теперь, когда внутри у неё не было малыша, двигаться оказалось легко и непривычно в то же время. Проходя мимо библиотеки, Кесси поймала своё отражение в стеклянной витрине шкафа и тут же почувствовала стыд — до последних месяцев беременности она старалась следить за собой и очень дорожила тем, что ей удалось наконец привести себя в божеский вид. Красавицей себя Кесси по-прежнему не считала, но, по крайней мере, в новых платьях и со свежей стрижкой больше не казалась сама себе смешной.

Теперь же волосы опять отросли, но Кесси, отвыкшая от такой длины, забывала собирать их в косу, так что они стлались по плечам мягкими волнами. Кесси после родов не поправилась совсем — хотя и не сказать, чтобы похудела. Но подростковая угловатость её фигуры приобрела какую-то новую плавность и гибкость. Зато разбухшие щёки и покрасневшие глаза оставляли желать лучшего — под очками они были бы ещё относительно незаметны, но ещё в мае Кесси купила машину, чтобы не ездить на такси, а вместе с машиной была вынуждена обзавестись и набором контактных линз. После родов она не надевала ни их, ни очков, просто потому что было не до того, и начала уже потихоньку привыкать, что мир видит не совсем чётко. Она с удивлением обнаружила, что если не сидеть за рулём, то зрение у неё было не таким уж плохим. И всё-таки всё вместе, мельком отразившееся в стекле, навело на Кесси тоску.

— Спасибо за всё, — произнесла она, наполняя фарфоровый чайник кипятком и исподлобья поглядывая на Гратина. — Кто бы ещё стал терпеть меня в таком виде, если не ты.

— Я тебя хочу видеть любой, — Гратин невольно улыбнулся, разглядывая опухшее лицо Кассандры. При виде такой Кесси ему ещё больше хотелось прижать её к себе и погладить по распушившимся волосам, будто малыша.

— И Фридрих... — Кесси прикрыла глаза и глубоко вздохнула. — То, что делаешь ты, должен был бы делать его отец.

Гратин мгновенно помрачнел и сжал лежавшую на столе руку в кулак.

— Кесси, — сказал он медленно и тихо. — Тебе пора бы принять как факт, что в твоей жизни его нет — и не может быть.

— Я приняла, — ответила Кесси так же негромко в тон ему. Присела на диванчик рядом с Гратином и прислонилась к нему. — Странно, иногда мне хочется, чтобы он вспомнил обо мне, а потом... — Кесси закусила губу. — Я представляю его и уже совсем этого не хочу.

Гратин почесал щеку. Желание обнять Кесси никуда не делось, но сейчас к нему примешивалась боль. Осознание, что как бы он ни старался, он всегда будет «не тот», кто должен был бы быть здесь.

— Я пойду? — спросил он тихо, не глядя Кесси в глаза.

— Ты же ещё не допил чай?.. — Кесси вскинулась и посмотрела на него.

— Я... — было бы так легко сказать что-нибудь насчёт работы, но Гратин не хотел врать. Больше всего он хотел одного — чтобы Кесси его остановила. И Кесси, будто услышав его мысли — а может быть, просто потому, что хотела так сама, произнесла:

— Гратин, пожалуйста... Побудь со мной ещё чуть-чуть.

Гратин улыбнулся. Он понимал, что Кесси попросту не хочет быть одна. Но поменять всё равно ничего не мог.

ГЛАВА 15

Именно Гратин предложил взять на работу няню. Сама Кесси просто не могла представить себе, что оставит ребёнка с кем-то другим наедине. До сих пор малышка брала в руки только она сама — и Гратин, которого Фридрих с самого рождения принимал за своего.

Однако нужно было выходить на работу, и причин тому было множество — начали приходить письма из «Stellar Power», предполагавшие немедленный ответ, а Гратин не был уверен, что имеет право решать возникающие проблемы с генеральным партнёром сам. Кроме того и Кесси чувствовала, что потихоньку начинает сходить с ума в четырёх стенах.

Вместе они просмотрели письма, из которых Кесси сделала вывод, что, во-первых, в «Stellar Power» всё перевернулось с ног на голову — до сих пор они лишь соблюдали старый родительский контракт, согласно которому «Maiden Swan» продавала партнёрам комплектующие, некоторые из которых производились эксклюзивно для «Stellar Power», и обе фирмы вели общую политику в маркетинге. Теперь же партнёры требовали передачи нескольких заводов в их подчинение, и Кесси поняла, почему Гратин не берётся принимать решение сам.

— Это как-то оговорено вашим брачным контрактом? — спросил он, нависая у Кесси над плечом, пока та сидела за письменным столом у себя дома и рассматривала накопившуюся корреспонденцию.

— Очень интересный вопрос, — Кесси поправила очки, которые снова начала носить дома в последние недели. — Для начала надо запросить у юристов сам этот брачный контракт, потому что меня никто не спрашивал, что я хочу подписать.

Гратин с дозой какого-то сомнения посмотрел на неё, и Кесси, почувствовав этот взгляд, тоже повернула голову к нему. Вообще-то, этот обмен взглядами начался с того, что Гратин пытался понять, как его шеф, всегда разумная и уравновешенная леди в профессиональной сфере, умудрилась вступить в брак, не читая договор, но когда он увидел совсем близко чёрные глаза в обрамлении густых пушистых ресниц, отделённые от него только тонкими стёклами очков, рука сама потянулась к оправе, и пальцы медленно стащили её вниз.

Без очков Кесси казалась беззащитной и немного растерянной, но сопротивляться не стала. Только покраснела чуть-чуть.

— Гратин... — тихо произнесла она. Голос в эту секунду у неё был совсем нежный, и от бархатистых тонов по спине у Гратина пробежала стайка мурашек.

Гратин смотрел на неё несколько секунд, потом крепко зажмурился и отодвинулся чуть-чуть. Кесси тут же отобрала у него очки и нацепила их обратно на нос.

— Как ты могла подписать контракт, который не читала? — спросил Гратин, вспомнив, наконец, о чём шёл разговор.

Кесси удивилась такому странному вопросу.

— Ну, я его и не подписывала, все было сделано отцом. Моим мнением никто не интересовался. Меня только что забрали из монастыря, я была ещё ребёнком и ничего толком не понимала. В школе не учат праву, если хочешь знать.

Гратин хмыкнул.

— Хорошо, — сдался он. — Значит, надо попросить юристов поднять контракт. А пока ответить Розенкрейцерам что-нибудь.

Кесси кивнула и снова уставилась на стол.

— Я напишу письмо. Но, думается мне, они могут на нас надавить.

— Значит, нам нужны более влиятельные союзники, чем они.

— Но отец обещал, что с «Stellar Power» будет создана корпорация с общей политикой во всех сферах.

— Это он обещал, а не ты.

Кесси закусила губу. Нарушать заветы отца всё же не хотелось, но кое-что уже начинало складываться в голове.

— Мы просто не будем нарушать, — решила она наконец. — Розенкрейцеры продают корабли. Но

комплектующими торгуем только мы. И мы можем продавать что-то не только им, например, расширить производство компьютерных систем. Фирмы аэрокаров с удовольствием возьмут наши, надо только адаптировать их.

Кесси машинально коснулась кончиком ручки губ и легонько прикусила, как младенец прикусывает сосок. Гратин невольно облизнулся и тут же отвёл взгляд.

— Ну что ж, — произнесла Кесси вслух. — Нужно назначить приём. Пригласим глав основных корпораций. Устроим что-то вроде бизнес-форума. С кем-нибудь наверняка удастся заключить союз.

В это время мнимую тишину квартиры прорезал детский плач, и Кесси подскочила на месте, но встать так и не успела.

— Я разберусь, — вскинулся Гратин, удерживая её за плечи. — Приготовь лучше ужин. И Кесси... придётся нанять кого-нибудь для малыша.

Кесси печально улыбнулась. Осторожно убрала руку Гратина со своего плеча и сказала:

— Ну ладно. Завтра позвоню в бюро семейных услуг. Тебе отбивные с брусникой, как всегда?

— И, если можно, тёплое молоко — горло першит с самого утра.

Параллельно с няней Кесси взялась за поиски нового секретаря — Августа исчезла прочно и надолго, и следующую новость Кесси получила от неё только весной.

Обзвонив все кадровые агентства и уволив на второй день четверых многообещающих кандидатов, которые по большей части глазели на мужчин, а на свою неказистую шефиню смотрели свысока, Кесси прибегла к старому, как мир, способу: принялась обзванивать знакомых. Правда, знакомых у неё было не так уж много — тем, с кем она работала, поиск секретаря Кесси не доверила бы. Гратин позвонил нескольким друзьям, но так никого и не нашёл: после словосочетания «ответственная девушка» разговор обычно терял конструктив. В итоге Кесси позвонила своей единственной старой подруге — Донне — и тут же нарвалась на долгий и довольно мучительный разговор, в процессе которого была вынуждена рассказать о том, в каком бедственном положении оказалась сама, и выслушать не менее печальную историю Донны, которая от Аурэля всё-таки успела залететь, а вот выйти замуж ни за него, ни за кого-то другого так и не смогла.

— А родители? — спросила Кесси почти дежурно. Кесси знала, что отец у Донны довольно строг.

— Послали меня ко всем чертям.

Узнав же о том, что Кесси ищет секретаря, Донна так обрадовалась, что отказать ей у Кесси просто не нашлось сил.

— Ты же знаешь, у меня были пятёрки по каллиграфии и делопроизводству!

Кесси знала. Он даже сама эти пятёрки за неё зарабатывала. Но решила промолчать.

— Хорошо, — согласилась с известным сомнением она. — Заказывай билет.

К её удивлению, Донна оказалась вполне сносным секретарём — хотя до Августы ей и было далеко. Донна тоже заглядывалась на мужчин, но об интересах компании никогда не забывала, и это уже было здорово.

Няню нашли довольно легко — это была леди чуть старше тридцати, недавно потерявшая собственного ребёнка. Звали её Рита, была она всегда грустна, но заботлива до болезненности. Поначалу Кесси пугало то, что Рита уже не справилась один раз, но чем дольше она наблюдала за тем, с каким трепетом та относится к её маленькому сыну, тем больше успокаивалась и к зиме уже научилась ей доверять.

Тогда же, на первые числа декабря, был назначен приём, на котором присутствовало руководство семнадцати крупнейших машиностроительных фирм — все, кто так или иначе мог заинтересоваться комплектующими, производившимися на заводах «Maiden Swan».

В первый раз со времён свадьбы Кесси обратилась к профессионалам. Она безумно волновалась перед предстоящим приёмом, потому как прекрасно понимала: умение находить общий язык с мужчинами — это не самая сильная её сторона.

Мужчины любили красивых, аккуратных леди, которые могли бы служить на приёме украшением стола. Но даже таких они обычно не воспринимали всерьёз, считая их слабыми, излишне эмоциональными и недостаточно упорными.

— Они вообще никого не воспринимают всерьёз, — успокоил её Гратин, наблюдавший за тем, как Кесси выбирает костюм. Та никак не могла решить, должна ли предстать перед высокими гостями в вечернем платье, подчёркивающем её статус высокородной леди, или в деловом костюме, который говорил бы, что она прежде всего владелица — «Maiden Swan».

— Женщины в их понимании предназначены только для выведения потомства. Но знаешь, что самое смешное? Они и друг друга не воспринимают всерьёз. Почти всегда один мужчина для другого — конкурент, а значит, оба будут доказывать себе и всем остальным, что другой слабей и глупей.

— Ты не любишь этих бизнесменов, — Кесси в очередной раз приложила к себе костюм.

— Нет. Мне всё равно.

Кесси хмыкнула. Всегда, когда Гратин говорил, что ему всё равно, это означало, что ему абсолютно не всё равно — это Кассандра успела уяснить достаточно хорошо.

— Есть компромиссный вариант, — услышала Кесси голос консультанта и повернулась на него. Молодая симпатичная девушка держала вешалку с фраком, каких не носили уже давно.

— И в чём тут компромисс? — Кесси подняла бровь.

Девушка провела кончиками пальцев вдоль фалды, избегая касаться ткани.

— Длинные фалды подчёркивают силуэт. Кроме того, костюм давно уже стал традиционной одеждой рабочих девушек. Тех, кто не может вступить в брак. Фрак же женщины не носили никогда, потому как для повседневной жизни он не подходит, а на приёмах редко встретишь незамужних леди. Фрак — это вызов. Знак того, что вы не такая, как все, потому что не хотите быть такой, как все.

Кесси улыбнулась и наклонила голову набок.

— Тебе пойдёт, — Гратин остановился у неё за плечом. — Тебе вообще идёт чёрный цвет. Только волосы, наверное, придётся собрать.

Волосы, впрочем, Кесси собирать не стала. Именно ради них она и пошла к стилисту, потому что то, что творилось у неё на голове в последние месяцы, как ей казалось, не было похоже вообще ни на что.

Стилист долго заставлял её крутить головой.

— Может, сделаем посветлей? — неуверенно спросил он. — Татуаж, перманент? Кончики завьём?

Кесси яростно замотала головой.

— Линзы готова одеть, — очертила она границу, дальше которой не собиралась идти.

Стилист отошёл в сторону и оглядел её ещё раз, а потом взял в руки ножницы и принялся ловкими движениями срезать секущиеся пряди.

Процедура длилась не больше, чем полчаса, после чего стилист взбил результат рукой и разрешил на себя посмотреть. Кесси тут же потянулась к очкам, но мастер остановил ее.

— Нет. Линзы — был договор.

Кесси прищурилась, наклонилась чуть-чуть и вгляделась в собственное лицо. Потом улыбнулась неуверенно. Изменения были не такими радикальным, как в тот вечер, когда её готовили к венчанию, но это было даже хорошо. На висках волосы оказались подстрижены пёрышками, а на затылке чуть приподняты у корней — это была не совсем она, но в целом было хорошо.

— Да, хорошо, — повторила Кесси вслух.

Стилист ещё раз предложил татуаж бровей, но Кесси качнула головой — по её мнению, брови у неё и без того были слишком густыми.

Когда наступил вечер приёма, и Кесси облачилась в новый фрак, она с удивлением обнаружила, что впервые в жизни действительно нравится себе.

Кесси приподняла лацканы и покрутилась перед зеркалом, разглядывая свободный, но подтянутый силуэт, небрежно ссутуленную спину и блестящие пёрышки чёрных волос.

— Хорошо, — подтвердила она.

В последний раз отдала распоряжения Рите и стала спускаться вниз.

Гратин в этот вечер не поехал с ней. Это обсуждалось долго, потому что Кесси было неуютно одной, но в то же время она отлично понимала, что вдвоём они походили бы на семейную парочку, а то и вовсе на любовников, что существенно снизило бы рейтинг доверия к ней среди сильного пола.

Кесси так и не поняла, успешно прошёл этот вечер или нет — с ней много говорили. Мужчины подходили сами, и во взглядах их чувствовалась настороженность. Некоторые из них отвешивали комплименты, полуинстинктивно пытаясь разобраться, чего ждать от собеседницы посредством инстинктов — но не разобрался, похоже, никто.

Уже наутро Донна с загадочным взглядом ворвалась к ней в кабинет и хлопнула газету на стол.

Кесси опустил взгляд и прочла:

— «Выход Звездного Лебедя — или новое лицо «Maiden Swan».

Она в замешательстве подняла на Донну взгляд.

— Это что?

Но та так ничего и не сказала. Так же загадочно улыбнулась и, подхватив газету со стола, смылась за дверь.

К концу года наметилось несколько новых возможных союзников, а, кроме того, юристы подтвердили, что ни по одному контракту «Maiden Swan» ничего не обязана продавать «Stellar Power» кроме тех комплектующих, которые приносили выгоду обеим компаниям.

— Странно, — сказала Кассандра, узнав об этом. — На что они рассчитывали?

— Возможно, на то, что жена и так отдаст своему мужу всё? — Гратин пожал плечами. — Впрочем, там есть парочка интересных пунктов — тебе стоит прочитать.

Читать Кесси в эти дни не могла ничего. К её стыду, женский организм снова напомнил о себе — после почти года вынашивания ребёнка она уже успела позабыть о том, что её ждёт.

Тоска по мужчине в двадцатых числах декабря нахлынула с новой силой, только при мысли о Юргене её захлёстывало одно сплошное отвращение без капли желания. Кассандра хотела — но сама не знал чего. Ей не понравился секс, который она успела ощутить всего раз. Ей не нравилось, как холодные руки Юргена сжимали её тело, будто силась сломать. Она предпочла бы пролежать все три дня в кровати, не вставая и не видя никого, но организм и тут требовал своё.

Закончив разбираться с контрактом, Кесси предупредила Донну, что берёт выходной. Та внимательно посмотрела на неё и понимающе кивнула — похоже, момент зова ощущали все, кроме, разве что, Гратина, который вообще не понятно, на что реагировал.

Уже по дороге домой Кассандра обнаружила, что именно это обижает её больше всего. Почему-то в голове сидела абсурдная уверенность, что именно Гратин сейчас должен быть рядом, и когда она пыталась понять, почему именно он, внутренний голос отвечал только: «А кто ещё? Это же он сидел с тобой в больнице, он баюкал твоего малыша».

От подобных мыслей Кесси ещё сильнее охватила злость, так что она не удержалась и ударила кулаком по стеклу машины. Кассандра абсолютно твёрдо решила, что пока не затихнет зов, не хочет видеть никого.

Впрочем, не получалось. На второй день она даже принялась рассматривать в сети резиновые игрушки — но это всё было не то. Она не хотела секса, она хотела чего-то ещё.

Вечером третьего дня раздался звонок в дверь.

Кесси не собиралась открывать. Она вскрикнула даже, но звонок повторился ещё и ещё.

Кесси закуталась в покрывало до самой шеи и побрела в прихожую.

— Кто? — буркнула она, уже отщёлкивая замок, и увидела стоящего на пороге Гратина с букетом цветов. — Это что?

Гратин улыбнулся как-то неуверенно.

— Я боялся, что ты заболела.

Кассандра подавила рвущийся из горла вой.

— Вроде того, — она отошла в сторону, понимая, что именно Гратина не пустить попросту не может.

Гратин скинул ботинки и, пройдя на кухню, занялся размещением цветов в вазе — налил воды, распутал декоративный целлофан и, наконец, установил букет на стол.

От дурманящего запаха лилий Кассандру окончательно повело. Она прислонилась к стене и подумала, что вот-вот потеряет сознание.

— Кесси, ты что? — Гратин подхватил её на руки.

Кесси закусила губу. Гратин был так близко — так, как должен был быть. От него исходило то самое тепло, которого Кесси желала все эти дни, но не могла этого понять.

Кесси тихонько пискнула и уткнулась носом Гратину в плечо. Тот не пах почти ничем — только шампунем и чистой кожей.

— Кесси, да что с тобой?

— Гратин, возьми меня.

Гратину показалось, что он ослышался, но от одной только иллюзии этих слов пах свело дугой.

— Что? — спросил он, понимая, что сходит с ума.

Кесси качнула головой и моргнул.

— Гратин, тебе лучше уйти, — произнесла она уже увереннее, — прости.

— Что?!

Гратин поймал её взгляд, и тут до него наконец дошло. По глазам — тем более по этим глазам — он читал куда лучше, чем некоторые по страницам ворованных дневников.

— Кесси... — сказал он тихо и тоже закусил губу. Кесси не хотелось отпускать. Тем более сейчас. И совсем не хотелось делать то, что было нужно им обоим, вот так, по зову природы, но в то же время сопротивляться происходящему не было сил. — Кесси... — он прокашлялся, — если нужно, я могу помочь. Я, конечно, не твой муж...

Кесси взвыла. Её окончательно вело. Руки сами скользнули Гратину на бока и забрались под свитер. Кожа у того была гладкой и тёплой, а под прикосновениями подрагивала легко-легко.

— Уйди, — прошептала она, не поднимая лба с плеча Гратина. Тот тяжело дышал. Он искренне попытался выполнить приказ, но когда пальцы Кесси переместились выше и добрались до мышц у самых лопаток, тоже тихонько взвыл и, наклонившись к шее Кесси, прикусил кожу там, где смог дотянуться.

Кесси пискнула и плотнее прижалась к нему. Гратин почувствовал, как к его паху прижимается упругое бедро — Кесси была высокой, так что роста они были одного, только та была заметно уже в плечах и тоньше в талии.

— Кесси... — прошептал он.

Одеяло распуталось и слетело на пол необыкновенно легко, так что Гратин только охнул, почувствовав абсолютно обнажённое тело в своих руках.

Пальцы его заскользили по тонкой, нежной, как шелк, коже, по пояснице, по бокам, по бёдрам... С опаской коснулись ягодиц, и только когда Кесси выгнулась и с протяжным стоном прижалась к нему ещё тесней, сжали их изо всех сил.

— Кесси... — прошептал он. Всё происходящее было как сон. Кесси судорожными движениями пыталась стащить с него свитер, а Гратин всё никак не мог оставить в покое мягкие округлости. Потом поддался, наконец, и обнаружил, что губы Кесси скользят по его плечу, вычерчивая цепочки поцелуев. «Это всё инстинкт», — промелькнуло где-то на грани сознания и тут же погасло. Кесси была такой сладкой, какой он мог представлять её только в своих снах, и такой гибкой, о какой можно было только мечтать.

Никто из них не заметил, как они оказались в спальне. Куда делись джинсы Гратина, тоже осталось для обоих секретом — потом их пришлось довольно долго искать.

ГЛАВА 16

Юрген Розенкрейцер перелистнул последнюю страницу договора и устало потёр глаза. Юриспруденция никогда не была его коньком, но он подозревал, что нужно начинать разбираться в происходящем — за прошедшие полгода его кидали уже дважды, и с этим надо было кончать.

Тогда, шесть месяцев назад, его жизнь встала с ног на голову и по-прежнему не думала возвращаться в прежнюю позу.

Его отец, Рабан Розенкрейцер, до сих пор лежал в коме, и никто не давал прогнозов, когда он придёт в себя.

Паршивей всего было от того, что Юрген был уверен, что виноват в этом он сам — именно он сидел за штурвалом, и именно он решил заложить этот чёртов вираж. Он не боялся за себя, а о том, что отец может быть не пристёгнут, даже не подумал. Да и сам вираж вышел кривой, крыло задело скалу, и яхта, кувыркаясь, полетела вниз.

После такой аварии нужно было бы радоваться, что они вообще остались живы, и хотя Юрген сказал следователям, что не справился с управлением, на деле он очень чётко осознавал — он был виноват.

Впервые в жизни Юргену было стыдно — стыдно за то, что он совершил и что уже не может изменить. Последнее осознание было страшнее всего, потому что он привык думать, что всё можно исправить. Что его вытащат из тюрьмы, отдадут долги и простят за любой косяк.

Оказалось, что всё не так. Хотел отец простить или нет, теперь он этого сделать попросту не мог.

Юрген не любил об аварии вспоминать — но, тем не менее, вспоминал каждую секунду, которую проводил один. Именно поэтому он с таким напором взялся за работу, которая хоть немного отвлекала его от сумрачных мыслей.

Всё было бы куда проще, если бы рядом с ним был кто-то, кому он мог рассказать обо всём — но у него не было никого.

Юргену казалось, что у него огромное количество друзей — парни из команды, парни из братства и прочие однокурсники... И вот сейчас он обнаружил вдруг, что поговорить о том, что творится у него в голове, не может ни с кем.

Юрген снова перелистнул контракт. Кажется, всё сходилось более или менее, хотя с абсолютной точностью он сказать бы не смог. Дела у фирмы в последние месяцы шли не очень-то, и Юргену приходилось согласиться, что это тоже его вина. Трудно было входить в курс дел с нуля, когда рядом не было отца, который мог бы объяснить что к чему. А ведь он пытался... Это Юрген помнил прекрасно. Заставлял Юргена приходить в этот самый кабинет, усаживал на своё место и, нависая у сына над плечом, водил пальцем по мелким строчкам. Юрген за пальцем не следил — ему было смешно и скучно. Он норовил найти малейший предлог и сбежать.

И вот были Юрген и строчки, и не было отца. И хотя скучно было ничуть не меньше, сбежать было уже нельзя.

Юрген захлопнул папку и нажал на столешнице кнопку вызова референта.

— Клод?

— Слушаю вас.

Ещё полгода назад Юрген не взял бы его на работу ни за что, потому что был уверен, что главное для референта — красивая попка и правильные губки. Но, к своему огромному удивлению, перепробовав троих девочек на этой должности, Юрген внезапно обнаружил, что работа референтом требует ещё многих и многих знаний, которых не было у него самого. Клод стал первой удачной находкой, хотя губки у него и не были ни пухлыми, ни призывными, ни даже женскими — в настоящее время это Юргена интересовало меньше всего, потому что меньше всего его интересовал секс. Клод был тем, кто мог помочь в делах — и это было самым важным.

Тогда, после аварии, какое-то время он не мог успокоиться. Ходил по барам, цепляя разных девиц, но, приведя их в номер и трахнув разок, начинал говорить — об аварии и об отце. Девицы хихикали, от чего хотелось врезать им по башке. Просили трахнуть их ещё раз.

Юрген в конце концов их прогонял, а поняв, что так не добьётся ничего, попросту выкинул бары из

головы. А вместе с барами выкинул из головы и секс.

Он звонил Эрике, потому что если бы кто-то и смог Юргена понять, то это она, — но телефон у Эрики не отвечал. А когда Юрген собрался и приехал к ней домой, то обнаружил, что Эрика съехала, и квартиру её снимает кто-то другой. Они не общались к тому времени уже полгода, и чего-то подобного можно было ожидать, но Юрген всё равно был удивлен.

Теперь, сидя в отцовском кабинете, он не мог избавиться от навязчивого чувства, что больше у него нет никого. Клод замечательно справлялся с работой, но и с ним нельзя было поговорить — просто потому, что Клод был отлично подготовленным референтом и вообще подчиненным и воспринимал всё совсем не так, как он.

Дверь открылась, и Клод в белой рубашке, с рукавами, аккуратно закатанными до локтя, остановился на пороге. Юрген почти физически ощущал, что сам он никогда бы не стоял так — будто робот, готовый выполнить приказ.

— Документы можешь забрать, только ещё раз пересмотри, — Юрген отодвинул стул и встал. — Я еду домой. Попробую немножко поспать.

— Хорошо, — Клод подошёл к столу и, взяв папку, аккуратно её закрыл. — Есть ещё кое-что.

— Что? — Юрген, уже накидывавший на плечи пиджак, искоса посмотрел на него.

— Насколько я понимаю, ваш отец давно ожидал кризиса, связанного с выработкой руды на Андромеде. Шахты иссякли, и если мы не найдём новый источник сырья, то производство скоро встанет.

Юрген поморщился.

— И что собирался делать с этим отец?

— У вашего отца были планы постараться решить этот вопрос с помощью «Maiden Swan». У них достаточно сырьедобывающих объектов, чтобы обеспечить нас ещё на несколько десятков лет.

Губы Юргена сомкнулись в одну тонкую черту.

— «Maiden Swan»... — повторил он по слогам.

Вспоминать об этой фирме он не любил, потому что куда лучше помнил не саму фирму, а её лицо — маленькую девчонку с тонкой чёрной косой.

Юрген не хотел признаваться даже себе в том, что при воспоминании о супруге его охватывал стыд. Кинстон, конечно, не была такой эффектной, как другие леди её возраста, которые посещали его постель, но именно она могла оказаться той, с кем Юрген мог бы поговорить. Юрген не был убежден, что это бы помогло, но, возможно, стоило хотя бы попытаться её понять... Ведь Кассандра много раз прямо и косвенно просила дать ей шанс. Скорее всего, этот брак был неприятен ей так же, как самому Юргену, но она всё же нашла в себе силы попытаться пойти на контакт — а вот Юрген, который имел в таких делах куда больше опыта, без зазрения совести её оттолкнул.

Вспоминать об истории с несостоявшейся супругой было неприятно. Юрген никогда не понимал толком, зачем нужен этот брак, который сделал бы несчастными их обоих. С опозданием до него стало потихоньку доходить, о чём думал отец, и хотя решения его всё равно не одобрял, отлично осознал, что Кассандра-то не была в этой ситуации виновата. Скорее всего, она разбиралась в собственной компании ничуть не больше, чем Юрген — его-то, по крайней мере, пытались обучить фирмой управлять, а Кинстон росла в этом жутком церковном приюте, монастырской школе или как все это лучше назвать... одним словом, в питомнике для благородных девиц, откуда они выходили полными идиотками, умеющими только вышивать.

Если подумать, для питомицы такого приюта она была вполне ничего. Может, надо было просто немного подождать... Посмотреть, как будет вести себя супруга, когда привыкнет к миру вокруг... Но тогда, год назад, Юрген абсолютно не был настроен делать ставку на тёмную лошадку. У него хватало тех, кто мог ублажить его и так. И сейчас, когда прежние отношения показали свою сущность и недолговечность, Юргену пришлось посмотреть на свою семейную жизнь по-другому.

— «Maiden Swan»... — повторил он и поморщился. Никаких идей, как налаживать отношения с партнерами, у Юргена не было. Предпочёл бы не налаживать никак, потому что было стыдно, а к стыду Юрген не привык.

— Это — единственный вариант, — Клод будто бы прочитал его мысли. — Мы уже подавали запрос на передачу нам нескольких горнодобывающих предприятий Кинстонов, но получили отказ.

Юрген замер, глядя в окно. Он не хотел приходить к супруге так. Не хотел начинать разговор с просьбы. Чёрт бы его побрал, он вообще не хотел начинать этот разговор!

— Кто-то должен поехать и провести переговоры.

— С кем? — рассеянно спросил Юрген. — Я даже не знаю, кто управляет «Maiden Swan» в данный момент. Не может же это быть... — он запнулся, вспомнив свою неказистую супругу. Нет, определённо, такая директором не могла быть.

— Говорят, во главе фирмы стоит некая молодая леди.

Сердце Юргена пропустило удар. Он подавил рвущееся из горла: «Нет!», и сквозь шум крови в висках расслышал:

— Её ещё называют «Звездным Лебедем». У неё много поклонников, и она довольно неприступна, но я полагаю, вы могли бы найти с ней общий язык.

Губы Юргена сжались в тонкую нить. Звездный Лебедь... Нет, это не могла быть она. Всё-таки Кинстон назначила кого-то ещё. Впрочем, другая леди...

Юрген качнул головой.

— Бред. Скопище баб управляют компанией. Нет никаких сомнений, что они обанкротятся, если я им не помогу.

Клод хмыкнул.

— Собираетесь поехать туда?

— Да. Надо решить это раз и навсегда.

Юрген взял билет на рейсовый звездолёт — сам он с тех пор за штурвалом не сидел — и уже вечером распаковывал вещи в самой дорогой гостинице. Почему офис «Maiden Swan» переехал сюда, Юрген не совсем понимал — место было глухое, отдалённое от всех экономических центров. К тому же тут жила его мать, и одно это уже делало климат планеты максимально неприятным. Наверное, она с удовольствием бы вцепилась в него и начала досажать нравоучениями. Подобного развития событий помогала как раз избежать гостиница. Но саму планету уже не приходилось выбирать.

Клод поехал с ним — на месте составлять расписание и утрясать внештатные ситуации. И стоило Юргену погрузиться в горячую ванну и с наслаждением вдохнуть пропитавший воздух запах роз, как раздался телефонный звонок.

— Да, — Юрген не глядя ткнул в сенсорную панель на правом бортике ванной.

— Господин Розенкрейцер... Есть возможность сегодня посетить один приём. Она, эта Звездный Лебедь, будет там.

Юрген потянулся.

— А мы не слишком торопимся? — спросил он. — Мне же предстоит её соблазнить. Стоит получше изучить эту хм... леди. Узнать, что она любит... Куда её приглашать...

— Я уже всё узнал. Передам вам на телефон. Просто скажите, да или нет?

Юрген, вопреки обыкновению, колебался. Серьёзных отношений у него не было уже давно — если не сказать никогда. А в последнее время и вообще не было никого.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Пусть подадут аэромобиль. Я жду.

Он нажал отбой и откинулся на бортик ванной.

— Звездный Лебедь... — пробормотал Юрген про себя. Воображение рисовало ему стройную высокую фигуру в обтягивающей блузке и узких высоких сапогах. Он догадывался, что на деле всё, скорее всего, было не так, но всё равно представлял... А ещё, вопреки всякой логике, у Звездного Лебеда в его голове было смутно знакомое Юргену лицо.

ГЛАВА 17

Юрген устроился в укромном уголке, откуда удобно было наблюдать за появлявшимися в зале дамами, и украдкой потягивал шампанское из высокого бокала.

На таких мероприятиях он бывал нечасто — когда отец ещё занимался делами фирмы, Юрген предпочитал тусовки попроще. Теперь же на светскую жизнь времени попросту не оставалось.

Раньше Юрген считал, что легко адаптируется к любым условиям, но сейчас ему пришлось признать, что, несмотря на уроки этикета, которые он посещал наравне со всеми в лётной академии, на этом светском рауте он продолжает чувствовать себя неуютно.

Дамы здесь сплошь были замужними, тела их почти целиком скрывали вечерние платья с высоким воротником. Среди них была парочка симпатичных на лицо, но Юрген с такими уже обжёгся — раньше у него бывали романы и с женщинами постарше, это носило оттенок запретности и потому было особенно сладко, но когда он заменил отца, оказалось, что его бывшие любовницы сохранили о нём не самые лучшие воспоминания — все они откровенно срывали сделки, нащёптывая что-то пакостное своим мужьям.

Наученный горьким опытом, Юрген стал осторожнее. Кое-кто из присутствующих уже поглядывал на него с любопытством, но сам он старательно отводил взгляд, выжидая только одну — ту, кто его всерьёз интересовала.

Вечер тянулся бесконечно долго. Клод стоял в сторонке, не заводя разговор, и явно не собирался его развлекать, так что к девяти часам, когда Клод наконец окликнул его, Юрген уже засыпал:

— Господин Розенкрейцер! — шепнул он и потянул Юргена за рукав. — Идёт!

Юрген сморгнул и резко повернулся ко входу, куда указывал Клод, но не увидел ничего — только какую-то кучку людей, состоящую из нескольких джентльменов разных возрастов, и ещё кого-то высокого и темноволосого, идущего в самой гуще толпы.

— Да где? — мрачно переспросил Юрген.

— Ну вот же, вот! Разве не видите? — Клод не знал, как более чётко показать направление, не тыкая при этом откровенно пальцем в идущих. — Видите ту группу?

— Ну!

— А леди во фраке?

Юрген прищурился. Он действительно мог разглядеть где-то в сердце толпы оттопыренные фалды фрака, но они не заинтересовали его, потому что Юрген посчитал их деталью костюма одного из мужчин.

Группа, заинтересовавшая его, медленно приближалась. По расчетам Юргена она должна была пройти в паре метров от него и двинуться дальше, но до неё ещё оставалось несколько десятков метров, а время от времени процессия замирала к тому же, когда к ней присоединялся очередной джентльмен и принимался раскланиваться с невидимой леди.

Юрген понимал умом, что должен, видимо, так же, как один из этих джентльменов, подойти и для начала хотя бы познакомиться, но всё его существо противилось тому, чтобы занять место в этом ошалелом, гудящем скоплении народа. Нужно было придумать другой выход, но он пока не мог определить какой.

— Это точно она? — спросил Юрген, не поворачиваясь к Клоду, хотя ответ и не был нужен — да, это была она.

— Конечно, она. Прислушайтесь к звукам толпы.

В самом деле — толпа, не та, что образовалась вокруг идущей, а та, что расступалась перед ней, тихонько гудела, и в шуме десятков голосов можно было угадать многократно повторённое: «Лебедь...», «Лебедь?», «Лебедь!».

Юрген скрипнул зубами. Такое внимание начинало его раздражать — он понятия не имел почему. В этот момент процессия поравнялась с ними. С такого расстояния Юрген мог различить голоса:

— А вы не боитесь?

Довольно высокий, мелодичный смех в ответ.

— Чего мне бояться? Я эту ставку не сделаю никогда.

Джентльмен, закрывавший собой ту, что смеялась, наконец отошёл чуть в сторону, и Юрген замер, рассматривая белоснежное, неземное в своей правильности и прозрачности лицо.

Юрген встречал разных женщин и любил тоже разных. Но всех их объединяло между собой одно — они были живыми, человеческими, любили веселье и улыбались всему, что он говорил.

Эта дама не имела с ними ничего общего — Юрген понял это с первого взгляда и на секунду испытал даже желание отступить, уйти. Не потому что не хотел бы видеть её рядом с собой, а потому что боялся, что здесь ему будет нечего предъявить. Он тут же со злостью отогнал нелепую мысль.

Гостя уже миновала его, но перед глазами Юргена всё ещё стояло бледное лицо и огромные чёрные глаза в обрамлении длинных ресниц, будто два провала в звёздное небо. Его затягивало в них даже сейчас.

— Что вы решили, господин Розенкрейцер?

Юрген тряхнул головой.

— Клод, уйди, — буркнул он. Думать о поставках сырья не хотелось совсем. Он будто плыл в какой-то странной эйфории, не понимая, кто он, где находится и зачем.

Клод попытался вставить что-то ещё, но Юрген отодвинул его в сторону и решительно двинулся к этой группе. Так же беспардонно раздвинул их и направился прямо к женщине, ставшей сердцем этого сборища. Та замолкла на полуслове при виде его.

— Не хотите ли потанцевать? — спросил он, глядя прямо в глаза своей визави и улыбаясь той самой улыбкой, которая никогда не давала сбой.

Лебедь смотрела на него. Без эмоций, расширившимися до невозможной величины зрачками. Что-то в ней будто сломалось. Та лёгкость, с которой она говорила только что с окружившими её мужчинами, исчезла как ни бывало. Она явно не могла подобрать слов, и Юрген улыбнулся ещё шире, приняв это за результат своего обаяния.

— Зачем? — произнесла все-таки та, голос её чуть охрип.

Юрген надломил бровь.

— Потому что танец — это прекрасный ритуал, в котором джентльмен и его леди могут стать ближе друг к другу на шаг.

По толпе прошёл недовольный гул. Похоже, странная красавица не танцевала, и Юрген мысленно отвесил себе оплеуху — стоило сначала посмотреть файлы, которые прислал Клод, а потом уже строить из себя светского льва.

— Впрочем... — он уже готовился предложить что-нибудь ещё, когда дама во фраке перебила его:

— Хорошо.

Юрген выдохнул с облегчением. На его запястье легла тонкая кисть с длинными пальцами, и под прицелом десятка недовольных глаз Юрген неторопливо повёл партнёршу к танцевальному залу. Его собственное сердце выскакивало из груди, как никогда, одна мысль о том, что рука этой женщины касается его руки, сводила Юргена с ума, хотя, казалось бы, он пробовал множество куда более откровенных ласк.

Лебедь развернулась и положила другую руку Юргену на плечо. Она держалась в отдалении, как предписывал этикет, но танцевала хорошо и легко отзывалась на каждое движение, будто заранее предугадывала его.

Звуки вальса стихли, а Юрген остался стоять неподвижно, вглядываясь в замершее перед ним лицо.

— Мне пора, — напомнила Лебедь, но пальцев с плеча Юргена не убрала.

— Может, выйдем на балкон?

Его партнерша, кажется, колебалась, но после недолгой паузы кивнула. Развернулась к балкону и сама первой двинулась вперёд.

На балконе было прохладно и пахло молодой травой — здесь начиналась весна.

Лебедь подошла к фигурному парапету и облокотилась о него, не глядя на спутника, оставшегося позади.

— Вы очень красивы, — произнёс с улыбкой Юрген. — Самая красивая из тех, кого я видел сегодня здесь.

— Да, мне уже говорили, — произнесла его собеседница рассеянно и немного грустно.

Юрген задумался. Эта женщина к вниманию явно привыкла, и нужно было заходить с другой стороны. Чего обычно не хватало таким избалованным богачкам? Его опыт тут же подсказал ему ответ на этот вопрос.

Юрген подошёл к парапету и, опершись о него бедром, попытался заглянуть спутнице в глаза.

— Почему вы так печальны?

Лебедь лишь слегка отвернулась, давая понять, что не желает продолжать разговор, но Юрген решил надавить ещё.

— Я вас понимаю, здесь много людей, но по сути... По сути не с кем поговорить. Некого подпустить к себе. Каждый думает только о той выгоде, которую может получить.

Лебедь перевела взгляд на него и задумчиво произнесла:

— Да, это так. Но что ещё ждать от людей?

— Не знаю, — Юрген пожал плечами. Он повернулся к парку спиной и, присев на парапет, запрокинул голову назад, вглядываясь в звёздное небо. — Иногда хочется поговорить с кем-то... по-настоящему. Не пытаюсь строить из себя ничего.

Губы Лебеда надломило подобие улыбки, она хотела ответить, но передумала и только усмехнулась.

— А иногда — просто сбежать отсюда, — продолжил Юрген, так и не дождавшись ответа. — Туда, — он указал на небо кивком, — где только бесконечный простор и свобода, — он замолк на секунду. — Мне показалось, я падаю туда, в небо, когда я увидел ваши глаза.

Лебедь какое-то время разглядывала его.

— Вы мечтали стать пилотом? — спросила она через некоторое время.

— Да, мечтал.

— Почему не стал?

От Юргена не укрылось, что собеседница перешёл на «ты», но в эту секунду он не ощутил радости победы, только тепло, пробежавшее по спине. Очень давно никто не обращался к нему так.

— Потому что... — Юрген облизнул губы. — Потому что у отца был другой план.

Лебедь не отвечала. На Юргена она не смотрела, но Юрген всё равно чувствовал её рядом с собой, будто касался её.

— Я понимаю, — произнесла Лебедь так же грустно. — Тяжело с самого детства знать, что тебе придется прожить жизнь, выбранную не тобой.

Юрген бросил на неё короткий, жадный взгляд и снова отвернулся к небесам.

— У тебя тоже было так?

Лебедь кивнула.

— Отец хотел, чтобы я закончила монастырскую школу, получила лучший диплом, вступила в брак... С тем, кого выбрал он.

— Ненавижу эти школы, — Юрген усмехнулся неожиданно даже для себя. — Какой идиот придумал запихивать туда девушек?

— Понятия не имею, — согласилась Лебедь в тон ему. — Из того, чему меня учили, мне пригодилось

только умение танцевать — и то сегодня в первый раз.

Юрген улыбнулся краешком губ и посмотрел на неё.

— Так ты не танцуешь обычно?

Лебедь торопливо отвела взгляд.

— Почему согласилась сейчас?

— Захотела! — Лебедь снова с вызовом посмотрела на него, и Юрген вдруг обнаружил, что его спутница совсем ещё молода, хоть и старается выглядеть серьёзной и деловой. Он сам не заметил, как рука его взлетела вверх, и кончики пальцев коснулись щеки Лебеда.

Та замерла, уставившись на него с лёгким испугом и удивлением.

— Никто не касался тебя так?

— Никто не смел, — его собеседница уже справилась с собой и, оттолкнув его руку, отступила на шаг. — Мне не нравится, как ты себя ведёшь. Пожалуй, нам лучше закончить нашу беседу.

Лебедь повернулась и сделала шаг по направлению к двери, но Юрген успел поймать её за локоть.

— Подожди. Может, дашь мне хотя бы шанс?

— Зачем? — во взгляде Лебеда промелькнула насмешка.

— Ну... Например, потому что нам обоим не с кем поговорить.

Лебедь вскинула бровь.

— У меня нет таких проблем.

— Я не верю тебе. Ты так же одинока, как и я.

— Если и так — зачем мне вдруг сближаться с тобой? Вокруг хватает других мужчин.

Юрген оторопело смотрел ей в глаза. Может, он и ошибся — Юрген запаниковал. Он точно должен был сейчас её удержать.

— Я отпущу тебя, — сказал он, пустив в ход все свое обаяние, — если ты обещаешь, что мы встретимся ещё раз.

Она тихо рассмеялась.

— Ты хоть знаешь, как меня зовут?

— Нет, ты же мне не сказала.

Лебедь рванулась, ловко высвобождаясь из хватки Юргена, и, направляясь к выходу в зал, бросила:

— Кассандра Кинстон.

Она ускорила шаг и скрылась в дверях, а Юрген остался стоять на балконе, ощущая, как падение в звёздную бездну оборвалось болезненным и шумным ударом о пол.

ГЛАВА 18

Юрген не спал всю ночь.

Он ушёл с приёма сразу же, едва понял, что к Звездному Лебедю ему больше не пробиться — хотя пытался Юрген и так и сяк, но леди Кинстон от него каждую минуту отделял какой-то мужчина. Кассандра, как казалось Юргену, кокетничала со всеми подряд — по крайней мере, каждому она пожимала руку, улыбалась уголками губ и будто специально приподнимала ресницы чуть-чуть, отчего Юргену хотелось схватить ее и вырвать из чужих лап. Сейчас, когда он знал, что под именем Звездного Лебеда скрывается его супруга, толпа мужчин раздражала Юргена до невозможности, но поделаться он ничего не мог.

Выбравшись с осточертевшего ему торжества, даже повода которого Юрген не удосужился спросить, Розенкрейцер юркнул на заднее сидение аэромобиля и залез в видеофон.

Юрген тихо чертыхнулся. Клод прислал ему не только имя так называемого Лебеда, но и всю информацию вплоть до марки зубной пасты, которую она предпочитала. «Маленький поганец, — решил Юрген, — знал всё с самого начала». Почему Клод ничего не сказал, Юрген не стал выяснять. Вместо этого он открыл окошко машины, извлёк из кармана пачку сигарет и закурил.

Снаружи было прохладно. Лёгкий ветерок забегал в салон и касался его кожи — так же невесомо, как могла бы касаться рука девушки.

Поймав себя на этой мысли, Юрген стремительно покачал головой. О девушках он не мечтал уже давно — если не сказать, никогда. Да и сейчас, произнося про себя «девушка», он обнаружил, что имеет в виду вполне конкретную, одну. Другие же лица женского пола для него будто бы перестали существовать.

Юрген снова потряс головой и попытался сложить воедино все те события, что произошли сегодня, и то, что ему было известно о Кассандре до сих пор.

Нет, это просто не могла быть она... Куда вероятнее было бы предположить, что Кассандра кого-то наняла представлять себя на подобных раутах... Да, это было куда более похоже на неё. В конце концов, Юргену говорили, что Кинстон умна. Наверняка она сделала бы именно так.

Юрген торопливо набрал номер Клода и приказал:

— Можешь скинуть мне фото этого Лебеда?

— Конечно, а...

— Надо, — Юрген нажал отбой. Он хотел выяснить всё сам.

Фото пришло через пару секунд. Юрген ввёл его в поиск и в изнеможении сполз ниже по сиденью. Да. Если верить поисковикам, это в самом деле была Кинстон.

Юрген потёр пальцами висок. Затем вышел из машины и, привалившись к капоту, снова закурил. Он ждал. И Кинстон не заставила ждать слишком долго — время едва перевалило за полночь, когда её высокая фигура в чёрном плаще показалась в дверях. Теперь она снова была похожа на себя — изменилась причёска, не было очков, но художавую фигуру точно так же укутывала тёмная ткань, плечи были слегка ссутулены, а ноги двигались вперёд широкими шагами, несвойственными воспитанным леди.

— Кесси! — кликнул её Юрген и тут же понял, что промахнулся.

Кинстон остановилась на секунду, в упор посмотрела на него и подалась назад.

— Кесси, постой, я просто хочу поговорить!

Кассандра замерла. В тусклом свете уличных фонарей едва заметно было, как пляшут на её щеках желваки.

— Я не хочу говорить с тобой, — сказала она наконец.

— Я понимаю. Я был не прав. Но если ты дашь мне шанс...

— Ты мне его дал?

Юрген замолчал. Всего на пару секунд он растерялся, не в силах подобрать слова и чувствуя вину. Юрген заметил, как Кесси сжала кулаки и приготовился к тому, что та сейчас выскажет ему всё: это было даже хорошо, это играло на руку Юргену... Но Кесси лишь скользнула мимо него в

темноту и быстро-быстро зашагала прочь.

— Кесси! — окликнул её Юрген ещё раз, когда та уже остановилась и коснулась неожиданно тонкими и длинными пальцами дверцы аэромобиля.

Кесси замерла на секунду, а потом подняла на него взгляд равнодушных глаз.

— Не называй меня так. Это только для друзей.

— Тогда как мне тебя звать?

— Как и раньше. Кинстон.

Дверца хлопнула, и аэромобиль с шумным выдохом поднялся над землёй.

Всего секунду Юрген стоял неподвижно, а затем бросился к своему авто и, нырнув на заднее сидение, приказал:

— За ней!

Юргену казалось, что машина ползёт медленно. Слишком медленно. Что они вот-вот потеряют серебристый флаер, мелькающий вдаль, из вида. Но водитель был мастером своего дела. Он затормозил у одного из небоскрёбов в гуще других машин, откуда Юрген отлично видел, как Кассандра выбирается на тротуар. Он думал, что та направится прямо домой, но не угадал — Кесси двинулась ко входу какого-то магазина и надолго там пропала.

Минут десять Юрген елозил по сидению в ожидании, когда его супруга снова появится на улице. Он уже собирался выйти и идти следом за ней, когда увидел, как Кесси выбирается из магазина с сумками, набитыми какой-то едой, и огромным оранжевым медведем под мышкой.

Юрген почувствовал, как у него отвисает челюсть.

— Ребёнок... — прошептал он.

Юрген хлопнул себя ладонью по лбу и застонал. Эта очевидная мысль не приходила ему в голову до сих пор, потому что тогда, год назад, он хотел попросту избавиться от навязчивого внимания родителей и нежеланной супруги. Пролистал файлы и обнаружил, что ребёнок — это мальчик. Сын.

— У меня есть сын... — сам не заметив, что опять говорит вслух, почти простонал он.

Он и сейчас не был уверен, что готов иметь детей, но всё же от мысли о том, что где-то тут, в городе, есть маленький мальчик, его плоть и кровь, в сердце у Юргена разливалось незнакомое тепло.

Он зажмурился и наверняка пропустил бы момент, когда машина Кассандры отделилась от тротуара и двинулась вверх, если бы сидел за рулём сам.

— На кой чёрт ей ночью еда и медведь? — задался вопросом Юрген, продолжая говорить сам с собой.

— Так сами же сказали — сын, — услышал он вдруг голос водителя, разрезавший тишину.

Юрген не разговаривал с персоналом никогда. Исключением был разве что Клод, который подавал ему неплохие идеи иногда. Все остальные представлялись ему декорациями, которые лишь выполняли его приказы, и всё.

Сейчас же он посмотрел на человека, сидевшего за рулём, так, будто видел его в первый раз.

— Что? — спросил он.

— Детям всё равно — ночь или день, — пояснил тот, бросив на него косой взгляд через зеркало заднего вида. — Малыш хочет, чтобы мама пришла и принесла ему что-нибудь, — он замолк на секунду, а потом продолжил уже тише и как-то застенчиво, будто извиняясь. — Я тоже всегда несу, даже если до зарплаты далеко. Лучше подброшу кого-то и за сотку и попозже приду, но шоколадку принесу. Он же, ну... Как вам сказать... — водитель стушевался и окончательно замолк.

Юрген в прострации уставился на него. Он понимал и не понимал в одно и то же время.

— Вы извините, что я это... Не на служебной, конечно... — торопливо добавил шофёр.

— Проехали, — Юрген снова прикрыл глаза рукой. — Следуй за ней.

Водитель осторожно вёл машину вдоль шоссе. В отличие от Юргена, он всё — или почти всё —

прекрасно понимал. Разве что не знал имён.

Наконец, машина остановилась второй раз, и Кинстон снова вышла наружу. В этот раз уже она вошла в дом, а Юрген продолжал сидеть, размышляя, что делать. В голове его уже начинал складываться план.

— Подождёшь до утра? — спросил он водителя. Было почему-то неудобно просить о подобном после того короткого обмена фразами, который между ними произошёл.

— Как скажете, — шофёр выключил мотор.

Юрген всё-таки уснул. Проснулся он оттого, что солнечный лучик ковырял кончиком боковое стекло и норовил забраться ему в глаз. Солнышко припекало по-весеннему, хоть и чувствовалось, что за окнами по-прежнему холодно — прохожие старательно кутались в пальто.

Юрген зевнул и потянулся, но тут же замер, уткнувшись локтями в потолок. Огляделся по сторонам, соображая, куда же он попал.

В салоне он был один. На соседнем сидении тихонько пиликал почти разрядившийся телефон.

Юрген взял его в ладонь и, продолжая зевать, провёл по экрану. Звонили двенадцать раз — и все двенадцать раз Клод. Юрген нажал «ответить» и поднёс к уху телефон.

— Господин Розенкрейцер? — услышал он взволнованный голос на другом конце линии. — С вами всё хорошо?

— Всё, — Юрген зевнул в очередной раз. — Клод, поменяй мне билеты, я сегодня назад не полечу.

— Нашли контакт, да?

— Нет. Но всё может быть, — Юргену почему-то стало неуютно от факта, что он обсуждает происходящее с Клодом, который явно по-прежнему видел в его Кесси только источник сырьё.

У самого Юргена, когда он мысленно произносил это имя, в груди будто бы распускался цветок. «Моя Кесси», — повторил он и улыбнулся, хотя радоваться, в общем-то, было нечему, и он это осознал со всей четкостью.

Вчерашняя ночь казалась сном, а женщина, краем силуэта проступающая из темноты — прекрасной птицей со сломанным крылом. Юрген сейчас отчётливо различал в её взгляде этот излом и всё больше приходил к выводу, что виноват в этом сам.

Юрген вздохнул и нажал отбой. Затем ещё раз пролистал ту информацию, которую накануне Клод прислал ему на телефон. Кесси почти весь день проводила в офисе — значит, должна была уехать туда часов в девять утра. Ребёнок оставался с няней, с кем же еще. На этом и строился весь план — Юрген был уверен, что ребёнку было бы лучше с отцом. А няню, если она была женщиной — а почти все няни были ими — было бы легко уговорить, всё объяснить. Ведь она-то не питала к Юргену никаких чувств.

Юрген выждал на всякий случай ещё полчаса. Машины Кассандры у дома видно не было, как не было видно и её самой.

За это время его собственный водитель вернулся с двумя пластиковыми стаканами кофе и поинтересовался, что дальше собирается делать господин Розенкрейцер. Юрген выпил кофе, выбрался наружу, одёрнул пальто и водителя отпустил, а сам стал подниматься вверх. Номера квартиры он не знал, но установить его оказалось довольно легко — на почтовых ящиках были фамилии жильцов.

Юрген поднялся на нужный этаж, ещё раз оправил одежду и позвонил в дверь.

Внутри послышался негромкий топот и пронзительный плач, пробравший Юргена до костей, а затем дверь распахнулась, и Юрген увидел перед собой невысокого парня с рыжими волосами.

Это была неприятная неожиданность. Общаться с подобными парнями Юрген не любил никогда и о том, что они тоже иногда становятся нянями, как-то не подумал.

— М. Ритте Зайнен? — произнёс Юрген машинально. Инициалы и фамилию няни он абсолютно точно знал, оставалось жалеть, что в документах не указывают пол.

— Не совсем. Меня зовут Гратин. Гратин Рено. А вы... кто?

— Вы заменяете няню?

— Не совсем. И я спросил вас: вы кто?

Юрген начинал ощущать исходящее от парня напряжение, и это тоже было странно, как и всё остальное, что произошло с ним за последний день, потому что до сих пор ни один из наемного персонала не решался ему возражать.

Из комнаты снова послышался тихий всхлип, и оба мужчины вздрогнули. Гратин инстинктивно повернул голову на звук, и Юрген решил воспользоваться ситуацией — беззвучно и молниеносно он пошёл на прорыв.

Гратин успел выставить руку ему наперерез, но Розенкрейцер был крупнее.

— Какого чёрта? — возмутился Гратин, пытаясь вытолкать Юргена обратно на лестничную клетку, без особого, впрочем, успеха.

— Уйди, там мой сын!

Гратин даже замешкался на секунду, но ощутимого перевеса Юргену это не дало — он хотел за это мгновение прижать противника спиной к стене, но это ему не удалось.

— Вон оно что! — выдохнул «няня».

Что произошло потом, Юрген так и не понял до конца. Раздался хлопок, плеснуло перед глазами красным, где-то под ребром бултыхнулась боль и, сумев лишь прошептать напоследок:

— Да кто ты такой... — Юрген провалился в темноту.

ГЛАВА 19

— Да кто ты такой, чтобы... — Кассандра задохнулась, не зная, как продолжить, что в последнее время бывало с ней не часто.

Гратин смотрел на неё спокойно, будто не к нему относились произнесённые только что слова.

Кассандра перестала наконец ходить по коридору из стороны в сторону и замерла, так же упрямо уставившись на него.

— Откуда вообще в моём доме взялся пистолет? — спросила она строго.

Губы Гратина дрогнули, но взгляда он не отвёл.

— Ты сама сказала, что ребёнка нужно защитить, что бы ни произошло.

— Я не говорила стрелять во всех, кто заходит в дом! — Кинстон врезала кулаком по столу так, что пачка регистрационных карточек разлетелась на разрозненные листки.

Гратин поджал губы. Секунду он раздумывал, а когда собирался что-то ответить, из палаты появилась худенькая медсестричка в белом халате и, остановившись около Кесси, обратилась к ней:

— Он приходит в себя. Желаете поговорить?

— Да, — почти крикнула Кесси и направилась к двери. Затем замерла и метнула короткий взгляд на Гратина, не решаясь оставить его одного.

— Не волнуйся, — произнес тот сухо, — я уже уйду.

— Гратин... — Кассандра постаралась, чтобы ее голос звучал спокойнее и, снова повернувшись к нему, попыталась поймать его за ладонь, но не смогла.

— Я понял всё, леди Кинстон, — Гратин отвёл в сторону взгляд.

— Гратин, ну ты что!

— Друг сделал своё дело, друг может уходить.

Гратин рванул руку, которую Кассандре всё-таки удалось поймать, и торопливо двинулся к лестнице на первый этаж.

Кесси проводила его рассерженным взглядом. Что надо сделать — она не представляла. Гратина она понимала. Она сама чувствовала себя точно так же год назад — лишней в доме, где ей предстояло прожить всю жизнь. Но при этом Кесси оставалась при своём — что бы там ни произошло, это был не повод стрелять, пока в квартире находится малыш.

— Леди Кинстон! — окликнула ее медсестра.

Кесси кивнула собственным мыслям и зашагала к двери.

В палате было прохладно и пахло лекарствами. В просторном окне без занавесок проплывало ещё холодное, но уже яркое мартовское солнце.

Кесси отвела взгляд от окна и сосредоточилась на мужчине, лежавшем перед ней.

Юрген... Юрген сильно сдал, если можно так сказать. Кесси заметила это ещё до того, как Розенкрейцер оказался под присмотром врачей.

Он похудел, будто бы осунулся, глаза его запали, а шрам стал резче. Впрочем, и теперь он оставался таким же красавцем, как и год назад.

Кесси поджала губы, чтобы скрыть подступивший к горлу вздох. Гратин не понимал. Наверное, "друг" в самом деле не мог этого понять. А может, дело было не в мужьях и не в друзьях, а в одинокой девочке, всю жизнь проведшей под замком. Тайно под подушкой листавшей журналы с фотографиями Юргена Розенкрейцера.

Юрген открыл глаза. Чёрные, как ночь.

Секунду смотрел на Кесси, видимо, пытаясь осознать, кто перед ним, а потом произнёс:

— Привет, — и попытался сглотнуть.

— Привет, — подтвердила Кассандра и подошла ближе к нему. Хотела опуститься на край кровати, но передумала.

— Что произошло?

— В тебя... стреляли.

— Полиция в курсе? Кто?

Кассандра облизнула губы, подбирая слова.

— Ты пытался вломиться в мою квартиру, — сообщила она.

— Нет! Я не...

— Да. И в тебя стрелял мой друг.

Наступила тишина. Оба напряжённо смотрели друг на друга. Потом Юрген протянул:

— Вот оно что...

— Да. И если ты не хочешь, чтобы я сама заявила в полицию...

— Стоп-стоп-стоп! — глаза Юргена блеснули, и на губах заиграла улыбка. — Если ты, — он сделал ударение на слове «ты», — не хочешь, чтобы я заявил, ты будешь делать так, как я скажу.

Кесси сжала зубы и с шумом выпустила воздух сквозь них. Юрген, казавшийся таким идеальным во сне, с первой же секунды бодрствования начинал её бесить. Так, как не бесил ни один мужчина в ее окружении.

— Ты ничего не получишь от меня! — процедила Кинстон. — Я знаю, зачем ты приехал. Но заводы тебе не отдам.

— Знаешь! — Юрген откинулся на подушки и насмешливо приподнял бровь. — Вот как! Нихрена ты не знаешь, дражайшая супруга!

Кесси скрипнула зубами.

— Не смей называть меня так!

— Но это так! — Юрген торжествующе улыбнулся.

— Хочешь, чтобы я подала на развод?

— Я никогда тебе его не дам.

Кесси снова сжала зубы и упрямо уставилась на него.

— Ты самый невыносимый мужчина, — выдала она наконец, — которого я когда-либо знала.

Улыбка Юргена стала самодовольной.

— Посмотрим, в самом ли деле это так.

Он расслабился, будто сытый кот, наблюдая за Кесси, даже чуть прикрыл глаза.

— Чего тебе надо от меня? — спросила Кесси наконец.

Юрген осторожно приоткрыл один глаз. Потом облокотился о матрас и попытался сесть, но тут же скривился от боли.

Кесси вздохнула и, придвинувшись ближе, приобняла его за пояс и усадила ровно. Помогая ей, Юрген тоже опустил ладонь Кесси на поясницу, но когда оказался в вертикальном положении, руки так и не убрал, только осторожно пошевелил пальцами, будто поглаживая тонкую спину.

— Не делай так, — тихо попросила Кесси, но отодвигаться не стала.

— Хорошо, — согласился Юрген, но так и не шевельнулся.

Наступила тишина. Оба угрюмо рассматривали друг друга, и каждый думал о своём, и в то же время оба думали об одном и том же.

Юрген думал о том, почему он раньше не видел этих огромных чёрных глаз, в которых так легко

утонуть.

Кесси думала о том, почему она не родилась такой же, как все женщины, почему не смогла разобраться в себе раньше и почему теперь любой мужчина, которого она могла бы пожелать, легко согласился бы принадлежать ей, но того единственного, которого она в самом деле хотела получить, она уже потеряла.

— Чего ты хочешь? — спросила Кесси, едва расслышав собственный голос сквозь шум крови в ушах. Затем повторила уже громче: — Чего ты хочешь от меня?

Юрген моргнул. Чуть отодвинулся, обнаружив вдруг, что находится к Кесси так близко, что чувствует её дыхание на своей щеке, и произнёс:

— Я хочу, чтобы ты дала мне шанс.

Кесси какое-то время молчала, и Юрген продолжил:

— Я многое сделал не так. Но я хочу попробовать ещё раз.

Кесси зажмурилась, чтобы случайно не поймать его взгляд. Как бы ни хотелось поверить в слова Юргена, она отлично чувствовала фальшь. Юрген что-то хотел от неё. Как тогда, в ночь посвящения, и потом, в день свадьбы. И стоило Юргену это получить, как он снова стал бы самим собой.

— Один вечер, — произнёс Юрген тем временем. — Одно свидание, Кассандра.

— Одно свидание — и что?

— Ты проведёшь его со мной. И если потом ты захочешь уйти, я больше не буду удерживать тебя.

Кассандра отрицательно помахала пальцем. Юрген ждал.

— Нет, — не согласилась она. — Не так. Один вечер. И если я не захочу остаться с тобой, ты не просто не станешь писать заявление, ты ещё и дашь мне развод.

Юрген замолк на секунду, а потом сказал:

— Хорошо.

— Хорошо? — Кесси открыла глаза и немного обиженно посмотрела на него.

— Да, хорошо. Лучше так, чем никак.

Кассандра горько усмехнулась и встала. Несмотря на то, что её потери по итогам торгов были невелики, она почему-то чувствовала себя обманутой.

На негнувшихся ногах она прошла к двери и спустилась на первый этаж, а затем завернула в небольшое кафе — выпить чашку чая и привести мысли в порядок.

Едва шагнув через порог, она увидела Гратина — мрачного, как туча, в самом дальнем углу и, предупредив официанта, пошла к нему.

— Привет, — проронила Кесси, опускаясь на стул напротив.

Гратин окинул её тяжёлым взглядом, но ответа она так и не дождалась.

Всё так же молча они сидели, пока официант не принёс заказ. И только потом, когда на столе перед Кесси оказалась чашка чая, она сделала глоток и тихонько попросила:

— Прекрати.

Гратин поднял бровь и посмотрел на неё.

— Я не делаю ничего.

Снова наступила тишина.

— Гратин... — начала Кесси осторожно. — Мне важно, чтобы ты понял меня.

Она сделала паузу, но поскольку Гратин ничего не ответил, продолжала:

— Я всю жизнь о нём мечтала.

— Я виж...

— Подожди, — Кесси облизнула губы. — Мне было лет пять, когда я узнала, что стану его супругой. И поначалу... Я не была рада. Но человек привыкает ко всему. И я стала думать, что, может быть, это хорошо? Я росла неказистой, никому не нужной уродиной среди десятков красивых, холёных девушек. Но у меня было то, чего не было ни у кого из них — моим женихом был Юрген Розенкрейцер, один из самых шикарных молодых людей в обозримых мирах. Можешь ли себе представить, даже Донна... Когда она узнала, она стала завидовать мне. А ведь мне не завидовал никто. Никто... Знаешь, как иногда хочется вызвать зависть хоть у кого-нибудь?..

— Знаю.

Кесси щелкнула пальцами.

— Это была мечта. Как в сказке. Он прилетит за мной на белом звездолёте и увезёт с собой. А потом... — Кесси зажмурилась и потеряла висок, отгоняя подступившие к глазам слёзы. — Он прилетел. И всё.

Опять воцарилась тишина. Гратин молча смотрел в собственную чашку с кофе какое-то время, а потом поморщился и сделал глоток. Он собирался ответить после этого, но Кесси снова заговорила сама.

— Я была для него такой же неказистой бестолковой дурнушкой, как и для всех. Можешь себе представить? Можешь понять?

Гратин снова хотел ответить, но не успел.

— А теперь он влюбился в меня. Кажется, даже всерьёз...

— Увидев один раз? — ядовито заметил Гратин.

Кесси пожала плечами.

— А сколько нужно раз?

Гратин побарабанил пальцами по столу.

— Понимаю я всё, — буркнул он и сделал ещё один большой глоток, опустошая чашку до дна. — Он, наверное, твой истинный, да?

— Нет! Не знаю. Не думаю. Я...

Гратин встал. Наклонился к Кесси и, двумя руками приподняв её лицо, осторожно поцеловал в лоб.

— Счастья тебе.

Не говоря больше ни слова, он двинулся к выходу, а Кесси осталась сидеть, сжимая кулаки и силясь понять, что же делать, чтобы не утонуть в накатившей тоске.

Вечером Гратин не позвонил, и в каком-то смысле Кесси была этому рада — говорить с ним накануне встречи с Юргеном она не хотела.

Она без всякой охоты открыла шкаф, раздумывая, что надеть, и тут взгляд её упал на старый чёрный балахон. Впервые за сегодняшний день Кесси улыбнулась — холодно и зло. Решительно сняв мантию с вешалки, она накинула её на плечи и подошла к зеркалу. Смотрелось ничего, и потому Кесси подёргала ворот туда-сюда, пытаясь вспомнить, как же он раньше лежал. Затем несколькими привычными движениями она заплела волосы в косу, обулась в первые попавшиеся ботинки и потопала к выходу.

Юрген ждал её у подъезда — он был великолепен, как всегда, и уже вполне здоров.

Кесси не была уверена, но ей показалось, что при виде её Юрген замер на секунду, но поскольку тот так ничего и не произнёс, Кесси решила поинтересоваться:

— Как я выгляжу?

— Очень хорошо, — Юрген улыбнулся.

Кесси прокашлялась и окинула взглядом сверху самую себя.

Юрген молча отошёл в сторону и открыл перед ней дверцу машины. Продолжая подозревать подвох, Кассандра забралась внутрь и села.

Юрген обошёл машину с другой стороны и опустился на сиденье рядом.

— Ты не за рулём? — спросила Кесси с удивлением. Сколько она ни читала про Юргена, везде говорилось, что он не терпит, когда машину ведёт кто-то другой. Впрочем, последний год у неё вообще было мало времени, чтобы читать...

Юрген усмехнулся.

— Всегда думала, что ты отличный пилот... — растерянно пробормотала Кесси.

— И я, — Юрген сидел, не отводя взгляда от её глаз, — пока из-за меня не пострадал один человек.

Кесси поёжилась. Под этим пристальным взглядом ей становилось неуютно.

— Куда мы едем? — полюбопытствовала она.

— В Лунар-Люкс. Ты бывала там?

Кесси покачала головой. Лунар-Люкс был дорогим рестораном — настолько дорогим, что проводить там деловые встречи было моветоном, а в свободное время она вообще в ресторанах не бывала.

— Не боишься, что я подпорчу тебе имидж? — спросила она ядовито.

— Что? — Юрген хлопнул глазами, будто на секунду прозрел.

— Ну, помнишь: «Кассандра Кинстон, ты никуда не пойдёшь со мной, пока не будешь выглядеть как человек!» — передразнила она.

Юрген ничего не ответил, только опустил голову.

Он чувствовал, что должен что-то сказать. Что упускает тот, с таким трудом добытый шанс, но никак не мог подобрать слов. Только не мог наглядеться на чёрные глаза, которые пьянили его лучше любого бренди, и продолжал молчать.

Кесси ему не помогала — и не собиралась помогать. Поняв, что ответа от Юргена она не получит, Кинстон отвернулась к окну и уставилась на ночной город за стеклом. Теперь только Юрген начал потихоньку трезветь.

Он поймал руку Кесси в свою ладонь, поднёс к губам и поцеловал.

Та вздрогнула и вытаращила глаза.

— Это что? — недоумённо осведомилась она.

— Мне всегда очень нравились твои руки, — проговорил Юрген, и Кесси вдруг невыносимо захотелось ударить его за эту ложь, но она только стиснула зубы и промолчала.

Юрген поцеловал тонкие пальцы ещё раз. Затем ладонь. Двинулся выше, пока не наткнулся на чёрный поношенный рукав.

Кесси вдруг стало неуютно. Она выдернула руку и, пользуясь тем, что машина остановилась, поспешила выйти на асфальт.

Они прошли в помещение ресторана, выбрали столик и сели, но не изменилось ничего. Юрген проклинал себя. Ещё сутки назад, когда он не знал, что перед ним Кассандра, он говорил с незнакомой дамой свободно, как с любой другой — а сейчас у него будто бы язык отнялся, он не мог вспомнить ни слова. Не мог даже предположить, о чём Кассандре может быть интересно поговорить.

Он молча помешивал ложечкой в тарелке томатный суп и будто бы ждал чего-то, но дожидаться никак не мог.

— Ты моя супруга, — сказал он наконец. — Это так трудно представить...

— А уж мне-то как... — буркнула Кассандра. Она хотела добавить что-то ещё, но не успела, потому что у Юргена зазвонил телефон. Тот покосился на аппарат и хотел было нажать отбой. Затем увидел на экране фото Клода и передумал.

— Извини, — пробормотал он и, выйдя из-за стола, подошёл к окну. Провёл кончиком пальца по экрану и прошипел: — Что?

— Господин Розенкрейцер? У вас всё хорошо?

Юрген растерялся, но произнёс:

— Вроде того.

— Вы уверены, что справитесь без меня?

— Что ты имеешь в виду?

У меня появился запасной план.

— Что? — Юрген оглянулся на столик, за которым сидела Кесси, и заметил, что официант выставляет очередную порцию напитков на стол. — Говори быстрее, Клод. Время идёт.

— Сейчас леди Кинстон принесут комплимент — коктейль Дю-Солей.

— Ну... — Юрген, приглядевшись, даже смог разглядеть этот коктейль, голубой, в высоком стакане, он стоял у самых кончиков пальцев Кассандры.

— В нём сыворотка, которая ускоряет цикл.

— Что? — рявкнул Юрген, игнорируя то, что несколько ближайших посетителей посмотрело на него.

Кесси тем временем, ни на что не обращая внимания, придвинула к себе коктейль и приложила трубочку к губам.

— У вас будет около получаса, чтобы довести её до ближайшей гостиницы. Затем у вашей супруги придет время зова и...

Дослушивать Юрген не стал. Моментально нажав сброс, метнулся к столу и, вырвав у Кассандры полупустой бокал, разбил о пол. Та изумленно посмотрела на него.

— Ты что?

— Ничего, — выдохнул Юрген и, наклонившись к ней, присмотрелся. Ничего. — Ты не чувствуешь ничего?

Кесси ничего не понимала. Она всё так же недоумённо смотрела на супруга, когда тот отсчитал несколько купюр, бросил на стол и, взяв её за запястье, потянул вверх.

— Пойдём. Я отвезу тебя домой.

— Юрген, но...

Юрген не дал ей договорить, без слов потащил к выходу и, запихнув в автомобиль, приказал ехать назад. Кесси обиделась. Всю дорогу домой она сидела скрючившись и смотрела в окно, хотя в какой-то момент ей уже и показалось было, что она смогла бы найти с Юргеном общий язык.

Несмотря на это, Юрген проводил её до двери. Он уже видел первые признаки желания — затуманившееся глаза, пробегающий по губам язык, от которого с трудом мог владеть собой, когда дверь наконец захлопнулась.

Юрген сбежал по ступенькам вниз и, прислонившись боком к капоту, закурил.

ГЛАВА 20

Кесси той ночью так и не уснула. Она долго ходила по квартире, чувствуя, как непривычно нарастает в теле то самое тянущее чувство, которое до тех пор она испытывала всего дважды. Оставалось гадать, что стало его причиной, ведь по всей логике до прихода зова оставалось ещё несколько недель, и едва ни со слезами на глазах она думала о том, что, видимо, поводом, как и писали в сказках, стало появление Её мужчины.

От осознания этого хотелось взвыть — потому что видеть Юргена рядом с собой Кесси по-прежнему не желала. Её уверенность давала сбой, когда муж был поблизости, но стоило Кесси снова оказаться в одиночестве, как все перспективы их отношений вставали перед ней с кристально чистой ясностью.

Может, Юрген и изменился, но Кесси не была готова ставить эксперименты на себе — и тем более на своём ребёнке. Будь она молодой свободной девушкой — как Эрика или Донна — она, может быть, и попыталась бы дать Юргену шанс. Но если Юргена ещё можно было бы назвать привлекательным партнёром для отношений, то насчёт того, какой из него выйдет отец, Кесси иллюзий не питала.

«И всё же... — Кесси оперлась о подоконник и посмотрела в окно, туда, где далеко внизу в полумраке мерцал огонёк сигареты. — Всё же было приятно, что ты меня оценил».

Кесси додумала эту мысль и обнаружила, что тоска накрыла её с головой. Она никак не могла определить, чего хотела. Все чувства обострились и мешали друг другу, как и в прошлые разы, когда наступал зов Семнадцати Звезд, но сколько она ни пыталась расплести этот клубок, не выходило ничего.

«Гратин, ну где же ты...» — рука сама потянулась к телефону и замерла. Кесси зажмурилась, вспомнив состоявшийся днём разговор. Вряд ли Гратин в этот момент её ждал или жаждал говорить. А ей до безумия не хотелось быть этой ночью одной.

Кесси подошла к окну и сжала кулак, наблюдая, как движется туда-сюда зажженная сигарета на улице. Юрген вёл себя хорошо... пожалуй, даже не только для Юргена, а просто хорошо.

Кесси вспомнила, как он склонялся к ней и всматривался — наверняка он почувствовал то, что происходило с Кесси. Тогда зачем вернул её домой?

Кесси снова подхватила телефон и не глядя ткнула пальцем в номер Юргена. Поднесла трубку к уху, но что сказать, так и не придумала. Юрген подождал немного. Затем огонёк сигареты потух, и в трубке Кесси услышала:

— Я сейчас поднимаюсь.

Прозвучали гудки, и Кесси на мгновение запаниковала. Затем рванулась в прихожую и уже на полпути обнаружила на себе робу, от которой ей стало противно и самой. Она в спешке стянула её и загнала в угол пинком. Вернулась в комнату и, схватив первые попавшиеся джинсы, натянула их и какой-то свитер с воротником до ушей, а едва закончила, до нее дошло, что слышит звонок в дверь. Сердце пыталось вырваться из груди, когда она открывала, а затем Кесси замерла, глядя Юргену в глаза, и мысли ее по-прежнему путались.

Она всё смотрела и смотрела — и будто бы не узнавала человека, стоящего перед ней. Она видела его на фотографиях, на обложках журналов, даже в доме, где жила иногда... Но это не меняло того, что Юрген, отец её ребёнка, был её абсолютно чужим.

Юрген облизнул губы, выдавая собственную неловкость. Кесси уже было собралась отпустить ядовитую шутку, но она замерла на её собственных губах.

— Юрген, — произнесла она и остановилась на полуслове.

— Да. Ты звонила.

Кесси медленно кивнула.

— Будем говорить через порог, или, может, пригласишь меня в дом?

Кесси представила, как они спорят в квартире, где находится ребенок.

— Это неудачная мысль, — торопливо произнесла она.

— Хорошо, — Юрген, напротив, тянул слова непривычно медленно, — может, и так.

Кесси благодарно кивнула и снова начала составлять в уме речь.

— Юрген, думаю, ты уже догадался, что мне сейчас с тобой говорить тяжело.

Юрген кивнул и оглядел ее.

— Мне с тобой тоже. Но если хочешь...

— Нет! Не надо мне помогать!

— ...Если хочешь, мы можем отложить разговор.

Кесси потербила губу.

— Чёрт, — произнесла она. — Не могу. Дело не в том, что ты имеешь в виду. Просто рядом с тобой... — она опять вздохнула. — Я снова чувствую себя ребёнком. Я думала, будет приятно, когда ты извинишься передо мной, но нет... Я просто снова становлюсь слабой рядом с тобой.

Юрген поднял бровь, но обычной лихости не было на его лице.

— Ты только для этого позвонила? Поиздеваться надо мной?

— Да. Нет. Не знаю. Чёрт... — Кесси нервно провела по волосам рукой, заставляя косу рассыпаться по плечам. — Юрген, я ведь сегодня с тобой не пошла, так? В смысле, я не захотела остаться с тобой?

Юрген долго молча смотрел на неё.

— Это ты мне сейчас скажи, — наконец произнёс он.

Кесси задержала дыхание.

— Не пошла, — твёрдо объявила она. — Я хочу закончить это. Я хочу развод.

Снова наступила тишина.

— Я настолько виноват? — вырвалось у Юргена.

— Нет. Да. Чёрт. Дело не в этом, Юрген. Просто я совсем не знаю тебя.

— Ещё можешь узнать.

— Я не хочу узнавать, — ответ Кесси был абсолютно тверд.

Почти минуту Юрген находился в каком-то оцепенении.

— Я никак не смогу на тебя повлиять? — спросил он затем.

Кесси помотала головой.

— Хорошо, — Юрген отступил на шаг в темноту.

— Уезжай.

— Хорошо, — повторил тот. — Это твоё право. В конце концов... Между нами, наверное, никогда не было ничего. Но как насчёт моего сына?

— Чего ты хочешь?

— Хотя бы видеть его.

— Хорошо, — тут же согласилась Кесси.

— И... Может, мы всё-таки проведём переговоры? Сама знаешь о чём. Наши родители хотели, чтобы...

— О заводах поговорим. Потом. Через неделю, хорошо?

— Хорошо, — ещё один кивок и снова тишина. — Ну, всё...

— Уходи, — Кесси прикрыла глаза, чтобы не сорваться. Один вид этого мужчины действовал одуряюще, но сама мысль о том, чтобы приблизиться к нему, позволить Юргену коснуться себя, вызывала тошноту. — Больше не могу.

Кесси так и стояла, крепко зажмурившись, пока не услышала стук шагов. Потом глубоко вдохнула и почувствовала, как по телу пробегает дрожь — в воздухе всё ещё стоял тот же аромат духов Юргена.

Она захлопнула за собой дверь и сползла по стене на пол.

Гратин то ли спал, то ли попросту прятался от нее, так что звонить пришлось долго — Кесси успела устать, пока стояла.

Наконец за дверью послышался шум шагов, закрипели замки, и Кесси увидела перед собой недовольное лицо господина директора — кажется, тот не был удивлён.

— Что, он тебя отшил?

— Гратин, прекрати.

Губы Гратина дрогнули, но сам он не двинулся с места ни на миллиметр.

Кесси попереминалась с ноги на ногу.

— Пусти, — попросила она.

Гратин продолжал стоять. Тогда Кесси подошла к нему и опустила лоб Гратину на плечо.

— Не надо, — выдавил из себя тот, и Кесси показалось, что голос не слушается его.

— Я никуда не уйду.

— Пока не появится он?

Кесси внутренне вздрогнула, попыталась прижаться сильнее, а потом, не в силах совладать с собой, обняла Гратина.

— Ты ничего не понял, Тин.

— Да ну. По-моему, я всё понял достаточно хорошо.

Кесси почувствовала, что ей трудно подобрать нужные слова. Напряжение, едва заметное, пока она была одна, и лишь слегка усилившееся рядом с Юргеном, теперь заставляло тело налиться свинцом. Она придвинулась к Гратину ближе и, уткнувшись носом ему за ухо, вдохнула густой аромат пряников, неперменного атрибута его духов.

Не прошло незамеченным её состояние и для Гратина — тот еще не разобрал, что Семнадцать Звезд зовут Кесси, но вполне отчётливо ощутил, как напрягается прижатое к нему тело и как колотится сердце леди Кинстон.

Гратин взял Кесси за плечи и, отстранив от себя, заглянул в глаза:

— Кесси, началось, да?

Ей не нравился этот взгляд. Гратин колебался, а затем спросил:

— Почему ты не пошла к нему?

— Не хочу, — произнесла Кесси упрямо и отвернулась.

Гратин все так же отмалчивался.

— Уходи, — внезапно раздалось над ее ухом.

— Что?

— Ты слышала меня.

— Гратин, я...

— Кесси... Та женщина, которую я любил... Делала так же, как ты. Она думала, что я буду рядом всегда. Но мне кажется, что... может, друзьям правда лучше не испытывать любви? — Гратин убрал руки и отступил назад. Горькое отчаяние звучало в его словах, и он захлопнул дверь.

Кесси всхлипнула и привалилась плечом к стене. Какое-то время стояла так неподвижно, а затем сжала кулаки и побрела к себе.

Та неделя была для неё тяжёлой и казалась бесконечной — но Кесси уже привыкла. Она отдала сына няне, а сама не выходила все те дни, пока организм требовал своего. Кесси почти не вставала с кровати — только вертелась с боку на бок, силясь подавить подступавшие слёзы. Она отлично понимала, что это тоже лишь реакция тела, но поделать с собой ничего не могла. В эти дни она особенно остро чувствовала, что такое быть одной.

Потом всё закончилось. Кесси проснулась утром, потянулась и обнаружила, что ей вдруг стало абсолютно легко.

Подошла к окну, полюбовалась ясным небом и, потянувшись, прислушалась к себе, улыбнулась и огляделась в поисках телефона.

Первым, кому она позвонила, был Юрген — вернее, его секретарь, Клод.

— Передайте господину Розенкрейцеру, что я готова встретиться с ним... Скажем, через два часа, — сообщила она и нажала отбой.

Гратину она позвонила вторым. Тот не сразу взял телефон, а услышав его голос в трубке, Кесси догадалась, что Гратин в самом деле ещё спит.

— Извини, что разбудила, — проговорила она и, улыбнувшись, приникла лбом к стеклу.

Гратин буркнул что-то наподобие:

— Ничего.

Кесси закусила губу.

— Гратин, что ты делаешь через час?

Только дыхание слышно в трубке.

— Сплю?

— Неправильный ответ. Встретимся в Лунар-Люкс?

Ещё несколько секунд царило молчание, потом Кесси расслышала плеск воды.

— У тебя что, с президентом переговоры? — спросил Гратин уже более бодрым голосом.

Кесси улыбнулась самой себе.

— Почти.

Кесси оделась и умылась привычно быстро — за пятнадцать минут. Через двадцать она уже сидела за столиком напротив огромного окна, смотревшего на океан.

Гратин чуть-чуть опоздал, а появившись, оглядел пустующие места.

— А где все?

Кесси ухмыльнулась и накрыла своей ладонью его руку, случайно оказавшуюся на столе.

— Только мы, — усмехнулась она и, заметив, что Гратин напрягся, быстро добавила: — Не уходи. Нам нужно поговорить.

Гратин окинул взглядом слишком вычурный по его мнению зал, но всё-таки сел.

— Могли бы встретиться в кафе на первом этаже.

— Не хочу, — Кесси глупо хихикнула и, потянув его руку к себе, сжала, а через секунду Гратин ощутил в собственной ладони холодный металл. Ему захотелось посмотреть, что там, и он даже произвел пару попыток вырваться. Но Кесси держала крепко, и Гратину пришлось прекратить это занятие и посмотреть леди Кинстон в глаза.

— Гратин, я пыталась тебе объяснить, но у меня создалось впечатление, что ты ни в чем не разобрался. Юрген — моя мечта. Детская мечта.

— Я сейчас уйду, — голос Гратина звучал странно спокойно, но Кесси только крепче сжала его ладонь.

— Детская, Гратин, и она прошла. Мне просто нужно было понять... удостовериться, что это в самом деле так.

Выражение лица Гратина все еще было недоверчивым.

— Я не верю тебе.

— Поверишь, — твёрдо сказала Кесси. — Гратин, я тебя люблю. И хочу, чтобы мы вступили в брак.

Кесси наконец освободила его кисть. Гратин разжал пальцы и увидел кольцо. Он ошеломленно вытаращился на украшение, потому что представлял всё немного не так.

— Чёрт, — признался он, — я не знаю, что сказать.

— Это пройдёт, — пообещала Кесси.

— Может: «Ты ведь уже замужем?»

На лице Кесси сверкнуло странное торжество.

— В обмен на одно свидание он обещал не поднимать шумиху из-за выстрела и подписать документы на развод.

Гратин мрачно посмотрел на неё.

— И теперь ты собираешься с ним...

— Уже. Всё, Гратин. Всё.

Гратин всё равно выглядел недовольным, и Кесси поймала его ладонь.

— Решай за себя. Любишь ли ты меня... Или просто искал, кем заменить ту...

Гратин вздрогнул и сжал руку Кесси.

— Тебя, — произнес он. — Да.

Эпилог

Эрика сидела на берегу моря и один за другим кидала камешки в свинцовую, как тучи над головой, гладь.

День был холодный, несмотря на то, что начинался июнь, и она всё время куталась в просторную клетчатую рубашку, повисшую на плечах.

Эрика любила этот берег и этот пляж, куда не ходил никто, кроме неё. Любила поддевать камешки ботинком, подбрасывать их так и ловить рукой, чтобы потом зашвырнуть далеко в морские волны и смотреть, как разбегаются по воде круги.

Здесь всегда было пустынно, даже в жару, и потому Эрика вздрогнула от неожиданности, когда чьи-то руки накрыли её плечи — тёплые и сильные, пробуждающие первобытный инстинкт, который она так старалась в себе подавить.

Эрика резко обернулась, приготовившись дать незваному гостю отпор, и замерла, увидев прямо перед собой лицо, которого не видела уже больше года.

— Привет, — выдавила он.

— Привет, — ответил Юрген так же негромко и, не убирая рук, опустился на песок за её спиной.

Эрика сжала кулаки. Во время зова она всегда была одна — не хотела залететь или подставиться, как многие другие дуры. А сейчас как раз наступили те самые дни, потому она и пряталась здесь, на берегу.

Она слишком давно не подпускала никого, чтобы сейчас оттолкнуть знакомого, проверенного мужчину вот так легко.

— Юрген, уйди, — произнесла она тихо, почти жалостливо, и тут же сама возненавидела себя за эти слова. Конечно же, Юрген и не думал уходить.

— Тяжело? — спросил он.

Эрика мотнула головой и тут же услышала собственный голос, произнёсший:

— Да.

Юрген осторожно притянул Эрику ближе и, прижав к себе, чуть покачал из стороны в сторону, будто младенца. Закрыв глаза и начал гладить ароматные пушистые пряди её волос.

— Эрика, как же я скучал...

— Идиот... — Эрика плотнее пристроила нос Юргену в плечо.

— Я три месяца тебя искал.

— Почему не год? — Эрика хлопнула носом и тут же списала это на начинающийся насморк.

Юрген не ответил ничего. Он продолжал сидеть, все так же покачиваясь, только наклонился ещё ниже и поцеловал Эрику в висок.

— Вернись ко мне, — попросил он.

— Не хочу, — помолчала и добавила: — Ну... Разве что на денёк.

Юрген коснулся её щеки и, приподняв лицо девушки одной рукой, заставил заглянуть себе в глаза.

— Прости меня, — произнёс он. — Я такой дурак...

— Да, — согласилась Эрика.

Юрген наклонился и легонько коснулся губами её губ.

— Только на денёк, — напомнила Эрика, на секунду прерывая поцелуй.

— Через неделю поговорим, — Юрген повалил её спиной на песок и накрыл собой.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора: Палитра ваших фантазий